

4
1973

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т

Н. МЕДВЕДЕВА. (Свердловск)

СОВРЕМЕННОЦЫ

В НОМЕРЕ:

В. Корнев. КОЛЬКИН КАПИТАН	2
ПРИЗ ЛЕНИНГРАДСКИМ СЛЕДОПЫТАМ	8
А. Андреев. ИССЛЕДУЮТ ПЕЩЕРЫ	9
Л. Юрина. В ПОИСКЕ ЮНЫЕ ИСТОРИКИ	9
Н. Никонов. ЕРМАК	10
В. Петров. НЫНЕ И ВЕК НАЗАД	25
С. Мешавкин. СИБИРИ ГЛАВНЫЙ САД	27
А. Беляев. ПОЧЕМУ ТАК НАЗВАЛИ РАСТЕНИЯ	37
И. Семенчик. НА ПЕРЕКРЕСТКАХ СУДЕБ	39
А. Гангнус. ЧТО РАНЬШЕ — ЗЕМЛЯ ИЛИ ВОДА?	40
В. Пашин. КРАМОЛЬНОЕ ЛИТЬЕ	46
И. Лимонова, Н. Година. СТИХИ	47
С. Гагарин. БРЕМЯ ОБВИНЕНИЯ. Приключенческая повесть (продолжение следует)	49
Д. Биленкин. НОНСЕНС	66
НОВИНКИ. Мой друг — фантастика	68
П. Истомина. ОТПРАВЛЯЯСЬ В ПУТЕШЕСТВИЕ	69
М. Деменок. ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ	71
В. Колчин. МАЗАЕВЫ ВНУЧАТА	77
Ю. Немиров. НА ИЗУМЛЕНИЕ АНГЛИЧАН	79
СЕРЬЕЗНОЕ С КУРЬЕЗНЫМ	80

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР,
СВЕРДЛОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

4
1973

ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

г. Свердловск
Средне-Уральское Книжное Издательство

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т А М

Валерий КОРНЕВ

Рисунки В. Сыскова

КАМАЗИН КАПИТАН

В вагон-городок подводников на трассе газопровода Медвежье — Надым — Пунга я попал под вечер. Свет еще не был включен, и, казалось, вагончики дремали. Но вдруг осветилось одно окно, другое... Словно в испуге, широко распахивались глаза.

И действительно — случилось несчастье. Ушла под воду барровая машина. Есть такая, она ходит по льду и режет его. Машинист вынырнул уже со дна реки. Он сидел в вагончике мокрый, заоченевший, а возле

него суетилась пожилая подвижная женщина — фельдшер. Так я познакомился с женой водолаза Петра Петровича Евдошука — Александрой Петровной. А потом и с ним самим.

Евдошука здесь величали коротко и уважительно — Петрович. Барровую машину доставал со дна он.

— Ну, это — семечки, — сказал мне потом Петрович.

— Бывает и посерьезнее!

— Посерьезнее... — Петрович улыбался, разгадав мою нехитрую уловку. — Я понимаю, вам хочется услышать о необыкновенном. Только вот в чем загвоздка: не должно быть в нашей работе ничего такого... — и, подумав, добавил: — Хотя случается. К сожалению.

Мы стояли на льду реки. И, казалось, вокруг на сотни километров — никого. Да почти так оно и было. Трасса шла через тайгу и тундру. Вдоль этой теплой нитки работали люди. А вокруг на сотни километров — никого.

— Случается... — повторил Евдошук.

Барровая машина стояла на льду. Возле нее возились механики, осматривали двигатель: не повредился ли он при ударе о дно реки. Нервничал начальник участка:

— Быстрее. Пожалуйста, быстрее. Опять задержка, а скоро претаскивать дюкер...

Работа, обыкновенная работа... И жена Евдошука, посмотрев на нас с Петровичем, сказала:

— Не буду мешать... У меня тоже дела.

И пошла через реку. В медпункте лежал тот машинист с барровой, его уже растерли спиртом, напоили крутым крепким чаем... Но что-то беспокоило Александру Петровну, и она все убыстряла шаг, а потом побежала...

А Евдошук этот путь — от берега до берега — незадолго перед тем прошел по дну. Несколько дней шел, медленно и осторожно. Поднимался на поверхность, отдыхал — и снова под воду...

Он осматривал дно метр за метром. Потом земснаряд опустил сюда свой хобот и больше месяца выбирал грунт. И там, где прошел Евдошук, образовалась траншея, в которую ляжет подводный газопровод — дюкер. Дюкер сейчас готовят на берегу сварщики. Будто золотистыми нитками сшивают трубы метрового диаметра. Растет и растет стальная сигара. Пятьдесят, сто, сто пятьдесят метров... Будет — двести пятьдесят...

И это еще не весь дюкер. Весь он — почти полтора километра. В единую нить его соединят перед тем, как уложить на дно реки. А до этого трубу заизолируют, зафутеруют — обошьют досками, чтобы не повредилась изоляция. И еще наденут на нее стальные кольца — каждое весом в полтонны. Чтобы не всплыла труба, чтобы прочно легла на дно реки.

И тогда под воду спустится опять Евдошук. И опять пройдет от берега до берега, осматривая траншею... И, поднимаясь наверх, увидит рядом Александру Петровну.

— Давно это было, — после некоторого раздумья начал свой рассказ Евдошук. — Еще Колька мой не родился...

Он как бы рассматривал себя со стороны. Бывают в жизни человека такие моменты, когда хочется увидеть себя со стороны...

...Под ним — голубая квадратная льдина и семь метров вязкой от холода воды. Над ним — лед, в темных прожилках, похожий снизу на плиту мрамора. Мороз сковал шугу, так и осталась она поверх, запеклась слоеным пирогом.

А он сам — как выглядит он, Евдошук? Зажатый льдом сверху и снизу, в зеленом водолазном костюме, похож он, наверное, на вмерзшую в лед лягушку...

Евдошук может считать, что пока ему повезло: у него еще есть воздух. Много воздуха, который можно пить жадно, до покальвания во рту, как от газированной воды. Но можно и потихоньку, как откусываешь кусочки затвердевшего, не сразу тающего мороженого...

Голубая льдина, на которой был установлен специальный «домик», плавно опускалась на дно реки. Евдошук, как всегда, отдавал команды — спокойно, даже чуть замедленно. И когда поглядывал чуть наискосок и вверх, то видел, как торопливо, перегоняя друг друга, мчатся пузырьки воздуха.

«Домик» был нужен на дне реки. Протаскивался экспериментальный дюкер, и «домик» был начинен специальными приборами.

Сначала все шло хорошо, а потом что-то случилось. То ли откололся под тросом кусок льдины, то ли течение повернуло ее. Но еще до того, как льдина наклонилась и «домик» сначала медленно, а потом все быстрее пополз к ее краю, Евдошук почувствовал опасность и успел сообщить о ней наверх. Там, наверху, его услышали...

— Скажи, — частенько спрашивала Шура, жена Евдошука, — а под водой страшно?

— Нет, что ты, — отвечал он всякий раз.

— А можно мне хоть разок спуститься? Попросим ребят, они начальству не скажут.

— Нет, что ты, — пугался Евдошук, — нас же сразу всех выгонят...

И они оба смеялись. Уж очень он забавно изображал испуг. Это была их игра. Игра-диалог в «страшно — не страшно».

Подросток сын, Коля, и заучил этот диалог наизусть. Только испуг Евдошука не хотел принимать всерьез. И тогда Евдошук серьезно объяснил, что при всем желании он не сможет найти для Коли маленький скафандр.

— А подрасту — найдешь? — требовательно спрашивал сын.

— Найду, — обещал Евдошук.

Сын победоносно взглядывал на мать. Ведь для нее, большой, взрослой, отец так и не соглашался достать скафандр.

...Он еще что-то успел сказать. Машинально сказал, по привычке докладывая обстановку. И с этого момента как бы раздвоился. Один Евдошук констатировал события, чтобы знали о них наверху, а второй действовал. Потому что от его действий в какой-то мере зависело, чем все это кончится.

Если порвет шланг, по которому поступает воздух, тогда — конец. И он старался, как мог, следить за шлангом.

Скользкая, как рыбий хвост, льдина цепко держала Евдошука. Почти до самого последнего момента он думал, что сумеет от нее оторваться. Но льдина, сбросив «домик», не хотела отпускать от себя Евдошука. Стоило ему добраться до края, как льдина меняла положение и водолаз опять сползал к ее середине. Это единоборство продолжалось до тех пор, пока льдина не прижала Евдошука к ледяному панцирю реки.

Так вот и получилась в этой борьбе вроде бы ничья. Льдина не отпустила Евдошука, но и Евдошук сумел сохранить шланг. И только поэтому остался жив. Связь с людьми наверху прервалась, они не знали, что с Евдошуком, но мотопомпа качала воздух и, значит, там, наверху, считали его живым...

Сын подрастал. И от диалога-игры в «страшно — не страшно» Евдошуку порой становилось не по себе. Начав говорить о маленьком скафандре, он иногда останавливался на полуслове. Коля обижено сопел и обращался за помощью к матери:

— Ма, а папа со мной не хочет играть.

— Папа устал, — говорила Шура.

— Он не устал, — упрямылся Коля. — Он не хочет, чтобы у меня был скафандр.

И это, пожалуй, было правдой.

Евдошук знал свою жизнь на много лет вперед. Новые трассы трубопроводов означали новые переходы через реки. Там всегда найдется для него, Евдошука, работа.

Он никогда не говорил, что любит свою работу. Это само собой подразумевалось. Настоящее чувство не требует рекламы.

Постоянный уют, жизнь в вагончиках не смущали ни Евдошука, ни Шуру. Конечно, ванная комната в квартире, тротуары на улицах, официант, подающий изысканные блюда, — кто от этого откажется? Но трассовику такое доступно только в дни отпуска. «На трассе — как на трассе», — любил говорить Евдошук. Нет здесь в чистом виде ярко-голубой романтики, нет места и таким, для кого весь мир становится никуда не годным после первой же порции комариных укусов. Здесь — работа. И его она устраивает. Шуру — тоже.

Но справедливо ли готовить сына заранее к такой жизни? Имеет ли он, Евдошук, на это право, даже как отец? Ведь игра с каждым годом становится все серьезней.

И однажды Евдошук решился.

— Шура, — сказал он жене, — давай отправим Николая к родственникам.

Он назвал сына взрослым именем — Николай, это было необычно и насторожило Шуру.

— Почему? — спросила она. — Мы же будем скучать без него.

— Так надо, — сказал Евдошук.

И стал объяснять, почему — надо. Довольно bestолково объяснил Евдошук. Если для него самого все уже было ясно, то для Шуры понять его решение было не так просто. Будущее казалось Шуре далеким, а сейчас хотелось, чтобы сын был рядом.

— Я напишу, чтобы за Николаем приехали, — сказал Евдошук.

— Напиши, — сказала Шура, — только не сейчас, позже...

Коля пока так и остался с ними, но теперь Шура уже никогда не заводила игры в «страшно — не страшно».

...Конечно, люди до последнего момента верят в лучшее. Но, прижатый льдиной, в сумеречной неподвижности затосковал Евдошук. Нахлынуло чувство запоздалого страха. Вдруг представил, как вода просачивается под шлем, заполняет скафандр...

И не себя стало жалко, а жену — Шуру. И сына, еще не родившегося. «А, может, дочь будет?» — говорила Шура. «Нет,

сын!»,— твердо возражал Евдошук. Он был уверен в этом. Он уже сыну и имя выбрал — Коля. Коля — так звали друга, водолаза, погибшего еще во время войны, когда поднимали канонерскую лодку.

Только бы не успели ничего сказать Шура, пока еще есть надежда на спасение. Напугают, а ей сейчас нельзя волноваться.

...Голубая льдина под ним дрогнула, подалась. Это нелепо, но все же у него было такое ощущение, словно он чувствует каждое движение льдины всей своей кожей. Льдина медленно, едва ощутимыми рывками разворачивалась. Если кромкой разрежет шланг или перехватит его...

И, наверное, это был именно тот момент, когда родилась мысль, долгие годы потом не дававшая ему покоя. Мысль о том, что сына он к воде не допустит. Ни в коем случае!..

...В тот день он работал в легком водолазном костюме. Увидев, как трижды дернулся фал — сигнал опасности,— Евдошук стал быстро подниматься вверх. И тут же снова ему пришлось нырять под воду, доставать тонувшего мальчишку. Не сына, совсем незнакомого мальчишку. Но когда вынес на берег обмякшее безвольное тело, то невольно представил на месте этого чужого ребенка своего Колю.

Мальчишку откачали. Шура, его Шура, сделала все, что смогла. Она была фельдшером, и в этой должности ездила с Евдошуком с трассы на трассу.

Родители мальчишки — зареванная мать и бледный, охрипший отец, все спрашивали у Евдошука: «Чем вас отблагодарить, ну, скажите, чем?»

Евдошук посмотрел на сына, вертевшегося рядом, на Шуру, которая, перехватив его взгляд, сразу все поняла, и сказал:

— Вы сейчас в поселок, да? А мне опять под воду. Если не трудно, отправьте, пожалуйста, телеграмму. Я сейчас напишу.

И стал искать карандаш.

— Ладно, Петя,— поникшим голосом сказала Шура.— Ты ступай, работай. Я сама напишу.

Чисто и уютно в медпункте. И тихо. Только когда Шура проходит по скрипучему, добела выскобленному полу, на стенах и потолке всплескиваются солнечные зайчики. Это от пробирок и аккуратно разложенных блестящих инструментов.

Но вдруг испуганно заметались солнечные зайчики, зазвякали пробирки. Тяжело ступая, вошел знакомый водолаз. Снег с валенок не стряхнул...

— Страхивать снег нужно,— сказала Шура.

— Извини,— сказал водолаз.

Вышел, долго топтался на крылечке. А когда вернулся, то выговорил без запинки:

— Ты, Шура, крепись. Петровича льдиной затерло. Как будет — не знаю. Пока плохо. Ты, Шура, крепись... Ты только не плачь... Не плачь, Шура...

Что он, не видит? Она же не плачет! Нет, нет, она не заплачет. И пересиливая себя, сквозь накатившийся туман с трудом различая кряжистую фигуру водолаза, она прокричала:

— Плохо, говоришь? Врешь ты все! Врешь, врешь!..

И только тогда заплакала...

...Евдошук услышал,— или это ему показалось? — что где-то рядом стучит дятел. Нет, стучит... Зеленые ветки наклонились к самому лицу. Густая, до черноты, тень, а все равно жарко. Пот от висков стекает по щекам, подбородку.

Надо встать и идти. Идти, продираясь сквозь заросли. Где-то поляна, голубая, пропитанная солнцем... Там Шура... Идти... Сквозь заросли...

Сознание возвращалось медленно. Исчезало зеленое марево перед глазами. Значит, льдина снова сдвинулась. Сдвинулась, отпустила шланг, и снова пошел воздух.

Не дятел стучит — это над ним долбят лед. Споро работают, торопятся...

Когда вытащили Евдошука и отвинтили шлем,— из скафандра хлынул воздух. Даже не воздух, а пар. Прихваченный морозцем, заискрился блестками. И медленный, ослабевший голос Евдошука не попросил, потребовал:

— Шуре ничего не говорите. Ни слова. Понятно?

И Шура, рванувшаяся было к Евдошуку, отступила назад. Широкая спина водолаза, который приходил в медпункт, закрыла ее от Евдошука.

— Не скажем... Что ты... Будь спокоен... Мы уже решили... решили: не скажем.

А когда Евдошук отдышался и пришел в себя, на деревянный топчан к нему подсел старшина водолазной станции:

— Ты, Петрович, в двух словах растолкуй, что случилось. Теперь я пойду вниз.

— Да,— сказал Евдошук,— да, растолковать можно. Только я ведь кожей чувствую, что там и как, а тебе придется мои слова к обстановке примеривать...

— Сам, что ли, пойдешь? — спросил старшина.

— Сам,— сказал Евдошук.— Ты уж не обижайся.

— Я не обижаюсь. Только нельзя пускать тебя сейчас. Но ты прав. И тут ничего не поделаешь...

...Долгие годы Евдошук был уверен, что Шура ничего не знает о том случае, хотя сам чувствовал, что по глупому объяснил причину синяков: мол, споткнулся, упал. Это как же — во все стороны он падал, что ли?.. Но Шура, кажется, ничего не заподозрила, сказала только:

— Впредь осторожней будешь...

А потом пришел год, когда сын заканчивал школу... Николай написал, посоветовался: собираюсь, мол, в речное училище...

И Евдошук ответил: если твердо решил — поступай.

Несколько дней он ходил мрачный, жаловался Шуре:

— Откуда это у него? Кажется, все сделал, чтобы наш Колька человеком стал, а он...

Письма теперь писала, в основном, Шура. Евдошук передавал приветы.

Когда нет подводных работ, водолазы не отдыхают. У каждого из них имеется в запасе еще одна, а то и несколько профессий: они садятся за рычаги бульдозеров, трубоукладчиков, становятся сварщиками...

Иначе на трассе нельзя. Здесь каждый человек на счету. До поры, до времени отдыхают лишь скафандры. Люди — работают. Все, что нужно, Евдошук сделал на дне Надыма. И теперь занимался футеровкой — обшивал будущий дюкер досками.

Занятый работой, он не заметил, как к берегу подвалил катер. И не видел, как подошел к нему щеголеватый молодой речник, бережно поддерживая под локоть женщину.

И, как всегда, была неловкость первых минут встречи. Улыбаясь, спрашивал Николай:

— Как, папа, приветами обойдешься или разговаривать со мной будешь?

— А ты почему здесь? — спрашивал Евдошук.

— На практике. Попросил направить туда, где отец работает. Ну, мне и пошли навстречу.

— Почему же не написал?
— А ты мне писал?..

— Значит, в капитаны метишь? — спросил Евдошук.

— В капитаны, — согласился Николай.
— И как же ты до этого додумался?

Видно, это был самый главный вопрос, который хотел задать Евдошук. И Николай понял это. Но ответил не сразу. Трудно было ответить сразу.

— Понимаешь, папа, я не очень-то и додумывался. Я ведь как бы под командой невидимого капитана живу...

Евдошук от неожиданности поперхнулся чем. Николай только улыбнулся:

— Красиво я сказал, а?

— Это вы сейчас умеете — красиво говорить... — Евдошук начал сердиться. — Это кто же он такой, твой капитан?

— Ты, — сказал Николай.

— Плотник он сейчас, а не капитан, — сказала, обращаясь к сыну, Александра Петровна. — Сам небось видел.

— А подводных работ больше не будет? Николай обращался к матери. На Евдо-

шука они, словно сговорившись, не обращали внимания. А тотпил второй стакан чаю без сахара и не замечал, что без сахара.

— Как это не будет подводных работ! — сказала Александра Петровна. — Будут. Зимой этот дюкер протянем, потом — следующую. Петровичу понравилось здесь. Надым, говорит, тяжелая река. А ему это интересно. Так, что ли, Петрович?

Евдошук снова взялся за чайник.

— Ну, скажи хоть что-нибудь. Скажи сыну-то хоть позволишь спуститься под воду?

— Ты ведь обещал, когда подрасту, найти для меня скафандр, — смеясь, напомнил отцу Николай.

— Ну, раз обещал — позволю, — сказал Евдошук сыну. — Все равно вам это по программе положено. А маме... Маме на берегу ждать. Меня все ждала, а теперь вот и тебя тоже. Только не думай, что это легко, ждать нас наверху...

— Я буду помнить об этом, капитан, — ответил Николай.

**Трасса газопровода
Медвежье — Надым — Пунга.**

ПРИЗ — ЛЕНИНГРАДСКИМ СЛЕДОПЫТАМ

Пятнадцать лет исполняется в этом месяце «Уральскому следопыту». Он — ровесник тому многочисленному племени ребят, которые ежегодно отправляются в поиск, открывают новые имена героев, рассказывают о боевой и трудовой славе дедов и отцов, охраняют наши леса и водоемы, пишут историю поселков и заводов, находят месторождения полезных ископаемых. И ежегодно в апреле лучшим из них журнал присуждает приз.

Два рассказа о своем поиске прислали следопыты школы № 235 города Ленинграда. Один из них называется «А музы не молчали». Такое же название носит и школьный музей. Эмблема его — скрипка, скрепленная с автоматом. Экспонаты музея рассказывают о мужественном искусстве блокадного Ленинграда. В частности, здесь находится партитура знаменитой Седьмой симфонии Д. Шостаковича, которая впервые прозвучала в осажденном Ленинграде 9 августа 1942 года. Партитура симфонии — подарок композитора следопытам (№ 8 — 1972 г.).

Второй материал — «Это было чудо!» — посвящен танцевальному ансамблю Дворца пионеров. В землянках, блиндажах и просто на лесной полянке давали концерты мужественные подростки. Часто зрители-бойцы прямо с концерта шли в бой. Бывало и сами ребята становились бойцами. Ребята рассказали о дальнейшей судьбе бывших участников ансамбля (№ 3 — 1973 г.).

Решением жюри приз нашего журнала присуждается следопытам школы № 235 города Ленинграда.

Хочется отметить и некоторые другие конкурсные работы.

«Мы не можем просто гулять по раздолью нашей Родины. Мы должны быть участниками ее переустройства и творцами новой жизни». Эти слова академика А. Е. Ферсмана стали девизом следопытов Чишминской школы № 2 Башкирии. По заданию Башкирского государственного университета и Башкирского филиала географического общества СССР ребята изучали и описывали озера республики — делали промеры глубин, наблюдали за жизнью подводного мира, создавали «голубые патрули» («Озерные легенды», № 9 — 1972 г.)

А школьники из поселка Шолоховский, Ростовской области, написали историю революционного судна «Колхида». Этот корабль первым на Дону принял сообщение о победе Октябрьской революции. Отсюда передавались телеграммы Владимиру Ильичу Ленину о ходе борьбы против белогвардейщины на Дону. Судно по праву назвали донской «Авророй». («Донская «Аврора», № 11 — 1972 г.)

О своем земляке, бывшем выпускнике профессионально-технического училища № 1 Челябинского тракторного завода, ныне дважды Герое Советского Союза летчике К. А. Евстигнееве собрали материал учащиеся училища. Они побывали на родине героя, встретились с его родными, друзьями, учителями. Но самое дорогое для следопытов — письма самого Кирилла Алексеевича. В одном из них он писал: «Учитесь делать все в полную силу! Не допускайте брака ни в чем! Будьте настоящими мастерами!» («Крылья», № 12 — 1972 г.)

Увлекательным был поход следопытов Мурманской школы № 10 на Терский берег Белого моря, в поморские села, знаменитые своими уникальными памятниками русского деревянного зодчества, песнями и сказаниями. Ребята записали много песен и сказаний и собрали для школьного музея предметы народного быта. («За песнями», № 6 — 1972 г.)

Наш конкурс продолжается. В первом номере «Уральского следопыта» было опубликовано новое положение о конкурсе. В нем, в частности, говорилось о призыве челябинских школьников — помочь ученым воссоздать историю рабочего класса Урала. И мы надеемся, что материалы, присланные ребятами в редакцию в этом году, будут посвящены и этой теме. Они расскажут о истории старейших заводов, о рабочих династиях, о людях большой и интересной судьбы.

В ПОИСКЕ ЮНЫЕ ИСТОРИКИ

ИССЛЕДУЮТ ПЕЩЕРЫ

Туристы Стерлитамакского Дома пионеров увлечены исследованием пещер. Особенно интересным у них было лето прошлого года. По заданию ученых Башкирского государственного университета юные стелеологи описали тринадцать пещер Гафурийского района. Две из них — Сусанбай и Кузганяк — настоящие подземные дворцы. Протяженность каждой около двух метров. В пещерах ребята обнаружили красивые озера, живописные сталактиты, на стенах — кальцитовые натски. Исследовали юные стелеологи Зириклинский провал и провал Мамерзя.

Сейчас в туристском кружке Дома пионеров идет подготовка к летним походам. По заданию ученых ребята будут изучать пещеры других районов республики.

Зимой в Свердловском Дворце пионеров состоялся вечер, посвященный предстоящему юбилею — 250-летию Свердловска. Бывший воспитатель Дворца пионеров, а ныне — главный архитектор города К. А. Узких рассказал ребятам об истории Свердловска, о том, как он будет выглядеть в недалеком будущем. Сотрудники Публичной библиотеки имени Белинского предложили следопытам темы для поиска по истории города.

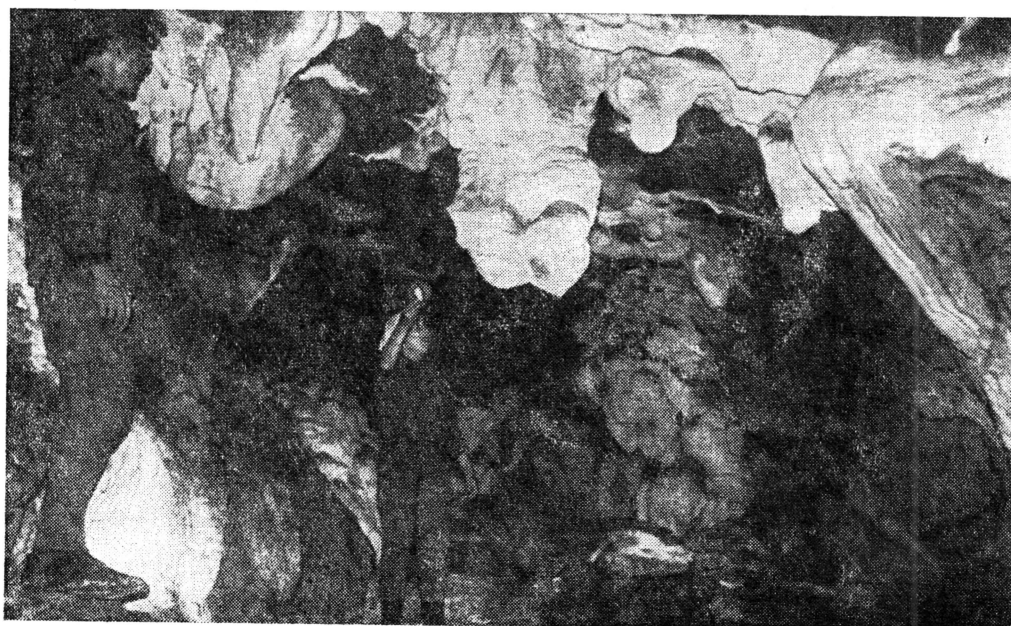
Сейчас во многих школах идет подготовка к юбилею. Ребята изучают революционные, архитектурные памятники, знакомятся с жизнью и деятельностью своих выдающихся земляков, проводят конкурсы, пишут сочинения о родном городе.

Интересные темы для своих исследований взяли юные историки Свердловского Дворца пионеров: горнозаводские школы Урала, возникновение в городе периодической печати, положение приписных крестьян, мастеровых и рабочих людей на уральских заводах, камнерезное искусство Урала, культурная жизнь сегодняшнего Свердловска и другие.

Сейчас следопыты собирают материалы, встречаются со старожилками города, записывают их рассказы.

А. АНДРЕЕВ

Л. ЮРИНА

В одном из залов пещеры «Сусанбай».

Фото автора.

SPARK

Рисунки
Н. Мооса

Никому не известно до сих пор в точности, кто был человек со странным прозвищем Ермак. Нет даты его рождения. Даже дата гибели указана в разных источниках не одинаково: 1585 год или 1584-й. В летописях и преданиях о Ермаке множество вымысла и фантастических подробностей. Работая над этим рассказом, я стремился отбирать то, что кажется более правильным, точным и достоверным.

Автор

КАЗАЧИЙ АТАМАН

Степь. Ровно дует горячий южный ветер. Летит он с великих аравийских пустынь, с песков Сахары и пахнет горестно древней пылью мертвых городов, верблюжьей шерстью, сухой полынью. Ближе осень. Побурела степь. Запеклась под солнцем, истрескалась земля. Белеют по ней горькие солончаки, гонит ветром ковыльные волны. Величава и безотраднa степь в эту пору. Только сглаженные временем холмы-курганы красят ее. Неизвестные люди насыпали эти курганы над могилами своих вождей в давно-давние времена, поставили на иных курганах тяжелые статуи-бабы. Не одно тысячелетие глядят эти каменные бабы в степь и много видели конных и пеших. Видели они и табуны диких коней — тарпанов¹, и хищных зверей, которым уж помина нет на этой земле², и кочевые орды, проходившие одна за другой, и полководцев их, имен которых никто не помнит, и орлиные стаи, летевшие по следам кочевников клевать их кости после битв...

Молчит степь. Молчат курганы. Загадочно улыбаются каменные старухи. Дует ветер. Колышется ковыль. А жизнь идет. Вон бродят в посохлох бурьяне большие степные птицы — дрофы, мчитс я вдали поджарый степной волк, ползет черный жук в поисках верблюжьего помета. Здесь старая караванная дорога из крымского ханства на реку Волгу, в торговый город Астрахань. Что ни день, то бредут неторопливо высокие верблюды. Тяжело навьючены они полосатыми и белыми тюками с товаром. Скачут всадники — охрана каравана. Едут купцы в полосатых зеленых халатах, в сафьяновых красных сапогах. Хитрые лица купцов прячутся под белыми шелковыми чалмами, бороды покрашены рыжей краской — хной, только у предводителя каравана борода белая. Это аксакал³. Он знает дорогу. Сотни раз прошел с караванами из Кафы в Астрахань.

Вот и сейчас идет такой караван во главе с белобородым вожатым. Всадники с мечами в руках гонят толпу связанных пленников и пленниц. Всем торгуют купцы на широких базарах в Астрахани, в Кафе⁴, в Бахчисарае⁴ — продают и ковры, и ору-

жие, и пленников из мирных селений. Давно идет караван. Вечерет. Истомились люди. Устали верблюды. Впереди овраг, выглядывают из него зеленые верхушки кустов и деревьев. Там вода. Течет мелкая степная речонка. Туда направляется караван. Остановились верблюды, сошли с коней всадники. Разминают ноги. Вдруг загремели выстрелы. Заржали коня, зашумели кусты, вылетели из оврага на низкорослых крепких конях лихие люди в бараньих шапках, в чекменях и кольчугах. Зазвенели, заблестели сабли. Свист и топот. Рев верблюдов. Пыль и крики. Все смешалось, но недолгой была схватка.

И вот снова идет караван. Презрительно смотрят верблюды, а кругом на конях те бородастые люди в шапках, в руках сабли, через плечо тяжелые ружья-фузеи, у седла волосяные арканы. Весело гомонят, и смеются, и плачут развязанные пленники, угрюмо бредут связанные купцы в своих шелковых халатах. Теперь купцам сидеть в плену у казаков, ждать выкупа. Казаки рады добыче. Много захвачено золотой парчи¹, тугого шелка, узорного оружия, греческих ваз с вином, золотых и серебряных² украшений. Счастливым оказался «поход за зипунами»² — так зовут казаки с Дона свои набеги на купцов, на татарские селенья в Приазовье. И во всем хвалят казаки своего атамана — «батюку», как зовут тут его все. Едет батька впереди на высоком гнедом коне-донце с белой пролысиной на морде. Могуч конь. Широка в плечах, плосколиц и чернобород атаман. Борода кудрявая, взгляд строг, но не зол, умен и спокоен. На атамане серый казацкий чекмень³, простые крепкие сапоги, серая баранья шапка, за кушаком — турецкий пистолет с черной серебряной рукоятью, на боку сабля. Вторая сабля приторочена у седла. Любил Ермак — так звали атамана — эту вторую саблю и не раз спасала она его в лютой сече с татарами-крымчаками, степными ногайцами и турецкими янычарами. С пронзительным визгом налетали они и рубились лихо. Однажды кривой булатный ятаган турка с маху рассек Ермакову саблю, и тогда, увернувшись, выхватил Ермак свой индийский булат — хорасан. Эта сабля гнулась в кольцо, мерцала, как голубая молния, разрубала все — даже камень.

Доволен был Ермак и казаки, с добычей идущие в Качилинскую станицу. Но знал

¹ Последняя дикая лошадь — тарпан — была убита на Украине в 17 в.

² Два тысячелетия назад на территории Причерноморья водились львы и другие крупные хищники.

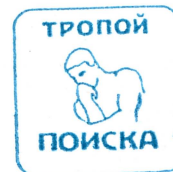
³ Аксакал — буквально «белая борода», почетный, почтенный человек.

⁴ Кафа (Феодосия) и Бахчисарай — древние города в Крыму.

¹ Парча — узорная ткань.

² Зипун — старинная верхняя одежда.

³ Чекмень — одежда казаков в виде короткого плаща.

Ермак и то, что не любят его станичные богатеи — «заможные» казаки. А теперь еще больше возненавидят — после удачного похода. Ехал и думал, что надо бы покинуть эту станицу. Как был, так и остался он тут пришельцем, чужим. Уйти бы на Волгу, на Каму, в родные края, где еще юношей лес сплавлял, был гребцом на струге, бурлаком — «гусаком», идущим в передней лямке. Подростком ушел из родных камских мест, кашеварил в бурлацкой артели, оттуда пришло и прозвище бедовому широкоплечему Ваське Алёнину — Ермак. Ермаком зовут бурлаки артельный широкий котел, ермаком называют и нижний камень в ручных жерновах, на которых мелют грубую муку для артельной каши.

Далеко-далеко прошлое. А прозвище бурлацкое живет, заменило имя. И еще осталась неспокойная душа — все тянет Ермака куда-то в чужие края, смотреть землю, пробовать силу, искать справедливости и свободы.

Даже и сам он не знал, откуда родом его предки. Ходили слухи, что дед Афанасий был из Суздаля. Отец Тимофей и брат отца Родион пришли на Каму вместе с их матерью Алёной. Не отсюда ли прозвище братьев — Аленины? Осели на камской земле, женились. Здесь и вырос у Тимофея Аленина бедовый Васька, атаман и коновод местных ребят.

Ехал Ермак. Вспомнилось детство. Широкая Кама, лесистые зеленые берега. Ласковый песок у воды. Березы. Гнездо сокола, за птенцами которого лазал на высокую береговую скалу. Птенцов за хорошие деньги брали московские люди-сокольники для царской и княжьей охоты. Такой сокольник приезжал в их слободу под Чусовским городком, и никто не согласился лезть за соколятами на каменные столбы-братья, не полез и сам сокольник, а взялся он, Васька Аленин, и достал, хоть и изрезал всю грудь и руки острыми выступами камня, пока взбирался по отвесной стене и спускался вниз. Помнит Ермак и сейчас, как холодела спина, когда оглядывался вниз в синюю глубину, на реку, которая с высоты казалась узкой.

— Смел парень! — похвалил сокольник, принимая двух крапчатых, злобно пищавших слётков-кречетов¹. — Гляди, однако, так и голову потерять не долго.

— Небось, — пробурчал Васька.

Дал сокольник за птенцов полтину — по тому времени большие деньги.

Много думалось-вспоминалось, пока ехал степью впереди захваченного каравана. Вспоминал, как бурлачил на Каме. Набирал силу. Сила и сейчас велика — на веревке один перетягивает семерых казаков. Вспомнил, как служил в стрелецком войске. Как бежал от боярина на Волгу, в вольные казаки. Как учил рубаться ватажный атаман Сноп. С правой и с левой руки, перебрасывая саблю, рубил Сноп, а всю дружину перебили стрельцы, присланные воеводой, ушел один Ермак. Выручила не сила — смелость и хитрость. Притворился раненым тяжело, ночью, когда и стража уснула, подрыл амбар и сбежал. Ушел на Дон. Приписался в казаки. Ходил с ватажками на татар и турок. Добыл славу храброго, сильного, удачливого. Стал атаманом голытьбы — «голутовных», «незаможных» казаков. И сам остался «незаможным». Ничего не накопил. Добытое в походах раздавал старикам и вдовам. Жил в землянке на берегу Дона. Одевался просто. Был строг и суров. Но люди любили. Уже звали «батькой», а едва перевалило за сорок.

¹ Кречет — самый крупный и редкий вид сокола.

Вот и дымки Качалинской станицы. Народ бежит встречать... Сейчас будут хвалить-величать за победу. Нахмурился Ермак, не любит он этого.

НА ВОЛГЕ-РЕКЕ

С высокого берега видна Волга чуть не на сотню верст. Широка матушка в разлив и во всем подобна Хвалынскому¹ морю, куда несет она свои вольные воды. Бегут цепочки белышей-бурунов, стальной рябью зеленеет глубокий стрежень², лещет в берег шалая волна. Однако простор Волги лишь для робких — не раз туда и обратно переплывал Волгу Ермак, учил казаков-ватажников не бояться воды. Уже не один год гуляет по Волге Ермакова дружина. От Астрахани до Камы ходит молва. Ушел на Волгу с горстью друзей-казаков — теперь набирается до шести сотен. Топили казаки боярские баржи, освобождали пленных и невольных, помогали холопам бежать на вольный Дон, рубили отряды кочевников, идущие из заволжской степи грабить Русь, брали дань с купеческих караванов. Был Ермак непобедим, легко разбивал мелкие отряды, посылаемые местными воеводами усмирять казаков. Был он и неуловим. По всему Поволжью и даже в самой Москве рассеялись Ермаковы лазутчики. Узнавали об угрозе. Извещали задолго.

Но сегодня в весенний теплый день особенно был задумчив казачий батька. Стоял на дернистом откосе у обрыва над Волгой, снял баранью шапку, ветер с реки студил лоб и голову, шевелил черные задетые сединой кудри. Пришла сегодня нелегкая весть. Доставил ее в драной шапке убогий нищий.

Большая многотысячная рать идет на Волгу по приказу самого царя Ивана Грозного! Ведет рать стольник³ Иван Мурашкин. Мурашкин скор на расправу, был из лучших царевых опричников. У стрельцов пушки. Велено Мурашкину казаков не щадить. Пытать и вешать. Атаманов схватить. Заковав в железо, доставить в Москву. Особая казнь Ивану Кольцо — первому помощнику Ермака. Ивана Кольцо — удалого чернобородого разбойника — знал сам царь Иван Васильевич. Бывал Кольцо и на Дону. Грабил Кольцо на подмосковных дорогах и в лесах, ходил на Каспий и на реку Яик⁴, не жаловал купцов, бояр и даже царских послов, не один раз чудом бежал, уже схваченный, и теперь соединился с Ермаком. Пять атаманов-помощников у Ермака: Иван Кольцо, Иван Гроза, Яков Михайлов, Никита Пан и Матвей Мещеряк. Все они и сильные, и храбры, а думать ему, Ермаку. Казакам — решать. Куда идти? Даже если разбить Мурашкина — царь пошлет лишь новое войско. Не воевать же против великого государства Московского с горсткой казаков. Да и какой русский станет воевать против самой матери-Руси? Одно дело — набеги на купцов, на боярские струги, другое — война с Русью... Уйти на Дон? Донские старейшины и атаманы уже, конечно, получили приказ схватить казаков... Они никогда не жаловали Ермака — только боялись. Сплыть по Волге в Каспий, наняться на службу к персидскому шаху, к турецкому султану? Против кого пошлет султан воевать? Против Руси, против

¹ Хвалынское море — старое название Каспия.

² Стрежень — середина реки, где сильное течение.

³ Стольник — один из высоких придворных чинов.

⁴ Яик — старинное название реки Урал.

Родины... Куда идти? В степь, в Заволжье? Там ко-чуют ногайцы¹. Казаков пятьсот с небольшим — ногайцев сотни тысяч. Да и не пойдут казаки от Волги. В Волге их сила, свобода, тут и голову сложить легче. Хороша Волга-матушка, как душа богатырская просторна, никому не подвластна. Какие ветры, какие бури видела, сколько народов и орд топтали ее берега, сколько коней пили ее воду, а вот течет, как текла и тысячи лет назад и как течет будет. Она — как Русь...

Так думал Ермак, когда глядел на ветряной простор реки. Думал, есть ли еще такая? И сказал вдруг вслух: ЕСТЬ!

А Каму-матушку, родную реку, забыл? Немногом уступит Волге. Так же величава и свободна. Вот где искать спасения. Вот куда надо вести казаков.

Вечером повеселевший Ермак сидел с атаманами у костра. Хлебали уху из жирной стерляди. Ермак говорил:

— Идти надо скоро в понизовье. Слух дать: на Астрахань идем. На Дон... Другим говорить — плывем в Туретчину. Лишнюю рухлядь закопать, спрятать в надежные пещеры. А то и бросить... Пускай стольник царев думает, что след наш топчет. Сами же, спустясь некоторое время, переберемся на левый берег. Лишние струги бросим, пускай плывут. Затаимся, пропустим Мурашкина, да берегом, лесами пойдем вверх. На Каму пойдем, детушки. А там — видно будет. Выйдем к городку Строгановых — подкрепимся. И двинем тогда далее — за Камень, по Чусовой реке. Слыхал я — там добра земля, безлюдна и спокойна. Течут там иные реки в Обь великую, и есть татарская орда — Сибирь. Собьем орду — свое царство поставим, без холопов, казачье царство...

— Голова ты, батька! — крикнул Иван Кольцо. — Чего удумал! Любо! Так и скажем казакам на кругу².

Хитрый Никита Пан одобрительно подмигивал. Улыбался Яков Михайлов. Спокойно сидел Иван Гроза. Один суровый рябой Мещеряк глядел хмуро. Самый осторожный он был из атаманов, ведал провиантом и казной, ни в чем не спешил — ни в слове, ни в деле. Но Ермак любил его не меньше, чем бойкого, отчаянного Ивана Кольцо. Бывало, Мещеряк в упор высказывал несогласие с Ермаком. И Ермак, редко терпевший, чтоб ему перечили, не один раз соглашался с Мещеряком.

— Что молчишь? — спросил Ермак, откладывая ложку на траву. От серебряной енды³ с ухой шел вкусный пар. — Что молчишь? Не любо?

— Дай подумать, — пробурчал Мещеряк, прожевывая сухарь, моченный в ухе. Маялся Мещеряк зубной болью и сейчас, видно было, тяжело ему, очугунело от боли лицо. — Конечно... — заговорил он, — со стольником биться — все одно потом — топор да плаха... А чем прокормимся в гиблых тех местах? Есть ли там хлебушко? Казаки не самоеды. Одной рябой их не прокормишь...

— Кто о чем, а ты о брюхе, — усмехнулся Иван Кольцо.

— А что ж...

— Верно говоришь, — качнул рукой Ермак. — Хлеб всему голова. Хлеб наперво — у Строгановых возьмем. А дальше — осядем в Сибири — сами поседем. Хлеб там должен расти. Хлебосеи и пахари

¹ Ногайцы — одно из древних кочевых племен.

² Круг — совет всех казаков, на котором принималось или отвергалось решение атамана и старшин.

³ Ендова — старинная широкая посуда в виде миски.

у нас найдутся. Кони есть... Сибирское лето — теплое. То знаю... А рыбы, зверя, птицы всякой там — неисчерпаемо. В собольи шубы оденем казаков. И Руси новое царство добудем. Ну?

— Веди... — только и сказал Мещеряк.

У КУПЦОВ СТРОГАНОВЫХ

Пустили водой лишние струги. Прочие суда укрыли в притоке Волги. Скрылись в лесах. Только сторожевые следили, когда пройдет Мурашкин с войском. Наконец пришла весть: Мурашкин со стрельцами спустился в Понизовье, идет на Астрахань. Спустя неделю двинулись вверх по Волге левым берегом. Шли и плыли ночами. Купеческих стругов не зорили. Двигались медленно. Уже подступала осень, когда открылась Кама. Исчезли степи. Берегами сплошной лес. Ель, береза, сосна и дуб. Но скоро и дуб исчез. Появились широкие песчаные плёсы. Глухая еловая тайга безбрежно синела, отражалась в суровой камской воде. Точно свинец в старой прозелени, высились скалы и каменные пальцы. Летели над Камой птичьи стаи, торопились в теплые края. Олени переплывали реку, оглядывались на казачьи струги. Редко попадались деревни, бурлацкие артели. Баржи и струги купцов Строгановых везли соль и железо. Ермак строго следил, чтоб не было беглых. Еще когда собрался на Каму, отпустил всех, кто хотел вернуться на Дон. Отошла от войска полусотня казаков. Остальные дали клятву идти за батькой.

Так и шли. Уже неделя пути до Чусовских городков у впадения Чусовой в Каму. Миновали Пермь Великую. Холодало. Близилась зима. Затяжные осенние дожди подняли воду. Кама противилась стругам.

На зимовку встали на лесистом острове, недалеко от Чусовских городков. Послали в городки разведчиков. Вернулись они скоро, сообщили — Строгановы тут и народ о казаках знает, говорят на базаре и в пригородной слободе. Ждут Ермака и боятся Строгановы. Ну, как поднимется рабочий люд, солевары и кузнецы, оружейники и гребцы с торговых стругов, чернь и голь, ненавидящая купцов? Что тогда будет?

Знал Ермак и атаманы, что принимают Строгановы пришлых и беглых. Дана им на то царская грамота. Нужны люди в суровом Камском краю — здесь рубеж Русской земли и часто приходится на этот рубеж то сибирские татары, то остяцкие князьки, то степняки-ногайцы, то просто разбойные люди. В 1558 году получили Строгановы «жалованную» грамоту на владение всей Камой. В 1574 г. новая грамота разрешала купцам «строить городки за Уралом (Югорским камнем), на Тоболе реке, и на Иртыше, на Оби и на других реках».

Немалая нужда была царю и боярам в этой земле. Отсюда везли в Москву и за рубеж соль, лес, деготь, смолу, а главное, драгоценную сибирскую пушнину. Дороже золота ценились бобры, соболя, куницы и выдры, белые меха песцов и горностаев, разноцветные лисьи шкуры. Бывалые люди говорили, есть на Камне золото и серебро, руды разные и самоцветы.

О Сибирском царстве знали казаки мало. Знали, что правил им хан Кучум, полуслепой старик, жестокий, властный и хитрый. Кучуму платили дань все местные племена. Они же и приводили воинов в Кучумову орду. Столица орды на реке Иртыше называлась по-разному и русскими и татарами. Одни

звали ее Сибирь¹, другие Искер или Кашлык. Никто из казаков не бывал в той стороне, не видал ни Тобола, ни Иртыша. Все надо было узнать у Строгановых, к встрече с ними готовился Ермак с атаманами.

Когда встали лагерем на острове, Ермак, Кольцо и Мещеряк поехали с небольшой охраной в Чусовской городок — Орел.

Ехали быстро. Знакома была дорога Ермаку. Мало изменилось здесь с тех пор, как ушел Васька Аленин в вольные люди. Так же зеленели кругом бесконечные леса, так же высились впереди почерневшие уже стены из вековых лиственниц с шатровыми сторожевыми башенками. Рассыпались по берегу избы слободы, причалы, кузницы, груды кулей с солью, штабеля леса. Выглядывали из-за стен маковки Строгановских палат, чешуйчатые главы домашней церкви. Так же бил колокол, как двадцать лет назад. Так же кричали на стенах галки. Ермак остановился. Встали позади атаманы. Смотрели на городок. Что ждало там?

Суровы Строгановы. Чем не цари тут? И палаты свои, и церкви. Сказывают, даже иконы пишут здесь лучшие мастера, каких и в Москве не сыскать. Охранных людей у купцов тоже немало. Со стен смотрят черные жерла пушек. Есть, конечно, в Орле-городке и припасы, и зелье² огненное. Кто поручится, что не обманут Строгановы? Обещали принять с честью. А могут и слукавить, заковать в цепи, бросить в каменные подвалы, свезти к палачам в Московские приказы. Как верить лукавым купцам?

— Может, сюда их вызвать, батька? — сказал осторожный Мещеряк.

Ермак промолчал. За него, играя глазами, задрал бороду, ответил Кольцо.

— Все бы ты за подол прятался, Матвей.

Мещеряк не погневался, лишь взглянул сурово на улыбчивого Кольцо.

— Не то беда, что голову сложишь, а то беда, что не в чистом поле... Слышал?

— Ладно, — сказал Ермак, — Бог и правда над нами и над Строгановыми есть. Айда! — и поскакал к воротам.

Стражники с пищальми в руках были не улыбчивы, но ворота отворили. На валах за тыном заметили казаки пушкарей. В улицах было тесно от народа. То и дело попадались вооруженные на конях и пешие. У обнесенных новыми стенами палат расхаживала стража с ружьями на плечах.

— Берегут себя! — сказал Кольцо.

Ермак и Мещеряк промолчали. Глухо стучали копыта по деревянной мостовой. В палаты стража пропустила только атаманов. Казаки остались на дворе.

На высокой широкой лестнице — суконные красные половики. Дальше ковры мягкие, бухарские. Стены расписаны лазоревыми цветами, зелеными травами. Рослые слуги отворили двери.

Атаманы ступили в большую горницу. В окнах не слюда — настоящие стекла, даже цветные. Тяжелый стол под персидской парчовой скатертью. Узорные занавески. Сияющие золотом и серебром большие образа, на цепочках литые серебряные лампы.

За столом под образами сидели трое. Старец с тощей сизой бородкой, высохший, согнутый болезнью, но глядит едко, зорко, глаза зеленые, ум-

ные. Семен Строганов. По правую и по левую руку от старика — племянники Никита и Максим. Не молод Максим. Борода с проседью, но сам купец крепок и жилист. Никита — юноша. Глаза ясные, на щеках пушок. Старика знал Ермак, видал еще в малые годы. Тогда боек, подвижен был Семен Строганов, а теперь от прежнего один взгляд ястребиный.

— Добро пожаловать, атаманы, — приподнялся старик. Поднялись и младшие Строгановы.

Гостей усадили за стол. Призвали писаря.

— Не думаете ли на службу вступить, казаки? — прямо начал Максим Строганов, оглядывая атаманов. Хитер был, хоть с виду и прост.

— От службы не отговариваемся. Да только честь какова будет? — усмехнулся Иван Кольцо. — Говори ты, батька...

Ермак молчал.

— Служба дело не пустое. Да вот одного боимся. Как бы великий государь не пожаловал опалой¹, — вмешался Семен Строганов. Говорил долго, извилисто, но понимали казаки — боится Строганов брать их на службу, намекает на прошлое казаков и запугивает потихоньку.

Не понравилось это Ермаку.

— Что ж, мы люди вольные, — сказал он, нахмурясь, подавляя старца тяжелым взглядом. Один Мещеряк выносил такой взгляд Ермака, не опускал глаз. — Сила наша не менее твоей будет. А коли захотим, и померяться можем. — Усмехнулся. — Вы, господа купцы, пообдумайте. Мы не торопимся. Дел спешных нет пока...

Строгановы переглянулись. Засверкал ястребиный глаз старца. Но смирил себя Семен Аникиевич.

Ермак продолжал:

— А коль на службу не встанем, поговорим о припасе. Дашь припас до весны — городки твои охранить надежно и стругам твоим, обозам по всей Каме вольготно будет...

— То дело! — сказал Максим Строганов. — Однако есть и другое. Не хотите ли, казаки, за Камень² пойти? В Сибирь дорогу торить? Богата Сибирь, и даны нам государем на нее грамоты. Да рук и оружных людей не хватает...

«Ишь, как все сошлось», — подумал Ермак. Но ничем себя не выдал, молчит степенно. А Строганов все говорил про сибирские богатства, наконец, умолк.

«Рад бы нас спровадить подальше», — думал Ермак, разглядывая узор на скатерти. Незаметно мигнул Мещеряку.

— Дорога за Камень неведома, — сказал. — Что за царства? Что за земли? Однако, слышно, стоит там сильная Кучумова орда. Против орды сам царь-государь не властен пока... Но о том подумаем. А пока давай припас — получай охрану.

— Что ж, подумайте, казачки, подумайте, — сказал старик; закивали Максим и Никита. Семен Строганов позвенел в колокольчик.

Вошли слуги в красных рубашках.

— Просим гостей за стол. Закусить с дороги, чем бог послал, — пригласил Семен Строганов.

Хозяева и гости пошли в столовую палату.

— Ох, хитер старик! — говорил веселый Иван Кольцо, поскакивая на коне обок с Ермаком. —

¹ Так назывался вымерший древний народ, населявший эти места до прихода татар.

² Огненное зелье — старое название пороха.

¹ Опала — старинное слово. Здесь — наказание, ссылка.

² Камень — одно из старых названий Урала.

Языком — так и стелет, глазами жгет, окаянный. В полон бы их всех — чай, велик выкуп взяли бы? — Говори, добро, что сам в железах не сидишь, — усмехнулся Ермак. — С пира едешь, хмельная голова. У кого побывал? У царей камских! А силы-то у них — поболе нашего будет. Ишь, пушки навострили. Тут играй, да не заигрывайся. Небось уж давно гонцы в Москву с грамотой скачут. Сейчас Строгановым — время тянуть. Царева указа ждать будут. Он же раньше весны не придет. Мы тем временем харч у них возьмем, дорожки разведем. А то и посыльных Строгановских перехватим. Сами грамоту прочитаем. К весне струги оснастим. А там в Сибирь, с богом... Так-то...

Тем временем у Строгановых шел большой совет. Собрались ближние, родня и верные приказчики. В той же палате до утра оплывали, горели широкие свечи. Решили Строгановы ждать цареву грамоту (Ермак не зря тревожился). Еще неделю назад поскакал гонец в Чердынь сообщить тамошнему воеводе, другой гонец выехал поутру в Москву. Решили с казаками пока ладить. Хлеб и припасы дать. Ермаку и атаманам поднести подарки. Ермаку — оружие в серебре, испанское ружье и коня, атаманам — по коню, сукно на кафтаны. Заслать к казакам своих людей, подбивать идти в Сибирь. Хвалить богатства сибирские. А самим порох держать сухим, пушки наготове, стрельцов к казакам не подпускать, за черню следить, чтоб не взбунтовалась.

На том и был закончен строгановский совет.

МАЛЫЙ ПОХОД

Всю зиму казаки Ермака готовились к походу, смолотили струги, готовили новые, расспрашивали о сибирской дороге.

Весной, едва взломало лед, засидевшиеся казаки загомонили. Собрали круг. Решили идти в Сибирь, не мешкая и не спрося у Строгановых. В одну ночь отплыли струги, двинулись высокой водой вверх по бурной стремительной Чусовой.

Быстра и красива Чусовая. Бойко несет она серебряную воду, кипит на камнях-бойцах, встреч течения тут не поможет ни весло, ни парус. Только на бурлацкой лямке можно протянуть струги в большеводье. Течет Чусовая с востока на запад. Единственная большая река, что идет с Камня к западу. Все другие большие реки текут с Камня на восток. Тура, Тавда, Исеть — все впадают в мутный Тобол. Тобол — в глубокий черный Иртыш. Иртыш — в Обь великую, о которой знали только понаслышке от вогулов и остяков¹. Знали, есть немалая река, такая, как Волга, но течет на север, прямо в Студеное море. Что дальше за Обью — неизвестно. Ходят слухи, что и дальше, в бесконечных лесах — урманах, текут необычайной мощи реки, есть озера подобные морям, горы и степи без края и пустыни песчаные, за которыми страна Китай. Оттуда приходят изредка караваны, через татарские земли добираются до Перми и Москвы дивные товары. Шелка яркие, хрустящие, бумага крепкая, как белая кожа, чашки голубые и белые, вазы расписные — с птицами, единорогами и рыбами, странные, не русского и не татарского вида, мечи с косоугольным острием и мелкая черная сухая трава, которую заваривают и пьют для бодрости и здоровья.

¹ Вогулы и остяки — древние названия народностей манси и ханты.

Все это видел Ермак. Немало таких товаров захватили казаки за десять долгих лет, пока гуляли по Волге. Была у Ермака китайская диковинная рыбка из железа в медной чашке под слюдяным стеклом. Поворачивалась рыбка головой всегда в полуночную сторону и, как там чашку ни крути, рыбка все к северу повернется. По ней Ермак определял путь в лесах и в степи, когда не было солнца. Хранил рыбку при себе в деревянном ларце. Не было в этом ларце ни золота, ни серебра, только коробочка с рыбкой, игла, нитки, целебные травы да чистая материя — рану перевязать. И по-прежнему ходил атаман-батяка в сером чекмене, под который надевал перед боем кованую латную рубаху.

Шли Чусовой, преодолевая течение. Чус-ва — по-вогульски — быстрая вода. Дошли до места, где впадает в Чусовую крупнейший ее приток — река Сылва. По-вогульски — талая вода. Толмачи — переводчики из захваченных татар и вогулов — говорили: Сылва верховьями подходит к Туре. Посредине реки струги стали садиться на мели. Проводники вогулы сбежали, и оказалось, как пишет летописец Ремезов, «обмишенились» казаки. Узнали, что с верховьев Сылвы на Туру-реку, текущую в Сибирь, не пройдешь. Пока бродили по Сылве, искали дорогу, подошла осень. Холодом потянуло с верхов Камня. Улетели птицы. Пожелтели и облетели леса. Зори занимались багровые, синие. Дни стояли темные. Замерзла река. Замело все снегами. Но и по снегу до Туры оказалось непосильно далеко. Не протасишь горами тяжелые струги. На совете решили зимовать. Быстро построили городок, копали землянки, обносили бревенчатым тыном. Не хватило припасов. Местные жители — вогулы и остяки — ушли в леса, да и нечем поживиться у вогулов: хлеба нет, одно мясо да сушеная рыба. Пришлось самим добывать зверя, ловить рыбу. Искали медвежьи берлоги, караулили лосей и оленей. Остатки муки толкли с корой и сухарями. Голодали. Но иногда и беда на пользу. Суровой рукой наводил Ермак пошатнувшийся казачий закон. Трусов и беглецов казнили по старому донскому обычаю. «Насыпав песку за пазуху и посадя в мешок, в воду», — писал курганский летописец. «И тем у Ермака все укрепилось, а больше 20 человек, с песком и камнем в Сылву угружены».

На казачье зимовье напала однажды большая рать вогулов, остяков и пелымцев. Свыше семисот воинов осадили городок. Но казаки отбились. Ружья и пищали сделали свое дело. Да и куда было вогулам в берестяных колпаках, в деревянных панцирях, с луками и копьями против опытных бесстрашных казаков в кольчугах и в латах. Ведь вся жизнь Ермаковых людей была борьба и война. Вогулов разбили. Прогнали далеко. Тем временем наступила весна. Вешние воды взломали лед на быстрой Сылве. Казаки стали готовиться к обратному походу в Чусовские городки.

Важен был и этот малый неудачный поход в Сибирь. Поняли казаки и атаманы, что завоевывать земли к востоку не просто. Будет и сопротивление местных племен, и болезни, и страх перед неизвестным, и тяготы пути, и голод. Все надо испытать. К походу в Сибирь нужно готовиться как можно лучше. Надо запастись порохом, оружием, хлебом и другим провиантом. Надо хорошо разузнать дорогу, высылать разведчиков, идти с проводниками, всегда быть готовым к жестокому внезапному бою. Присмирела и казачья вольница, те, что кричали, торопили в путь, не слушали Ермака и осматрительного, осторожного Мещеряка.

Летом 1581 года Ермакова дружина вернулась

в Чусовские городки. Недовольны были Строгановы возвращением казаков. Уже и молебны по казакам отслужили, считали их погибшими. И вдруг вернулся Ермак. Мало того, что вернулся. Потребовал Ермак и атаманы снабдить все войско новым припасом. Сгоряча Максим Строганов решил противиться. Тогда казаки под командой Ивана Кольцо заняли городок Орел. Стали сбивать замки с амбаров, перевязали сторожей. И подчинился гордый Максим Строганов. Скрипя зубами, велел выдать казакам все требуемое. Чем скорее уйдут казаки, тем лучше.

Выдано было казакам по долговой росписи «пороху чистого по три фунта¹ и свинца столько же на каждого казака, еще по три пуда² ржаной муки, по два пуда крупы и овсяного толокна, да соли, да свинины соленой по полтуши, да безмен³ масла на двоих».

Также дали казакам Строгановы три пушки медные и пищали тем, у кого не было огнестрельного оружия.

К новому походу в Сибирь готовились с великой тщательностью. Отряд пополнили еще тремя сотнями воинов, которые были выкуплены Строгановыми у татар и ногайцев. Тут были пленники самых различных национальностей: русские, украинцы, литовцы, поляки. Ермак построил войско по стрелецкому образцу. Делилось оно на сотни во главе с сотниками, полусотнями командовали есаулы, десят-

ками — десятники. При каждой сотне были знаменщики, барабанщики и трубачи.

На вооружении войска — три малокалиберные пушки и триста пищалей. Пищаль представляла собой нечто среднее между пушкой и ружьем. Были пищали одиночные и семиствольные (семипядные), которые состояли из одновременно стреляющих стволов, помещенных на одном ящике-лафете. По тем временам «семипядная» пищаль была новым, очень грозным оружием. Одна такая пищаль хранится ныне в Пермском музее. Принадлежала она войску Ермака.

Помимо пушек и пищалей, казаки имели ружья, самострелы-арбалеты, луки, топоры, сабли и алебарды¹. Были построены в дополнение к старым новые струги и лодки, поднимавшие по двадцать казаков со всеми припасами и оружием.

Всего в поход собралось 840 человек, а по другим сведениям — 640. Вместе с казаками, как повествует летописец Ремезов, пошли «3 попа, да старец-бродяга, ходил без черных риз, а правило правил, и каши варил, и припасы знал, и круг церковный справно знал».

1 сентября 1581 года под гром пушек, при всем населении, высыпавшем на берег, струги казаков отчалили в путь. На головном «ертаульном»² струге плыл Ермак. Замыкали бесконечную вереницу лод-

¹ Фунт — 408 граммов.

² Пуд — 40 фунтов.

³ Безмен — около одного килограмма.

¹ Алебарда — обоюдоострая секира на длинном древке.

² Ертаульный струг — дозорный струг.

ки, груженные продовольствием, порохом и запасным оружием, охранял их с отрядом казаков Матвей Мещеряк.

Никогда еще не видела река Чусовая столь великого, многолюдного воинства. Каменные стены Урала высоко поднимались над стругами. Иногда валились оттуда тяжелые обломки, свистели шальные стрелы. Но уже как знакомцев встречали казаки причудливые чусовские камни-скалы. Иные были с пещерами, глядевшими на свет как разинутые страшные пасти. Везде плескала непуганая рыба, по ночам доносило волчий вой и рев жирующих лосей. Лес обступал реку, спускался к воде, «висел» на скалах. Плыли четыре дня, спать выходили на берег, на пятый день проводники вогулы сказали — скоро поворот. Струги уже застревали на перекатах, хрустели дном по песку на мелях. Ермак приказал снять часть оружия и провианта и оставить в одной из недоступных пещер.

Этот камень-скала на Чусовой и теперь зовется Ермак, а пещера — Ермаковой. Много ходит о ней легенд. Не раз спускались туда искатели кладов и приключений. Неизвестно, были ли клады в пещере, но еще через триста лет, после похода Ермака, находились там наконечники истлевших стрел и проржавевшие мечи. На пятый день свернули в приток Чусовой — реку Серебрянку. Горы здесь отступили, река текла в широкой лесистой равнине, хребты стоят по обе стороны долины, растет по ним хвойный лес. Плыли Серебрянкой два дня, а там начались тяготы. Не пускала мелкая речка тяжелые челны, приходилось тащить лямкой, пока дошли до притока Серебрянки, горной речки Кокуй. Тут продвигаться мешали перекаты. Ермак приказал перегора-

жить русло Кокуя парусами — так поднимали воду, как в шлюзе, пробивались дальше и дальше. Наконец остановились. Дальше ходу не было. Вогуль-проводники провели атаманов с казаками на верховье лесной реки Журавлик (в летописи Журавля). Течет мелкий Журавлик в противоположную сторону от водораздела, впадает в реку Баранчу, а Баранча — в Тагил, приток Туры. Так показали вогулы. Путь в Сибирь водой стал ясен.

Теперь, четыреста лет спустя, верховья Кокуя, Журавлика и Баранчи — безлюдное место¹. Леса кругом и заболоченная долина у подножья водораздельного хребта. В осенний ясный день хребет этот густо-синего цвета. И не Ермак ли назвал его Синим². После недолгого совета решили на Кокуе зимовать. На возвышенном месте срубили лес. Устроили засеки, насыпали валы, вырыли землянки. Место было удобное. Добро сложили в бревенчатые амбары, струги осмолили, перевернули до весны. Рубили избы-временки из сырого леса, тесали полозья для стругов. Благодаря проводникам познакомились с местными вогулами. Те указали самый короткий путь. Всю зиму рубили просеки, делали дорожку к Журавле. Ближе к весне потянули струги. Тяжела и страшна была эта работа. Надрывали животы, выбивались из сил. Переволокли малые струги и лодки, большие тянули по весенней воде, а посуху пришлось бросить многие. Сил не хватало. Рассказывали охотники и землепроходцы, что еще через двести лет находили эти огромные Ермаковы струги близ Кокуя, через погнившие днища их рос вековой лес.

К водополюю добрались до Баранчи. Здесь готовили новые струги. И вот настал долгожданный день — все войско погрузилось, поплыло по реке Тагил, пошло к полноводной реке Туре. На Тагиле-реке сделали и стоянку. Готовили оружие, пекли хлеб, сушили сухари. Ермак сделал разведку в вогульские селения и татарские юрты.

Однажды разведчики привели татарского мурзу³ Таузака. Захватили Таузака с малой охраной. Мурзу привели к Ермаку. «Будешь говорить правду — отпущу», — пообещал Ермак. Развернул перед мурзой полотняную карту-чертеж, где были обозначены реки и татарские становища. «Так ли?» — спрашивал Ермак. Мурза подтвердил, что чертеж правильный. Сказал, что о войске Ермака уже известно Кучуму. И по всем рекам — Туре, Тавде, Вагаю, Тоболу — приказано вогулам, остякам и татарам сопротивляться. А если нет возможности, жечь юрты — уходить в леса. Сам Кучум стар, болят у него глаза. Но войско сильно. Пешее и конное. Командует конным войском царевич Махметкул — племянник Кучума. А еще есть у Кучума сыновья от многих жен. Старший сын — Алей. «Войско Кучумово больше твоего», — сказал Таузак.

Ермак велел вывести Таузака на берег, ударить враз из пушек и пищалей. От грохота мурза перекосился, заткнул уши.

Медленно разносило тяжелый пороховой дым. Таузаку принесли снятую с него кольчугу, изрешеченную пулями.

— Возьми, — сказал Ермак, указывая на кольчугу. — Скажи к Кучуму. Скажи, чтоб покорился без боя. А не покорится... — Ермак взмахнул рукой.

¹ Ближние города: Кушва и Тагил в 30 км от Кокуя, пос. Баранча в 16 километрах.

² Теперь на вершине горы Синей стоит телевизионный ретранслятор.

³ Мурза — знатный человек у татар.

Снова грохнули пушки и пищали. Снова заволокло дымом берег.

Казаки проводили перепуганного мурзу, дали коня и отпустили.

ХАН КУЧУМ

На берегу широкого стального Иртыша близ слияния его с Тоболом на высоком холме город Искер-Кашлык — столица орды. Русские называли Искер Сибирью. Почти четверть века правил здесь властитель, не знавший границ своего царства. К северу по реке Обь уходило оно к Студеному морю, к югу упиралось во владения солнечной Бухары, западный рубеж — Русь, земли Строгановых по Каме, к востоку вообще не было края. Кто знает, сколько к востоку нехоженых лесов?

Посреди площади, огороженной бревенчатым тыном, стоял громадный Кучумов шатер из желтой золотистой парчи. Белел перед входом высокий ханский бунчук — копые с полумесяцем и белым конским хвостом. Ржали у коновязи прекрасные арабские скакуны. Стояли возле них слуги и воины. У дверей шатра, скрестив копыя, мрачная стража в панцирях и шлемах. У ворот такие же воины держат обнаженные сабли. У Кучума в шатре большой совет.

Двадцать лет назад захватил этот город Кучум. Тогда это был сильный и храбрый воин, упорный и жестокий. Он убил хана Едигера и брата его Бекбулата. Едигер еще тридцать лет назад признал над Сибирью власть великого князя Московского, царя всей Руси Ивана IV. Грозному царю Едигер обещал платить дань соболями, принял московских послов, провел в орде подушную перепись. Первую дань послали в Москву в 1556 году.

Кучум дань платить перестал. Московских послов убил. Конечно, у Москвы великой хватило бы сил наказать непокорного хана. Но Иван Грозный начал длительную войну с Польшей и Швецией за побережье Балтийского моря. Не до Кучума было боярской думе и царевым воеводам. А тем временем новый сибирский хан подчинил себе всех мелких князей и князьков. Непокорных жег на кострах, рубил головы, сажал на кол. Приближенным раздавал земли — улусы. Но и за приближенными зорко следили тайные соглядатаи — глаза и уши Кучума. Недаром Кучум считал себя потомком свирепого Чингиз-хана и его старшего сына Джучи.

Со всех областей и улусов стекались в Искер взятые у жителей богатства. Каждый взрослый платил хану ясак — дань. Соболя, бобры, куницы, снежные меха песцов и огненные лисьи заполняли кладовые, караванами шли в Бухару в обмен на золото, серебро и рабынь. Из южных степей вели табуны лучших коней, гнали скот, с востока везли целебные корни. Каждый караван из Бухары оставлял в Искере часть товаров. От купцов получал Кучум и бухарские ковры, дамасские булатные сабли, дорогие панцири из Багдада, тончайшие ткани и шелка, украшения из драгоценных камней.

Как заслон между Востоком и Западом лежала Сибирская орда. Доволен был Кучум. Богатела и наполнялась его казна.

Вот этот сухой хищный старик, со слезящимися рысьими глазами сидел теперь на возвышении меж шелковых подушек. На Кучуме был парчовый халат, на голове лакированная китайская шапка с лисьими хвостами по бокам. По преданиям, точно такую шапку надевал на советах Чингиз-хан. Полукругом, поджав ноги, сидели мирзы и князья, у дверей жались

к стене остяцкие и вогульские князьки. Справа от Кучума сидел молодой царевич Тайджи Махметкул, начальник конницы, любимец хана. Слева помещался ближайший советник — карача, сморщенный и похожий на Кучума старик в белой чалме.

Еще до первого похода Ермака донесли Кучуму лазутчики-соглядатаи о появлении казачьего войска на Каме. Тогда и велел Кучум остяцким князьям и вогулам на Сылве напасть на казаков. Плевался, когда узнал, что остяки разгромлены, бежали в леса. Приказал остякам напасть на Чусовской городок, едва Ермак уйдет на Чусовую. Через считанные дни знал Кучум о выступлении Ермака. Оперенной стрелой, лесной птицей прилетела в Искер тревожная весть. А там и разведчик Таузак явился.

Теперь Ермак идет по Туре и здесь следят за ним полуслепые глаза Кучума. Хан не боится казаков. Их численность известна. Не может победить Ермак, как бы ни было храбро его войско. Горсть не воюет против тысячи. А у племянника Махметкула только конных воинов несколько тысяч. Кучум уже объявил, что покарает смертью и лишением улусов (владений) всякого мурзу, кто без боя пропустит казаков или сдастся в плен. Вогулам и остякам он велит нападать на казаков, тревожить их днем и ночью, устраивать засады и западни, топить струги, следить за передвижением, не давать ни продовольствия, ни припасов. Приказал стрелять в казаков отравленными стрелами, которыми запрещалось бить раньше.

Первым получил приказ задержать Ермака в излучине реки Туры мурза Япандза (или Япанча, как звали мурзу казаки). У становища Япандза-Юрт (там, где теперь город Туринск) готовили татары первую встречу Ермаку. Триста воинов татар и еще столько же вогулов должны засыпать казаков стрелами, закидать головнями с горящей смолой. Готовы были и багры, чтобы тащить струги на мель, и топоры на длинных рукоятках — рубить казаков. В засаде стояли конные сотни, на случай, если казаки пойдут в атаку.

Япандза был опытный воин. Знал, как заманивать врага.

— Чем суетиться при опасности, лучше устранить ее, — медленно говорил Кучум. — Даже маленькая змея может больно ужалить. Пусть Япандза разобьет врага. Мы дадим ему большую награду — свою дочь. Если же прорвется этот урус Ермак, пусть будут наготове кони и воины Тайджи Махметкула. Уруса Ермака брать живым, только живым...

ТЯЖЕЛЫЙ ПУТЬ

Долгим и медленным был путь по воде. Стоял июнь. Комариный месяц. Тучи гнуса не отгонял дым костров. Широкая Тура совсем не похожа на быструю светлую Чусовую. Там каменные стены уходили высоко в небо, серебрилась вода на перекатах, выпрыгивали из нее бойкие хариусы и жерехи, по осеннему благостные были дни, и горы млели в последнем осеннем тепле.

Здесь река текла в равнине. Вода была темна и спокойна, открывались вдоль берега бесконечные травяные займища, зеленели низким лесом непроходимые болота. Гнус донимал даже в самые солнечные дни, а ночами, если холод не унимал комарье, невозможно было дышать без волосяных сеток или не обернув головы рубахами.

Медленно плыли струги. Часто свистели с берега стрелы. Едва не пробивали борта. Больше пяти

десятков казаков побили и столько же ранили эти внезапные стрелы. В лесу от стана уходило далеко — все равно, что за смертью пойти. Кто уходил, не воротился. Немногим уступает пищали по дальности выстрела боевой лук вогула, зато бьет без шума, заряжается быстрее и зелья порохового не требует. А отравленная стрела если не убьет сразу — заставит мучиться. Рана от нее не заживает.

Проводники сказали: «Скоро Епанчин-городок. Тут всегда войско. Поберегись, батька...»

Ермак и сам знал, по строгановской карте выходило, что Тура делает здесь дугу и узка, у левого берега обозначены мели, справа высокий берег — крутояр. С крутояра сподручно бить стрелами. Татары, конечно, здесь ждут. Приказал всем надеть кольчуги, латы, гребцов укрыть щитами, вязанками хвороста. Эти вязанки и плетеные коробыя пристроили к бортам. Короб хорошо защищал от стрел, а если и пробивала его стрела, уже теряла яд и силу.

Сделали дневную остановку. Спали под охраной. Епанчин решили пройти ночью. Но и Япандза не дремал, не то проведаль о замысле казаков, не то сам ждал. Ночи в июне светлые. Сходится вечерняя заря с утренней, и на реке все видно. Град стрел посыпался с берега. Завыли в полумраке конные. Но струги не свернули на мель. Приналегали гребцы над самым яром. Трещали весла, мчались струги. Приставали к берегу под самым Епанчином. Казаки с пищальми бежали на приступ, грохотали пушки. К утру от городка остались дымные головни. Казаки сожгли и прибрежные деревни. Япандза был схвачен раненый. Войско побито. Казаки понесли небольшие потери.

Скоро весть о разгроме долетела до Искера. А Махметкул получил ее раньше. Конные сотни уже шли навстречу Ермаку. Махметкул спешил — надо было разбить Ермака на дальних подступах к Искеру.

Чем ниже спускались струги по Туре, тем просторнее становилась река. Красной глиной горели высокие обрывы правого берега, лугами стался левый. Лес то подбегал вплотную, то отходил, и тогда открывались широкие низменные равнины с высокой травой. «Тут бы пахать да сеять... Сено косить, — говорили казаки. — Видно — добра земля...» Кружили над Ермаковыми стругами лесные орлы, взлетали впереди утки и лебеди. Отважно плыла в неведомое удалая дружина. И опять шли великие леса. Великая тишина. Простор и безлюдье... Зато зверя было много. Прямо от стругов стреляли лосей и оленей. С заливных лугов в жаркий полдень тянуло таким медовым привольем — кружилась голова. Так бы и вышел, бросился в цветущие, гудящие пчелами травы, обнял матушку-землю. Или бы косил — пахал... тюкал возле избы топориком. Но не долги были эти крестьянские думы у Ермака. Наверное, и у казаков тоже. Давно ушли от сохи, десятки лет держали в руке только тяжелую пищаль да рукоять сабли. Даже к опасностям притерпелись, привыкли. Вот плывут, а что впереди? Какая выпадет доля? Доведется ли вернуться? Никто не знает.

На впадении Туры в Тобол пошли места открытые. Степь и березняки, обрывы и крутояры, где, как в широком лотке, могуче стремился к востоку мутный глинистый Тобол. Близилось урочище (поселок) Бабасан-юрт. Еще за день до Бабасана появились на берегах конные татарские разведчики, грозили плетями, стреляли из луков, стремительно уносились вдаль. К Бабасану привел тайджа Махметкул многосотенную конную орду. Охватив Тобол с двух

сторон, татары приготовились засыпать плывущих стрелами. Темнело, узкий месяц прорезался в фиолетовом небе. Ермак первым прыгнул в воду с головного струга.

— Батка-а-а! — загремело со стругов, перебивая гром пушек и грохот пищалей. Струги разворачивались, под прикрытием пушкарей и пищальников казаки сыпались в воду, лезли на берег. Впереди взблескивал меч Ермака, свистела кривая сабля. Батка рубился обеими руками — так мог только он. И орда попятилась, отступила в поле. Стемнело, затих топот коней. Пришла прохладная ночь. Свиристели кузнечики. Перекинулись на реке кулички. В лагере татар горели костры. Казаки вылезли в открытое поле. Оно было длинно. С одной стороны река, с другой перелески. Положение казаков казалось безвыходным. Отходить? Татары перерезали реку сзади. Идти вперед — быть расстрелянными в упор с обоих берегов. Так силен враг. Оставалось одно: победить тут или погибнуть. Но как пяти сотням одолеть многотысячную конную лаву, которая утром кинется на штурм, затопчет одними конями? Не помогут ни пушки, ни пищали. Как быть?

Молчали атаманы, смотрели на Ермака, а он стоял и считал татарские костры. Сбилса, махнул:

— Рыть окоп! Всем. Не медля...

Казаки знали — зря батка не прикажет. Всю ночь ножами, шашками, лопатами рыли тяжелую глину. Сбрасывали землю в реку — так приказал атаман. К рассвету окоп был готов. Глубокий, как приказывал батка, во весь рост. Окоп прикрыли хворостом и травой. Уже пели жаворонки и влажно светился восток, когда Ермак разделил отряд. Все, кто были с легкими ружьями, короткоствольными аркебузами¹ — самострелами и луками, ушли вперед, залегли. Пушки и тяжелые семипядные пищали установили на окопе. Тут же засели казаки с копьями, с длинными прямыми мечами.

Но наутро и весь день не было сражения. Татары готовились. Передышка дала возможность казакам уснуть. Спали, не выпуская оружия. Грело солнце. Пели жаворонки. Вдалеке ржали кони. Ветер гулял по полю, клонил травы, нес цветочные запахи. Ястребки трепетали крыльями, высматривали добычу. И тем тягостнее было это спокойствие.

Новым утром, едва взошло солнце, пешая рать двинулась на казаков. Шли татары, пельмыцы, остяки, вогуличи. С пением, воем, гиканьем бежали на редкую казачью цепь. Захлопали ружья, защелкали самострелы. Орда приостановилась, раздвинулась, как бы расчищая место, из-за бугров и лесков вырвалась конница. Она летела такой неудержимой расширяющейся лавой, что было ясно — ее не оставит никто.

Нестройно грохнули ружья.

— В окоп! — раздался голос Ермака. Казаки побежали. Вид бегущих прибавил прыти всадникам. Они уже были близко. Они настигали. «Алла-а-а» — гремел боевой клич. Дроботали, сотрясая землю, тысячи копий. Казаки сваливались в окоп, выхватывая сабли.

— Огоны! — махнул Мещеряк.

Подпрыгнули пушки. Триста пищалей ударили разом. Валились всадники. Задние толкали передних, сшибались, падали. Вал тел и коней катился на окоп.

— Огоны! — взмахивал Мещеряк. — Огоны!

Громада коней накрыла окоп. И тут заработали мечи и сабли, подсекая всадников. А вслед пронесшейся лавине из окопа ударил новый залп. Били

и со стругов, с воды, били в спины. Залп! Залп! Залп! Это была победа. Волоча убитых и раненых, разбегались кони. Дико ржали подрубленные. Стонали и причитали раненые...

И еще три дня вскипал и утихал бой. Казаки выстояли. Одолели вдесятеро превосходившего врага. Так храбрость и стойкость одолела силу.

Разгневанный Махметкул приказал готовиться к новой битве в самом удобном месте — возле Карасульского яра. Об этом яре предупреждали и пленники, и проводники. Здесь Тобол узок. С обеих сторон высок глинистый берег. Тут-то и приказал Махметкул срубить поперек реки засеку. Огромные сосны с толстыми сучьями связали цепями. Опустив сосны на быстрину, загородили путь. По берегам залегли лучники с тяжелыми луками. Сзади лучников прикрыла конница.

Стрелы засвистели, пробивая борта стругов. Падали казаки. Роняли весла раненые гребцы. Впереди буруном клочкотала река, неслась под засеку. Только огромная сила гребцов, расторопность атаманов и осмотрительность Ермака спасли положение. Струги попятнулись. Гнулись, трещали весла. Пушкарки и пищальники обстреливали лучников. Наконец, струги пошли назад. Хорошо, что построены были так: одинаковы и нос и корма, не требуется разворота, стоит только пересечь гребцам — и струг пойдет назад. Здесь, у Карасульского яра, Ермак понял, что прорваться будет трудно. Остановились в укромном месте. Ночью Ермак держал совет с атаманами. Сидели кругом Иван Кольцо, Никита Пан, Матвей Мещеряк, Яков Михайлов, Иван Гроза. Кольцо предложил высадиться, в пешем строю атаковать. Мещеряк предлагал остановиться, ждать татар здесь. Того же мнения держались Пан и Яков Михайлов.

Грустно было на казачьем стану. Не пели песен, не жгли веселых костров. Бесчисленным казался враг. Только одолели — и снова впереди бой с неведомой силой. Ермак слушал споры атаманов. По обыкновению помалкивал. Удивительный был человек батка — вроде бы с виду во всем прост, обыкновенен, только в плечах необычно широк. Но не было сильнее казака, когда брался за саблю, не было мудрее в совете.

— Теперь осторожны татаре. Их и хитростью не возьмешь, — говорит Мещеряк.

— Шип шипом достают, — сказал Ермак. — Хитрость — хитростью одолевают. Вот что приказываю. Завтра же рубить лозу, косить сено. Набивать зипуны, делать чучела. Посадим чучела на худые струги — пустим передовыми. Ночью. Пускай татары стрелы переводят. Тем следом десять стругов с пищальниками и пушками. Поведу сам. Остальных поведешь ты, — указал на Ивана Кольцо. — Обойдешь татар тайно. Нападешь с тылу, когда мы начнем отступать и крикнем «ура!» Мещеряк с остатками и ранеными прикроет.

— Ну, батка! — повеселели атаманы. — Ладно придумано!

С утра на стану кипела работа. С охотой снаряжали старые струги. Старались, чтоб чучела были похожи на казаков, на берестяные головы надевали шапки, на плечи рваные чекмени. Триста казаков под командой Кольцо и Ивана Грозы ночью ушли в обход. Остальные сели на струги. Впереди пустили струги с чучелами.

Ночь была темная, накрапывал дождь. Услышав плеск весел, татары зажгли факелы. Ливнем полетели стрелы с высокого яра. Но струги плыли. Ни крика, ни стопа не раздавалось с них.

— Шайтан! Шайтан! — орали татары, в страхе

¹ Аркебуз — короткое ружье на тяжелом прикладе.

бросая луки. А в это время казаки бросились на приступ. Под грохот пищалей закипела отчаянная схватка. Казаки поднялись на яр.

«И была сеча зла», — писал летописец. Конницу встречал дружный залп со стругов. «Стреляли и казаки из ружей дробовых, из затинных и шпанских (испанских), из аркебузов». Но вот казаки вдруг начали отступать к стругам. Обрадованные татары замахали саблями. Победа! Но почему же отступающие кричат «ура»? И вдруг ночная тьма позади татарского войска осветилась огнями. Оттуда с воем, свистом, пальбой набегали казаки Ивана Кольцо.

Татары кинулись в разные стороны, бросали коней и оружие. Путь на Искер был открыт.

Озлобленный, перепуганный Кучум сам принял командование над войском. Остатки конницы раненого Махметкула подкрепили пехотой. На помощь Кучуму пришли остяцкие и вогульские князьки. Были у Кучума и две казанские пушки. На подступах к Искеру, под Чувашевой горой, в узкой лощине по берегу Иртыша, устроили засеку из больших деревьев. Силы татар прибывали. Силы казаков таяли. Много товарищей потеряли под Бабасаном, много было убито и под Карасульским яром. Еще больше было раненых и ослабелых. Хвостовые струги забиты умирающими. Недалеко от Искера Ермак остановился. Казаки требовали большой совет — круг. На кругу многие кричали об отходе. Слишком силен казался враг. Но Ермак, атаманы и большинство казаков решили идти вперед. Что ждало отступающих? Только позор, смерть, а может быть и еще худшее — топор палача и плаха. Атаковать врага решили военным строем. Против конницы татар на этот раз Ермак предложил военной строй стрельцов — каре. Выстроившись четырехугольником с копьями наперевес, поместив пищальников внутрь, такой строй мог выдержать удар неорганизованной татарской конницы.

Холодным утром 23 октября 1582 года Ермак повел казаков на засеку. Пушки били по завалам. В ответ летели стрелы. Тогда, чтобы выманить противника, Ермак подал приказ к отступлению. Казаки побежали. Татары тотчас разобрали засеку. В лощину вырвалась конница Махметкула.

— В строй! — раздалась команда бегущим. И тотчас казаки остановились, сбились в каре. Пищальники дали залп. По ближним ударили из ружей.

Три раза кидались татары в атаку. Трижды казаки отбрасывали их с огромными потерями. Вторично ранен был и Махметкул.

На другой день бой возобновился. В рукопашной схватке казаки опрокинули войско Кучума, прогнали за засеки. Но и сами понесли огромные потери. Теперь осталось немногим более трех сотен храбрцев. И многие из них были ранены. Тогда Ермак приказал разжечь ночью сотни костров. Устроить пальбу из пушек и пищалей, как будто к казакам пришло подкрепление. Не слишком верил Ермаку Кучум, но в войске пошла слухи о прибавлении казачьей силы. И первыми покинули стан Кучума остяцкие и вогульские князьки. Увели воинов. Кучум решил не рисковать. Не теряя войска, таявшего под ружейным огнем казаков, как весенний снег. Он дал приказ отойти в степь.

26 октября 1582 года Ермак и казаки вступили в пустую столицу Сибирской орды город Искер на Иртыше. Жители бежали вслед за Кучумом. В пустом шатре хана валялись шелковые подушки. Глиняные дома были разрушены. Но столица была взята. Сибирь покорилась. Теперь надо было укрепиться здесь, залечить раны, отдохнуть, вернуть жителей в город. Ермак начал налаживать управление. Ране-

ных и пленных отпустили. Жителей, которые возвращались, встречали милостиво. Остяцким и вогульским князьям послали гонцов, и князья скоро явились к Ермаку, были обласканы им, получили дары и дали клятву служить казакам. Привезли и первую дань — меха бобров, соболей и чернобурых лисиц. Казаки укрепляли старые стены Искера, возводили укрепления, запасали продовольствие, ловили и солили рыбу. Готовились к долгой зимовке. Присматривали и пашни к весеннему посеву. А зимовать было не привыкать.

На совете атаманов в декабре 1582 года решили послать в Москву послов к самому царю Ивану IV Грозному. Просить принять Сибирь в состав русских земель. Просить у царя помощи и поддержки. Отправился к царю пять казаков во главе с атаманом Иваном Кольцо — правой рукой Ермака. Повезли царю подарки — две тысячи четверста соболей лучших, двадцать чернобурых лис и пятьдесят бобровых шкур. По замерзшим рекам и лесными тропами повели проводники-вогулы казаков к Чувоским городкам. А дальше бойкие тройки Строгановых помчали Ермаковых послов в столицу.

Царь Иван Грозный принял казаков в Грановитой палате, сидя на золотом троне. Внесли сибирские дары. Расстелили перед троном. Склонив головы, стояли послы. Виданное ли дело — царь, прославившийся страшными казнями, пытками, царь, по одному знаку которого слетали головы знатнейших князей и бояр, слушает казака Ивана Кольцо, которого давно ждут палачи в Разбойном приказе. Царь, конечно, не забыл ни забав казаков на Волге, ни потопленных боярских стругов и обобранных купеческих караванов. Страшно стоять перед царевым троном, но недаром Иван Кольцо был правой рукой Ермака, храбрости ему не занимать.

Грозный царь уже тяжело болел. И хотя принимал еще послов, сидел вечерами на пирах, не выходили из его палат врачи и знахари. Огромный, опухший, с дико горящими страшными глазами, подозрительный ко всем, он еле бродил по покоям Кремлевских палат, а ночами закрывался в молельной, драл на себе волосы — везде чудился ему убитый им сын Иван, казенные и замученные люди.

От неудач горела душа. Ливонская война за побережье Балтийского моря кончилась неудачей. Взятие города пришлось сдать. Из Крыма грозили татары, все время появлялись их крмыные орды у засечных крепостей. Польский король Стефан Баторий осадил Псков. И в самой Москве было неспокойно, бунтовала гольтьба. Взятие Сибири казаками и неожиданное посольство с дарами были радостной вестью. Иван не забыл, что недавно посылал Строгановым опальную грамоту с черной печатью, с приказанием разбить казаков, схватить атаманов.

Теперь, глядя на послов, царь решил сменить гнев на милость. В грамоте, не дошедшей до нас, жаловал Ермака званием князя Сибирского, «прощал казакам их вины», выдавал «жалование»: сукно и деньги. Ермаку сто рублей деньгами, золоченый ковш, соболью шубу «с своего плеча», что считалось знаком особой милости, и две драгоценные кольчуги. Ивану Кольцо даны были пятьдесят рублей, шуба и кольчуга, казакам-спутникам по пять рублей и сукно на кафтаны.

Дан был приказ князю Болховскому и двум стрельцким начальникам идти на помощь казакам с пятьюстами стрельцами. Так закончилось посольство в Москву, и казаки, не мешкая, выехали обратно.

А тем временем дружина Ермака добралась до великой реки. Обь. Здесь поставили и укрепили

Обский городок, небольшими группами казаки ходили по рекам Вагаю, Таре, Иртышу, Тоболу и Тавде, покоряли мелкие княжества вогулов, пелымцев, остяков. Часто десяток казаков присоединял к сибирским владениям целую область, величиной более много европейского государства. О Ермаковых походах до сих пор сохранилось множество сказаний, побывальщин и преданий, живущих в Зауралье. Сохранились и некоторые вещественные памятники¹.

Весной 1583 года был захвачен казаками в плен и царевич Махметкул. Его схватили вместе с небольшим отрядом. Ермак принял пленного с почетом. Отправил в Москву. Повез Махметкула Иван Гроза. Но пока добрались до Москвы, умер царь Иван Грозный. Это было весной 1584 года. Махметкул присягнул царю Федору Иоанновичу, а потом царю Борису Годунову, в русском войске воевал со шведами и крымским ханом.

Летом 1583 года Ермак ходил малыми походами по Тавде и Оби. Покорял местных татарских мурз и вогульских князьков. В одном из боев погиб атаман Никита Пан. Дойдя до Оби, Ермак повернул обратно — пришли слухи о возвращении Ивана Кольцо. А затем и о прибытии стрельцов в Чусовской городок. Сообщали также, что ближайший помощник Кучума — карача прислал просить о мире с казаками. Все складывалось как будто бы очень хорошо для Ермакова войска. Но это было обманное благополучие. Хитрый и вероломный противник карача лишь выполнял волю Кучума. Приказал ему Кучум заманивать казаков малыми отрядами и уничтожать.

Вскоре прислал карача к Ермаку гонцов с просьбой о помощи. Сообщил, что идут из степей ногайцы, хотят грабить татарские аулы. Ермак послал Ивана Кольцо с полусотней лучших казаков. На реке Таре в кочевьях карачи казаков встретили торжественно, угощали бараниной и поили хмельным кумысом. Когда казаки легли спать, карача приказал зарубить всех. Так погиб Иван Кольцо. Вскоре погиб и атаман Яков Михайлов, посланный отомстить за гибель Ивана Кольцо. Из старых атаманов остался только самый осторожный и самый осмотрительный Матвей Мещеряк. Этот не верил никому и не раз спасал Ермака от верной гибели.

Весной 1584 года пробилась в Сибирь отряды князя Семена Болховского со стрелецкими начальниками Иваном Глуховым и Иваном Киреевым. Стрельцы прибыли без запасов продовольствия, надеясь получить его в Искере. Но продовольствия не хватало и самим казакам. Не было хлеба. Остяки, вогулы и татары снова стали нападать на отряды Ермака. Карача ненавидел пришельцев. Они лишили его власти, отняли владения. И карача носился по аулам и юртам, по вогульским становищам, собирал воинов, рассылал гонцов с зеленой стрелой. Зеленая стрела означала — поднимать всех воинов против врага. Тех, кто не шел, карача казнил, жег и разрушал их аулы. Много погибло казаков и стрельцов, которые ходили мелкими отрядами собирать дань. Но особенно тяжело стало зимой. В стане казаков и стрельцов распространились болезни. Пришла цинга — ее вызывал недостаток свежей пищи, хлеба и овощей. Распухали десны, выпадали зубы, тело покрывалось пятнами и язвами. К весне уми-

рало по десятку в день. Умер и князь Семен Болховской. Ждали хлеба и помощи от Строгановых, но подмоги не было. Не возвращались посланные за Камень к Строгановым гонцы. В Москве новому царю Федору Иоанновичу не до Сибири было. Усидеть бы самому на троне. Хил и болезнен был новый царь. Не было у него детей и наследников. Бояре ждали, кто захватит после Федора Иоанновича золотой московский трон.

А весна в Искере не принесла облегчения казакам. Правда, лучше ловилась рыба в Иртыше, появились на склонах трава и дикий лук-черемша. Стала проходить цинга. Но зато теперь все еще появлялись конные татарские разъезды, и вот подошла большая орда, расположилась полумесцем вдаль от пушек, накрепко отрезала казаков от степи, сверху и снизу перехватила реку. Карача не торопился воевать против Ермака. Рано или поздно казаки должны сдаться, продовольствия нет, получить его неоткуда, или пусть умирают с голоду. Так рассуждал карача.

Три месяца продолжалась осада Искера. Силы казаков таяли. Силы татар прибывали. На вольном корме отгуливались татарские кони, от безделья жирели всадники. Сам карача отъехал подальше, устроил свой стан в роще, на возвышении у Саусканских юрт. Может быть, сюда и ждал карача Ермаковых послов просить о пощаде.

А Ермак и последний из его атаманов Матвей Мещеряк думали, как разгромить татар. Казаки укрепили стены. Подготовили пушки. Всех, кто был бодрее, собрали в один отряд, вооружили каждого двумя пищальями (их много осталось от умерших стрельцов).

Выбрали самую темную ночь, самый глухой час. Ползком и перебежками уходили из крепости казаки, скрывались в степи. Ермак провожал. За валом еще раз наказывал Мещеряку, говорил строго, поблескивая в темноте ввалившимися глазами:

— Матвей, сил больше нет. На тебя надежда. Разобьешь татар — воля, погибнешь — и нам конец. Иди скрытно к стану карачи. Напади ночью же. Татары не ждут — думают, с голоду подышаем. А чтоб змею убить — надо ей голову растоптать. Разгромамиш — подай весть из малой пушки. Мы пойдем на вылазку, а ты встречь нам. Ну, с богом!

Атаманы обнялись, и Мещеряк ушел вслед за казаками.

Ермак поднялся на вал. У пушек молчаливо сидели пушкарки. Всего с Ермаком осталась горстка больных, раненых и ослабелых. Надумай сейчас татары идти на приступ — взяли бы голыми руками.

Мимо татарских караулов пробирались ползком. Но воины беспечно сидели у костров. Не заметили и не ждали. В перелеске Мещеряк собрал весь отряд. Россыпью, с шашками и ножами наготове шли передние, сзади с заряженными ружьями крались стрельцы. Воинов в стане карачи рубили, не давая им опомниться. Сам карача бежал благодаря оплошности; его, тощего, приняли за ханского прислужника. Бежал карача с несколькими воинами, остальные полегли тут. Мещеряк не медля приказал строить укрепления из телег, бревен и срубленных деревьев. Едва успели укрыться. Из степи послышался топот. Тысяча всадников летела с воем, охватывая полумесцем казачий лагерь. Но Мещеряк недаром был самым осмотрительным атаманом Ермака. На пути конницы торчали уже острые колья, в траве были натянуты волосяные веревки. Спотыкались, валились кони, из-за телег и завалов поли-

¹ У села Гари найдена часть струга огромной величины — длиной в несколько десятков метров. Струг сооружен из колотых бревен и скреплен без металлических гвоздей. Такое судно могло принадлежать Ермаковой дружине.

хали огни выстрелов. Передние стреляли, задние заряжали, готовили сменные ружья. Конница откатилась со страшными потерями. Поднялось солнце. Степь была испятнана трупами коней и всадников. Новый приступ — и снова падают, визжат кони, валятся наездники, кричат раненые, телеги заволанивает пороховым дымом. У казаков почти нет потерь, у карачи нет половины воинов. Бой длился до полудня. А когда конница была рассеяна, Мещеряк приказал бить из пушки. Казаки отчаянно бросились на врага. С Искера донесло грохот ермаковых пушек, треск пищалей...

Карача бежал. Так была одержана еще одна — самая большая победа. Кончилась осада Искера.

И снова летом 1585 года казаки ходили по рекам на стругах, умирляли непокорных мурз и князьков. Были разгромлены Бегиш и Елегай, разбиты татары на Ишиме. О Кучуме не было никаких вестей. Захваченные пленники только разводили руками, махали далеко в степь: «Там Кучум!»

А Кучум был близко. С ордой лучших воинов бродил по степи, шел вдоль рек по следам Ермака. Он выжидал, как степной волк, когда можно напасть без риска.

ГИБЕЛЬ ЕРМАКА

В начале августа 1585 года в Искер прибыл оборванный татарин. Клялся, что послали бухарские купцы. Большой караван идет по Вагаю в Искер, а Кучум остановил. Не пускает купцов. Сообщил также, что у Кучума войско невелико.

С полусотней казаков Ермак отправился на поиски каравана. Плыли на стругах по Вагаю три дня. Прошли сто пятьдесят верст. Ни купцов, ни каравана не нашли. Понял Ермак, что татарин обманул. Но и кучумовых воинов нигде не было видно. Вспомнил предостережения Мещеряка, повернул обратно. Время было жаркое. Около Ильина дня. В такой день всегда грозы, и когда приближались к Искеру, встречный ветер не давал плыть. Заходила широкая гроза. Чтоб укрыться от ливня, решили заночевать на острове в излучине Иртыша, близ впадения в Иртыш Вагая. Остров был небольшой, отделен от берега копаной протокой. Казаки очень устали, натрудились на стругах, трое суток почти не спали, пока искали Кучума и караван. Теперь все свалились на землю, укрылись кто как мог, выста-

вили дозорных. По реке с буревым шумом захлестал дождь. Загрохотали громы. Ночная гроза взбудоражила Иртыш. Лил дождь, ходили волны, гудел ветер. Ничего не было видно за дождем и мраком.

А кучумовы воины подобрались уже к берегу Иртыша. На острове не угадывалось ни огней, ни движения.

— Спят! — решили татары, готовясь напасть.

В летописи говорится, что Кучум, боясь засады, дважды посылал на остров лазутчика, дважды тот переходил вброд и говорил, что казаки спят. В последний раз принес Кучуму три заряженных пищали.

Кто знает, как было... Точно лишь одно — врасплох напали татары. То ли заснули часовые, то ли были убиты, то ли слишком мала оказалась казачья сила. Вся полусотня была перебита. Ермак проснулся от криков и шума, успел выхватить саблю. Но уже навалились на него горой, хватали за руки. Лишь чудовищная сила помогла разбросать врагов. Ермак прорубился к берегу. До стругов можно было добраться только вплавь. А татары окружали. Никто не стрелял. Ермака было приказано взять живым, только живым. Свистнул, отлетел разрубленный аркан. Ермак бросился в волны. Он переплывал Волгу. Не боялся и бушующего глубокого Иртыша. Но теперь вода не держала его, как обычно. Не удержимо повлекло вниз, в плотную холодную глубину. И только тут понял — кольчуги! Их было две и они весили полтора пуда. Тяжесть их топила Ермака, тянула на дно. Он вынырнул дважды, но вот сомкнулась вода, исчез золоченый шлем. По-прежнему шумно лил дождь и грохотал гром. Ермак погиб.

На рассвете прибежал в Искер мокрый, грязный казак Ильин. Он один чудом уцелел в сечи, вплавь ушел с острова.

— Батьку! — кричал он. — Батьку погубили!

Его под руки привели к Мещеряку. Суровый атаман топтал шапку, тряс саблей перед носом перепуганного казака, плакал, не стесняясь. Потом бросил саблю в ножны, отрезвел. На валу бахнула пушка.

— Без батьки здесь не быть, — сказал Мещеряк. — Пойдем за Камень.

Было утро 5 августа 1585 года¹.

¹ В некоторых книгах дата гибели Ермака относится к 1584 году.

С гибелью Ермака закончился казачий поход в Сибирь. 15 августа 1585 года казаки и стрельцы под командой Мещеряка покинули Кашлык-Искер. Осторожный атаман не повел назад той же дорогой. Он вывел отряд лесами на верховья Печоры и на Каму.

Покинутый Искер недолго переходил из рук в руки. Сначала его занял сын Кучума — Алей. Алей вскоре свергнул пришедший из Средней Азии сын убитого Кучумом Бекбулата — хан Сейдяк... Но скоро и Сейдяк был разгромлен прибывшими из Москвы стрелецкими отрядами. Город Искер остался заброшенным. Там никто не селился. Недалеко от Искера стал расти новый город — Тобольск.

Кучум же по-прежнему ходил по степи, нападал и на русских, и на татар. Мстил за то, что они покорились Ермаку. В 1591 году Кучум был снова разбит воеводой Владимиром Кольцовым-Масальским в Ишимской степи. В 1595 году воевода Борис Доможиров разбил Кучума на реке Омь. Хан бежал. Но 20 августа 1598 года семьсот русских и триста татар под командованием воеводы Воейкова разгромили последние орды Кучума на Оби. В плен попала вся ханская семья: пять сыновей, восемь дочерей и восемь жен. Схватить Кучума не удалось. Он ушел в Калмыцкие степи, оттуда бежал к ногайцам, затем во владения Бухары. Здесь Кучум был убит.

А по проторенной Ермаком дороге в Сибирь шли и шли русские переселенцы и военные отряды. Один за другим появлялись городки на речном пути в Сибирь. Тюмень. Тобольск. Верхотурье. Туринск. Появлялись города и по другим рекам. Пелым, Березов, Сургут, Тара. В 1604 году заложен Томск. В 1618 году — Кузнецк. Русские землепроходцы продвигались на восток, открывали все новые и новые просторы. Перешли великую реку Енисей, вышли на Лену, прошли до Чукотки и пролива, разделяющего Азию и Америку. Это было уже к 1648 году. Немногим более полувека понадобилось, чтобы пройти всю Сибирь до Тихого океана.

Четыре столетия отделяют сегодняшнюю Сибирь от тех начальных времен, которые открыли ее историю. Но не меркнет, лишь становится сказочней имя человека, отважно проложившего к ней дорогу. Оно не будет забыто никогда.

НЫНЕ И ВЕК НАЗАД

История не сохранила нам объяснений, почему и как после восьми лет учебы в Тобольской духовной семинарии Иван Протасов в 1787 году оказался лекарским учеником в Петербургском госпитале, а спустя год стал подлекарем на кораблях Балтийского флота. Во время войны со Швецией Иван Васильевич участвовал в четырех морских сражениях.

После ухода в отставку И. В. Протасова назначили уездным врачом на Урал. По личной инициативе он изучил и описал тяжелые условия труда на медеплавильном и железоделательных заводах. Рукопись эта затерялась в архивах Медицинской коллегии.

В 1800 году И. В. Протасов написал новую работу — о глазных болезнях и слепоте среди башкир, татар, вотяков, живших в Красноуфимском уезде. Основную причину трахомы он видел в особенностях их быта и низкой культуре. В частности, Иван Протасов предложил переселить башкир, марийцев в дома с печами, как у русских.

Ознакомившись с трудом врача-энтузиаста, Медицинская коллегия запросила Пермскую врачебную управу о количестве слепых среди «иноверцев» и о причинах слепоты. Чиновники из управы легко объяснили происхождение недуга: «Причина таковой их болезни не от иного чего происходит, как единственно от власти божией».

«Жизнь — копейка...» — эта поговорка имела, помимо социальной, и, так сказать, медицинскую основу.

Крупным предприятием в старом Екатеринбурге была суконная фабрика купцов Макаровых. На ней работало свыше 500 человек. Фабрике полагалось иметь врача, и она его держала. Но вот рабочий корреспондент ленинской газеты «Искра» в № 51 от 22 октября 1903 года сообщил, что врач существовал только для профформы: «Рабочих он не лечит, к нему никто не обращается.

Больной работнице он сказал: «Лечить тебя обойдется 50 рублей, а похоронить — только два с полтиной. Какой расчет фабрике тебя лечить?»

Эта заметка, отразившая страшный по своей бесчеловечной сути факт, привела меня в Государственный архив Свердловской области. Среди многих дел нахожу документ: «Из доклада попечительского совета Екатеринбургской городской больницы городской думе».

В нем — своего рода справка об истории больницы. Она «открыта в декабре 1876 года на 75 кроватей под управлением одного врача для нужд местного мещанского общества в старом каменном корпусе, который выстроен около ста лет тому назад... По мере роста города и отсутствия земской больницы... пришлось пригласить в 83 году второго врача, а затем в 98 году пригласить и третьего врача».

Одно место доклада написано в странном, оправдывающемся тоне. Прочитав, я не очень понял, зачем понадобилось столько места отводить капустным шам и другим частностям. Знакомство с другими материалами открыло мне нашу мемуарную в свое время историю.

Документы рисуют ее весьма колоритно. В протоколе заседания думы за 10 января 1917 года говорится, что А. И. Трубинов попросил слово для внеочередного заявления. Получив разрешение, он сказал: «...по поводу посещения 5 декабря 1916 года господином пермским губернатором Екатеринбургской городской больницы в городе циркулируют разные слухи о беспорядках, якобы обнаруженных в больнице, и слухи эти настолько превратны и не соответствуют действительности, что он, г. Трубинов, считает необходимым от имени попечительного совета больницы предложить господам гласным думы посетить больницу, осмотреть все отделения ея».

Так вот, оказывается, чем вызвана попытка попечителей

больницы оправдаться перед думой. Вновь возвращаясь к докладу и перечитывая объяснение: «что касается капустных щей, готовившихся к ужину и названных... на заседании врачебно-санитарной комиссии 7 января с. г. «суп брандахлыст», то совет считает необходимым пояснить, что господин губернатор посетил кухню около 5 часов вечера, когда обед уже давно роздан, а ужин, раздаваемый в 7 часов вечера, не был готов, суп не был заправлен...» Заведующей кухней губернатор не застал и «объяснения давала лишь оробевшая кухарка».

Подобным образом попечители старались отрицать или смягчить многое из того, что вскрыл в больнице губернский начальник. Характерная деталь: губернатор осмотрел больницу в декабре, а дума лишь в марте, три месяца спустя, собралась обсуждать выявленные им беспорядки. Если для официального разговора о недостатках, обнаруженных самим губернатором, думе понадобилось три месяца, то можно представить, как относились к жалобам «простых смертных».

В справочнике В. А. Весновского «Весь Екатеринбург» за 1903 год я нашел такие сведения: «Средняя продолжительность жизни населения Екатеринбурга очень незначительная: она равна всего только 28 годам. Принимая во внимание, что рабочий возраст считается с 18 лет, на долю каждого екатеринбуржца приходится всего 10 трудовых лет». Смертность в городе, свидетельствует справочник, была громадной. Если бы не прилив населения из других мест, городу грозило бы почти полное вымирание».

Так уж совпало, что вскоре после заметки в «Искре» я увидел в «Правде» корреспонденцию «Дешевле умереть». Она начинается с драматической истории одной, казалось бы, вполне обеспеченной американской семьи из тexasского города Хьюстона. Отец работал управляющим небольшой компании по производству мелкого оборудования, мать — кассиром в бакалейной лавке. Их десятилетняя дочь Ли заболела. Ее отправили в госпиталь «Гайдлэнс». Как выявили исследования и анализы, у девочки полностью разрушена одна почка. Чтобы лечить ребенка, требовалось каждую неделю покупать лекарства на 35 долларов.

«Взвесив свои финансовые возможности, — говорится в корреспонденции, — родители поняли, что длительный курс лечения им явно не по карману, и решили прибегнуть к операции. Ли оперировали, и девочка стала поправляться. Но когда супруги Эдварс получили счет из госпиталя, то в нем стояла кругленькая сумма — 800 долларов.

По этой же причине или по другой, но мать Ли, не отличавшаяся крепким здоровьем, вскоре тоже попала на операционный стол. Из госпиталя пришел еще один счет — на этот раз на 600 долларов... После этого семья оказалась на грани нищества».

Автор корреспонденции напомнил вывод, сделанный журналом «Бизнес уик» в большой аргументированной статье по вопросам медицины: «Огромное множество американцев, — заключал журнал, — предпочитают смерть серезному заболеванию. Для миллионов из них отправиться в госпиталь означает разориться... Для многих других — медицинское обслуживание просто не существует».

И хотя между фактом, происшедшим на Урале и описанным «Искрой», и фактами из современной жизни США прошло порядочно времени, я невольно сопоставил их. Кажется, как можно сравнивать убогие екатеринбургские палаты с комфортабельными, оснащенными сложнейшим оборудованием американскими больницами? Можно, если иметь в виду, что их глубинная сущность, несмотря на внешний разительный контраст, в принципе одинакова — здоровье человека в мире капитала ставится в прямую зависимость от положения человека в обществе, точнее, от его чеховой книжки.

Мы давно привыкли, что в на-

шей стране медицинская помощь любому человеку оказывается бесплатно. Никому и в голову не придет, что за пребывание в больнице надо платить. Но газетные материалы, приведенные выше, заставили меня подумать вот о чем. И в наших условиях лечение больных тоже стоит денег. На каждого расходуются лекарства, нередко применяются новейшие медицинские средства и методы, делаются сложнейшие операции. Во что это обходится? И верно ли, что почти никто не считает таких затрат? Не принято. А если все же попытаться подсчитать, во что обходится государству лечение того или иного человека?

Звоню главному врачу первой свердловской городской больницы Юрию Леонидовичу Мартынову, пересказываю искровскую заметку и свои мысли. Он пригласил меня побывать у них.

И вот я в больнице. Заместитель главного врача Тихон Тихонович Рязанов ведет меня в четвертое хирургическое отделение. Здесь я никого не знаю ни среди врачей, ни среди больных.

Входим в палату. У стены на кровати лежит молодой парень. Стоит взглянуть на его лицо, бледные руки, и даже несведущему станет ясно: человеку пришлось немало перенести. В изголовье у больного стоит маленький транзисторный приемник, из которого чуть слышно льется музыка.

Анатолию Михайловичу Пиньженину 22 года, он рабочий. В жизни у него все шло хорошо. Очередной отпуск собирался провести в Ленинграде. Строил интересные планы, уже получил деньги, а попал... в больницу. Что случилось? Ехал на мотоцикле, дорожное происшествие... Рентген выявил перелом позвонка.

Хотя вначале состояние пострадавшего ему самому казалось приличным, врачи опасались, что возможен паралич ног и тазовых органов. Было предпринято все, чтобы не допустить этого. Но без операции не обойтись. А для нее требовалась длительная подготовка.

Просто написать: «сделали операцию». Пиньженину требовалась такая, что пришлось пригласить специалиста — ассистента кафедры травматологии Свердловского медицинского института Виктора Васильевича Родина. Ассистировали ему кандидат медицинских наук И. А. Белавина и врач А. А. Огнев. Кроме них в операции были заняты врач-анестезио-

лог, две медсестры, рентгенотехник и санитарка. Пять часов эти люди боролись за будущее молодого рабочего. В ходе операции Анатолию делали переливание крови, вводили атропин, горсенал, глюкозу, витамины и другие средства.

В последующие дни состояние было тяжелым. Пиньженина поместили в палату интенсивной терапии. Врач и сестра круглые сутки наблюдали за ним. Больному опять вводили кровь, плазму, растворы. Пять суток постоянно давали кислород. Не просто вернуть человеку здоровье!

Наша встреча с Пиньжениным состоялась примерно через месяц после операции. Анатолию требовалось лечиться в стационаре еще месяца три.

По моей просьбе в больнице подсчитали, сколько будет стоить лечение Анатолия Пиньженина. Выписку из истории болезни с указанием лекарств, назначений дополнили цифры. Внизу выведен итог — 896 рублей.

Последний мой визит — в Свердловский областной отдел здравоохранения. С тридцатых годов там работает Полина Михайловна Галкина. К этой невысокой внимательной женщине идут все, кому требуется та или иная справка.

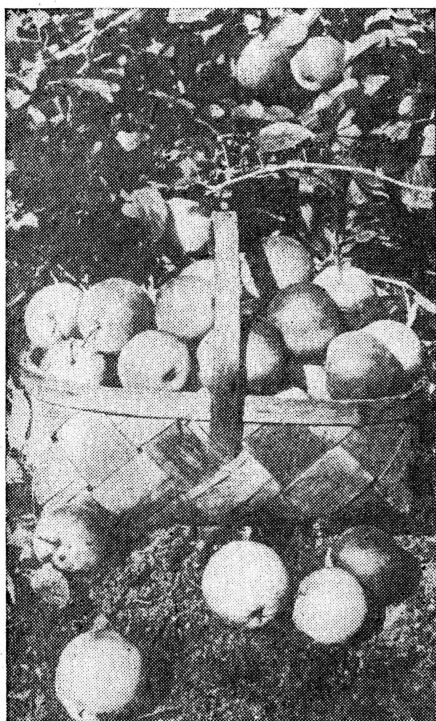
— Ходячая энциклопедия, — шутя говорит она о себе.

Полина Михайловна называет такие цифры по Свердловской области. В 1940 году на здравоохранение расходовалось 43800 рублей в день, а в 1971 году — почти полмиллиона рублей. Повторяю: каждый день. Эта цифра будет еще весомее, если в нее включить средства на здравоохранение от государственных и кооперативных предприятий, профсоюзных организаций.

Здоровье народа — это общественное богатство, «казенное имущество», по выражению В. И. Ленина. В девятой пятилетке в стране войдут в строй крупные специализированные и многопрофильные больницы, поликлиники, врачи получают новейшее оборудование, новые препараты, повысятся нормы расхода на питание в больницах.

Вот на какие размышления навели меня архивные находки, сообщения из-за рубежа и наша статистика.

В. ПЕТРОВ

АЛТАЙСКИЕ ЯБЛОКИ

СИБИРИ ГЛАВНЫЙ САД

В Барнауле я впервые и, естественно, плохо ориентируюсь в незнакомом городе. Обращаюсь к первому встречному:

— Скажите, как проехать на плодово-ягодную станцию?

— На плодово-ягодную? Дайте подумать... А, так вам к Лисавенко?

Я знаю, что Алтайской плодово-ягодной станции присвоено имя академика ВАСХНИЛ Лисавенко, и утвердительно киваю головой.

— К Лисавенко, значит. Садитесь на трамвай, на «семерку». Спросите станцию Лисавенко — каждый скажет.

Урок я усвоил быстро. Стоило произнести эту фразу, и мне тотчас давали точный совет.

Итак, прежде чем начать рассказ о днях сегодняшних, следует ради высокой справедливости сказать хотя несколько слов о том, чье имя с гордостью носит Алтайская ордена Трудового Красного Знамени опытная станция садоводства.

По-разному становятся люди академиками. Мише Лисавенко было восемь лет, когда ему попала в руки книжка издания 1890 года «Плодовый сад». Сухое описание жизни растений, процессов окулировки, кронаобразования мальчонка читал как увлекательную повесть. Восьми же лет он впервые в жизни съел яблоко. Семечко посадил в кадку с фикусом.

Первые уроки природоведения будущий академик брал у своей матери, потомственной сибирячки. С ней он выискивал в лесу дикую смородину, малину, черемуху. Кусты выбирал с крупными плодами и пересаживал в свой огород. Выбирал интуитивно, даже не догадываясь, что это занятие можно обозначить таким ученым словом, как селекция.

Рос его первый маленький садик, росла гордость этого сада — яблонька. И вот однажды весенним теплым днем сад окутал

ОТЕЦ СИБИРСКОГО САДОВОДСТВА. АКАДЕМИК
ВАСХНИЛ, ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА
МИХАИЛ АФАНАСЬЕВИЧ ЛИСАВЕНКО

белых яблонь дым. Наверное, в этот день и родился Лисавенко-садовод. Уже юношей Лисавенко послал в специальный журнал первую статью (за свою жизнь он опубликовал триста работ), в которой попытался рассказать об опыте выращивания яблонь в Сибири. Рукопись возвратили с энергичной резолюцией редактора — «Яблони в Сибири не растут». Легче всего с позиции сегодняшнего дня, так сказать, задним числом упрекнуть редактора в консерватизме и прочих «измах». Крупнейшие авторитеты того времени и среди них видный американский профессор Н. Ганзен, не раз бывавший в Сибири, утверждали, что понадобится столетие, прежде чем удастся вывести сорта для этого края. Объективности ради стоит добавить, что позднее американский ученый признал ошибочность своих взглядов, воздав тем самым должное таланту сибирских селекционеров.

Но все это — признание, почет — пришло позднее. А тогда, в двадцатые годы, Лисавенко и другим энтузиастам приходилось оправдываться и извиняться за свое увлечение. Слово садоводство примени-

тельно к Сибири звучало как пустая трата сил и времени.

В канун 1934 года по заснеженным тропинкам Лисавенко пробирался к каменному дому на берегу реки, окна которого притягивали всех садоводов России. Сибиряка ждавая встреча с Мичуриным.

«Скромный письменный стол со стопкой книг, лупой, микроскопами и другими приборами. На стене — часы, барометр, гигрометр. (Не самим ли Мичуриным все это сделано? Известно его пристрастие к точным механизмам). Тут же — верстак, токарный станок. В углу — резной шкаф, подарок Михаила Ивановича Калинина.

— Ну, садись, рассказывай, как идут дела там, в твоих горах,— просто и ласково сказал Мичурин после сердечного рукопожатия.

Я сразу почувствовал себя спокойно.

...Его интересовало все: какие сорта растут на усадьбах садоводов-любителей, встречал ли я в горах миндаль и к какому виду он относится, попала ли жимолость со съедобными плодами, болеет ли дикий алтайский крыжовник, употребляют ли в пищу «согоно»¹ алтайцы и в каком виде. Иван Владимирович расспрашивал, какие из растений использует местное население в народной медицине».

Пили чай с вареньем из ревеня, и лилась за чаем неторопливая беседа. Временами она становилась острой. Знаменитый ученый сетовал, что его методы порой чуть ли не обожествляют, берут в них форму, а не суть. Привезут европейские саженцы, воткнут их в сибирскую землю, а потом сетуют: Мичурин де подвел.

Навсегда запомнил Лисавенко совет: отказаться от бесплодного механического перенесения европейских сортов в Сибирь. Надо рассматривать их лишь как исходный материал для селекции. А выводить свои сорта. Сибирские.

Прощались тепло. Мичурин решил подарить на память фотографию. Долго рылся в них, ворчал:

— Все как-то снимают непохоже.

Наконец, выбрал.

— Вот эта, вроде, получше будет.

До последних лет жизни Лисавенко берег эту фотографию. Спокойное лицо, спокойный глубокий взгляд — видимо, эта безыскусственность снимка, отсутствие всякого намека на позу и определили выбор Мичурина.

Из заснеженного домика Лисавенко уносил напутственные слова:

— Иди напролом. Умей стоять за свое дело.

Совет Мичурина пришелся как нельзя кстати, когда Лисавенко по рекомендации «Крестьянской газеты» переехал из родных красноярских мест в столицу горного Алтая Ойрот-Туру (ныне Горно-Алтайск). Должность его звучала солидно: директор опорного пункта. Опорный же пункт скорее напоминал скромное единоличное хозяйство — директор, рабочий, лошадь и домик.

Земельный участок Михаил Афанасьевич Лисавенко присмотрел в Татанакском логу. Но... пастухи, любили там пасти коров,

¹ Согоно — разновидность дикого алтайского лука.

и городские власти отнеслись к просьбе скептически. Само предложение звучало в высшей степени странно: выращивать яблоки там, где испокон века топтали траву коровы. Стоило добавить, что в лексиконе коренных алтайцев вообще не было слова яблоко. Когда участок все-таки выделили и в грунт были высажены первые деревца, сад по-прежнему привлекал к себе рогатых пришельцев. Позднее, вспоминая первую осень, Лисавенко любил шутить, что главным врагом сибирского садоводства являются коровы.

Год спустя Ойрот-Туру взбудоражила весть: на городском рынке продаются невиданные ранее здесь арбузы. Еще более удивительным оказалось то, что арбузы завезены не с жаркого юга, а возвращены здесь, на Алтае. Лисавенко с первых шагов своей деятельности убеждал скептиков не столько прекрасными планами будущего сибирского садоводства, сколько реальными результатами.

Арбузы — это, конечно, деталь, интересная, но все-таки частность, ибо не бахчеводству в конечном счете суждено развиваться в Сибири. Татанакровский лог обживали пять тысяч молодых яблонек. Положено начало большой работе, которая продолжается и по сей день.

Я держу в руках румяное яблоко, медленно откусываю от него, ощущая сочную ароматную мякоть, и думаю о том долгом пути, который прошла сибирская яблоня.

Растет в Забайкалье дикая яблонька. За жесткие кислые плоды величиной с ягоду боярышника ее называют годной или калинкой. Словом, дикарка и есть дикарка. Но есть у забайкальской красавицы одно редчайшее достоинство, которое заставило забыть о многих ее недостатках. Это самая неприхотливая и морозоустойчивая яблоня на свете. Буйствуют суровые ветры, сорокаградусные морозы, а деревце терпеливо переносит удары судьбы, дожидаясь своего часа — поры цветения. В начале двадцатого века сибирские садоводы скрестили дикарку с крупноплодными сортами и получили ранетку. Теперь яблочко своими размерами походило на вишню.

Вот эта ранетка и была «взята за основу» М. А. Лисавенко и его помощниками. На одной чаше весов достоинства, прежде всего, зимостойкость, на другой — недостатки: мелкоплодность, жесткость, повышенная кислотность. Задача вроде предельно проста: новый сорт должен сохранить достоинства и избавиться от недостатков. Изложить программу легко, выполнить ее неизмеримо труднее. Пожалуй, в какой-то мере передать объемность труда поможет цифра: из тридцати тысяч гибридных сеянцев было отобрано всего тридцать.

На первом этапе (почти двадцать лет!) скрещивания сибирской яблони с европейскими видами получено восемнадцать сортов полукультурок и ранеток. Затем новый этап — в гибридизацию вместо ранеток включены лучшие алтайские полукультурки. Снова годы и, наконец, искомое: плоды весом 50—70 граммов, вкусные, ароматные. Удивительный взлет эволюции наглядно виден, когда на стол положат плоды забайкальской дикарки, ранетки и современного алтайского сорта. Горошина, вишня и крупное, почти с кулак, яблоко. Зримо, убедительно! Новому сорту, как человеку при рождении, дается имя и паспорт. Это ныне известные Космическое, Алтайское бархатное, Бельфлер алтайский, Алтайское новогоднее.

Пожалуй, наиболее точно суть селекционной работы определяет слово поиск. Многолетний, со взлетами и неизбежными падениями, кропотливый и коллективный. Недаром один из сортов называется «Коллективное». Пусть не романтично, зато точно.

Истинный садовод — человек увлеченный. Любопытна история с кандидатской диссертацией Лисавенко. За его плечами были уже плодотворные изыскания, серьезные печатные труды, известные широкому кругу специалистов, а он все ходил «неостепененный». Деликатно намекнув ему о таком странном несоответствии, Лисавенко шутливо отмахивается: не для степени, мол, работаю. Однажды его вызвал первый секретарь Горноалтайского обкома партии и без обиняков предложил:

— Михаил Афанасьевич, второй секретарь в отпуске, кабинет пустует. Занимай его и пиши диссертацию.

Заметив протестующий жест Лисавенко, тем же тоном продолжил:

— Это надо не только вам, но и всем нам, если угодно — для авторитета станции.

В пятьдесят машинописных страниц Ли-

савенко «втиснул» весь свой богатейший опыт селекционера. Защита диссертации «Селекция ягодных культур на Алтае» прошла блестяще.

Слава не обошла стороной Лисавенко. Он стал лауреатом Государственной премии, Героем Социалистического Труда, академиком. Эти высокие звания и степени не достались ему, как иногда говорят, авансом, это признание исключительно плодотворного подвижнического труда. Он не гнался за славой, слава искала его.

— Эта лисавенковская черта, мне кажется, свойственна всему нашему коллективу,— говорит нынешний руководитель станции Ида Павловна Калинина.— По-товарищески подсказываешь порой сотруднику, который, мы-то знаем каждого, сделал очень многое: садись-ка за диссертацию, материала у тебя более чем достаточно. Мнется, отказывается: рано, мол, еще итоги подводить, надо поработать.

Как хотелось бы чаще слышать эту фразу от иных соискателей степеней, коих немало бродит по институтским и прочим коридорам. Расценивая звание как самоцель, ищут они наиболее легкие тропинки к ней. Темы

делятся у них на «недиссертабельные» и «диссертабельные», понимая под последними те, где всего вероятнее ждет скорый успех. И цели-таки они добиваются. Не успевают начать трудное восхождение к научной вершине, новоиспеченный кандидат наук уже на первой ступеньке садится отдохнуть... до ухода на выстраданную обеспеченную пенсию.

Признаться, я не помню точно, употреблял ли кто-либо из сотрудников станции в разговоре со мной столь модное ныне выражение «связь науки с производством». Боятся на станции громких слов, предоставляя другим право определять значимость их труда. В популярной телепередаче «Поиск», которую ведет писатель Сергей Смирнов, заместитель министра назвал коллектив станции, имея в виду его научные достижения, лучшим в стране.

— Одним из лучших и то, наверное, громко,— поправила его И. П. Калинина.

Эта скромность не родня той застенчивости, которая внешне отмахивается от похвал, а внутренне вся от них расцветает. Серьезные исследователи—а на станции таких немало—знают, сколь много неизве-

ДЕНДРАРИЙ ЛЕТОМ НАПОМИНАЕТ ДЖУНГЛИ — БУЙНО РАСТУТ ДЕРЕВЬЯ И КУСТАРНИКИ, ПРИШЕЛЬЦЫ ИЗ ДАЛЕКИХ КРАЕВ И КОНТИНЕНТОВ

данного таит в себе наука, насколько опасно благодушные самой природе творческого поиска.

Впрочем, давно пора открыть дверь в сегодняшний день станции. Приветливая аллея — по бокам маньчжурские орехи — ждет нас.

В розарии чувствуешь себя так, словно попал на дипломатический прием. С одной стороны окружает тебя мадам Баттерфляй, с другой — президент Герберт Гувер. Иной создатель нового вида увековечивает свое имя, некоторые посвящают творения знаменитым мира сего или отдают дань экзотике. Есть такие, которые напоминают, что мы живем в космический век.

Хозяйкой богатейшего в Сибири дендрария является старейший работник станции Зинаида Ивановна Лучник. Она создала новые сорта сирени, тюльпанов. Красоту и отличительные особенности их в какой-то мере передают названия: Малиновый звон, Радужное донце, Фиолетовый бокал. На участке, где растут гладиолусы, видна табличка «Памяти Лисавенко». Это не только дань уважения руководителю станции, это признание его заслуг и в области цветоводства. Еще в тридцатые годы, за двадцать лет до особого приказа министра сельского хозяйства, Лисавенко на свой риск и страх ввел в рабочий план станции раздел: декоративное садоводство.

Гладиолусы и тюльпаны мирно цвели и в грозные годы войны. Находились ретивые головы, которые настоятельно советовали «занять землю картошкой». Станция действительно отвела большие участки под картофель, но и цветники все-таки отстояла. А тем, ретивым, Лисавенко читал письма с фронта.

«Привет и жму руку, Михаил Афанасьевич! Не удивляйтесь моему вопросу, но мне обязательно хочется знать, как перезимовали плодово-ягодные насаждения в вашем питомнике, а самое главное, как перезимовали сливы. Я имею в виду подопревание корневых шеек, у меня этот вопрос с ума не сходит никак. Как чувствуют себя саженцы яблонь? Ох, как жаль, дорогое время уходит, чтоб ему мерзавцу Гитлеру околеть немедля...»

О саде ли, кажется, думать, когда воют над головой мины, взрывается перед бруствером снаряд и смерть видишь в ее жутко-повседневной реальности? А выпадает свободная минута, и вспоминает солдат Петр Алифанцев из села Аюла, Эликмонарского аймака родной и далекий Алтай

и «никак у него не сходит с ума вопрос: не перепрели ли корневые шейки у слив?»

«Алтайская правда» тех лет опубликовала письмо и сообщила примечательный факт. В день, когда получили весточку с передовой, приехала в Горноалтайск на коровах из далекого колхоза — восемьдесят верст пути! — бабушка Фелиция. Нагрузила около двух тысяч саженцев и сеянцев и заторопилась обратно. Лисавенко, прощаясь, приколол к ее груди розу «Капитан Гастелло».

Розы и война. Издавна философы и поэты твердили миру, что это противоборствующие понятия. Война — войной, а розы — розами, — сказал когда-то Игорь Северянин. Не знаю, были ли знакомы эти строки бойцу И. Г. Ходыко, но он высказал в письме иную точку зрения на сей счет.

«Быть может и покажется смешным сейчас думать о цветах, но так тянет к ним. Я всего в 22 километрах от дома, а там немцы. Там наш колхозный сад, наверное, цветет уже, если фрицы не уничтожили его. Посылаю перевод и прошу использовать его исключительно на тюльпаны, особенно махровые и азиатские. Срок выполнения заказа — неважно, но, очевидно, не ранее окончания войны. Если у вас цветут фиалки, очень прошу: вышлите в конверте несколько цветков. Повторяю свой адрес: 28 ППС, с мичуринским приветом фронтовик Ходыко Иван Григорьевич».

В бухгалтерии питомника на текущем счете Ходыко числилось тогда шестьсот (по старым ценам) рублей.

Враг стоял у стен Москвы и Ленинграда, он готовился к торжественной манифестации в столице «побежденного» государства, а в тылу и на фронте уже ковался фундамент будущей Сталинградской и Курской битв, и люди думали о том пока еще далеко, но реальном времени, когда они сменяют винтовки на плуг пахаря и нож садовода. И неизбежно жила в них вера, что наступит это время, когда на полях сражений вновь заколосится хлеб и расцветут сады.

В алтайских горах Лисавенко нашел редкостный экземпляр голубой сибирской ели плакучей формы. Один-разъединственный экземпляр рос на станции.

Осенним днем 1972 года я люблюсь большой плантацией. Она разделена на участки. На одном совсем крохотные обыкновенные зеленые ели. Вершинка срезана, на месте ее привит серебристый черенок. Здесь только-только начинается великое таинство природы, вызванное человеком — превращение одной формы в другую. Рядом деревья постарше. В нижних ветках явно проглядывает серебристый налет, а вершины отливают голубизной. Голубая красота разъедется по разным адресам, спрос на нее большой. Алтайская ель придает особую праздничность зеленому наряду сибирских городов.

Деревья — что дети. Есть послушные, есть капризные. К последним стоит отнести рододендрон. Весной горы вспыхивают ярким румянцем — расцветает рододендрон. Расцветает значительно раньше, чем дру-

гие деревья и кустарники. Это-то и привлекло к нему внимание исследователей. Представляете, ранней весной, когда на деревьях только-только проклевываются почки, улицы городов расцветиваются радужными красками.

В естественном виде кустарник растет на каменистых склонах, обдуваемых пронзительными ветрами. Спустившись с гор на Алтайскую станцию, рододендрон по нашим понятиям только выиграл, сменив неблагоустроенную квартиру на комфортабельную. Плодородная земля, надежный снежный покров — казалось, живи и радуйся. А рододендрон не радовался, более того, он стал чахнуть. Плюсы обернулись для него минусами. Ведя долгие века и тысячелетия битву за существование, рододендрон приспособился к жестоким морозам, он впадал зимой в глубокую спячку, копил силы для мгновенного взрыва весной. Толстое снежное одеяло нарушило традиционный образ жизни, заставило бодрствовать в те часы, когда природой ему был предписан глубокий покой. Деревцо встречало весну ослабленным, утомленным. Наденьте на спортсмена вместо тренировочного костюма тулуп, пустите на лыжню, и вы поймете, что пережил рододендрон.

На территории станции сейчас возвышаются горки, сложенные из камней. Это новое жилище рододендрона, близкое по условиям к природным. Итак, проблема решена, ключ найден? Не хочется прибегать к спасительным легким фразам, за которыми не виден горький хлеб исследователя. Достаточно сказать, что пока не удалось добиться размножения рододендрона черенками. Значит, как поется в песне, все еще впереди. Дитя дикой природы проявляет упорство, но упрямы и, главное, терпеливы его воспитатели.

«Укрощает» рододендрон Наталья Борисовна Семенюк.

В кабинете ее не застали. Сотрудница фотолаборатории активно включилась в поиск. Это оказалось не таким уж простым делом. На смородиновых плантациях Наташи не было, на яблоневых — тоже. Решили, что она в дендрарии, но — снова неудача.

— Так дело не пойдет, — решительно сказала моя попутчица. Она сложила ладони рупором и громко крикнула:

— Наташа-а-а!

Мы стояли на крутом берегу Оби. Эхо отзывчиво подхватило, усилило, умножило: а-а-а... Помолчали. Откуда-то снизу, из-под обрыва, донесся ответный клич.

Наталья Борисовна Семенюк к отчеству по молодости лет еще не привыкла, на станции к ней обращаются запросто, называя по имени. Пришла сюда после десятилетия простой работницей, заочно окончила сельскохозяйственный институт и перешла в ранг научных сотрудников. Изложила Наташа одним предложением весь свой жизненный путь и умолкла: все вроде сказано. Оживилась, когда речь зашла о любимом деле — о садоводстве. О рододендроне, о деревьях и цветах она говорила как учительница о школьниках: этот непослушный, но зато какие у него задатки, а вот этот вызывает беспокойство.

Сравнение не покажется натянутым, если учесть, что Наташа охотно возится и со школьниками. Диплом она защитила на практическую тему: по ее инициативе был создан сад в Победимской школе, Топчихинского района. Она предложила планировку участка, привезла саженцы, вместе с ребятами высадила их. В безлесной степи зашумели листвою маньчжурский орех, ясень, дуб, клен.

Доброе дело, подобно доброму семени, дает всходы. Стали навещаться в Победим экскурсанты, обуреваемые хорошей завистью: а чем мы хуже? Посыпались заявки в Барнаул. Над шестьдесятю школами края шефствует сейчас алтайская станция — планировка, подбор и посадка саженцев ведется с помощью ее сотрудников. Все это безвозмездно, за счет уплотнения рабочего дня.

Одно обидно: почему начинание носит областной (краевой) характер? Почему не раздвинуть границы почина, придав ему масштабную — в рамках всей страны, — не побоюсь сказать, общегосударственную значимость? Оно этого заслуживает, если вникнуть в его суть, если глубоко постичь смысл и дух последних постановлений партии и правительства об охране природы.

Сколько поломано копьев на страницах газет и журналов в поисках различных путей воспитания человека в духе любви к природе! Как научить дикого — в буквальном смысле слова — туриста бережно относиться к деревьям, траве, воде, к птицам и муравьям, как заглушить в лесу истошный рев транзисторов, вернув ту целебную тишину, что врачует душу? Путей, естественно, много, но самый верный — приобщить ребенка с детства к чудесному миру природы. Приобщить не абстрактно, не столько посредством уроков или лекций (полезность их, разумеется, ни в коем случае не ста-

вится под сомнение), сколько вот так, как поступают на Алтае: помочь ему самому посадить и вырастить дерево. Издавна известно: крошки хлеба бережно сыпает на ладонь тот, кто знает, какой ценой он выращен. В самом акте посадки дерева заключена простая и великая педагогическая идея.

Пришкольный сад, возразят, явление не новое и не редкое. Конечно. Но чаще всего ребят окружают в нем те же самые деревья, что растут в ближайшем лесу. Тем и поучителен опыт алтайцев, что с помощью станции около школы выращиваются редкие или совсем невиданные в этих местах растения 40—50 видов. Живое пособие к урокам ботаники.

В нашей стране сотни станций, опорных пунктов, ботанических садов, дендрариев. В крупных городах и на крупных предприятиях созданы специальные озеленительные службы. Если каждый взял бы шефство пусть над одной-двумя школами, помог бы разбить (разумеется там, где позволяют условия) прекрасный сад — какой эстетический и нравственный эффект принесло бы это начинание.

Чуть подалее от участка серебристых елей — смородиновые плантации. Сибирь издавна называют царством смородины. На первый взгляд смородину не отнесешь к разряду «хлопотных» культур, тем более, что она прекрасно растет в лесу, по берегам алтайских рек. Доля истины в этом есть, но не вся истина. Дикорастущая смородина вкусна, ароматна, но легко осыпается. Этот изъян, не столь существенный для любителя-ягодника с лукошком, обрачивается крупным недостатком, когда речь заходит о промышленном садоводстве. И снова — поиск.

В тридцатые годы станция насчитывала 86 тысяч семян, в основном диких видов. Из них отобрали всего 53, но и они не удовлетворили исследователей. Итоги аналитической селекции — отбор из семян дикорастущей смородины — оказались таким образом неутешительными.

Начался новый этап: гибридизация сортов, отдаленных в географическом и видовом отношении. Сегодняшние алтайские сорта в своей родословной широко пред-

ставляют нашу планету: Европу, Канаду, Сибирь, Дальний Восток, Приморье. Особенно удачливым оказался Приморский чемпион, берущий свое начало от восточносибирской дикуши. У него немало действительно чемпионских достоинств: морозоустойчив, урожаен, высокосамоплоден. Приморский чемпион — один из родителей «Голубки», которая получила ныне большую популярность. Полушутя-полусерьез «Голубку» называют космополитом, ибо в ней счастливо сочетаются качества «европейки» (в частности, устойчивость к осыпанию) и сибирячки (зимостойкость).

Разумеется, главное достоинство сорта — урожайность. Так вот, в Горноалтайске с каждого куста «Голубки» собирают в среднем по 3,3 килограмма, а максимальный урожай превышает 11 килограммов.

Крупнейшего специалиста по смородине Надежду Ивановну Кравцову я застал как раз около кустов «Голубки».

— Почему назвали «Голубкой?» — переспрашивает она. — Посмотрите, ягоды с очень слабым налетом, сизые, кисти хорошо выполненные, удобные для сбора ягод. И вся она такая, что погладить хочется.

ЧЕЛОВЕК ПОМОГАЕТ ПРИРОДЕ: ИДЕТ ИСКУССТВЕННОЕ ОПЫЛЕНИЕ ЯГОДНИКОВ

Не столь уж простая задача — дать имя новому сорту. Надо знать и любить растение, любить и тонко чувствовать слово. У Кравцовой есть это счастливое сочетание. Искренним человеческим чувством проникнута ее большая статья-воспоминание о М. А. Лисавенко, она «семейный» поэт на станции. И эта поэтическая струнка помогает ей точно и образно найти то единственное определение, которое потом на вечно закрепится в паспорте «новорожденного».

Алтайская смородина широко культивируется в 45 областях Российской Федерации, в том числе на Урале, а также в Прибалтике, Белоруссии, Казахстане. Саженцы идут в Монголию, Венгрию, Болгарию, Данию.

Популярность алтайской смородины объясняется, помимо других достоинств, еще одним важным обстоятельством.

Садоводы Европы встревожены ростом вирусных заболеваний растений. Особенно опасна махровость цветков, от чего резко снижается урожайность кустов. Вирус движется с запада на восток и пока не найдено против него радикального противоядия. Генетический механизм алтайской смородины успешно противостоит модной инфекции. Она, как своеобразный зеленый барьер, отражает атаки и сама переходит в наступление, занимая позиции своих более изнеженных европейских родичей. По два—два с половиной миллиона саженцев смородины отправляется с Алтая по различным адресам.

У смородины есть свои враги и один из них — совка. Любопытны методы, которые взяла на свое вооружение Алтайская станция. Оговорюсь, правда, что здесь она идет проторенными путями. Но пути, как известно, тоже бывают разные. Важно сделать правильный выбор.

Довольно долго в нашей стране по сути дела господствовал лишь один путь борьбы с вредителями — с помощью химии. Вера в химию была настолько велика, что сильнодействующими препаратами обрабатывали громадные территории. Вредителей действительно уничтожали, но вместе с ними гибло все живое: птицы, звери, насекомые. Странное впечатление производит «обработанный» лес: непривычная, тревожащая, пугающая тишина царит в нем. Леспустыня.

В последнее время — это особенно было подчеркнуто на сессии Верховного Совета СССР, обсуждавшей вопрос об охране

и использовании природных богатств, — сделан акцент на усиленное внедрение биологических средств борьбы с вредителями. Химия не уходит в отставку — это значило бы впасть в другую крайность. Сочетание биологических, механических и химических средств — вот единственно верное решение проблемы.

Есть на станции необычный производственный цех-отдел, в нем выращивают трихограмму. В стеклянной пробирке едва заметна серая точка.

— Это и есть трихограмма, — поясняют сотрудники. — Знаете, она даже красивая.

Как-то трудно верится, что эту серую точку размером 0,3 миллиметра можно отнести к категории красавиц. Выручает микроскоп. 25-кратное увеличение чудесно преобразует трихограмму. У нее массивная, но хорошо сложенная головка, плотные крылышки.

В молевом отделении буквально полчища трихограмм. Их выпускают на волю, когда у вредителей начинается кладка яиц. Выбирают ясный тихий день, чтобы «де sant» опустился в точно намеченный квадрат и не был развеян ветром. На каждый гектар яблоневых и смородиновых плантаций необходимо 50—100 тысяч штук.

Трихограмма взрывает вредителей изнутри. Она откладывает свои яйца в яйца совок, питается их содержимым. Крошечное насекомое становится незаменимым помощником человека в борьбе с вредителями. При мне принесли телеграмму из Казани — садоводы просили барнаульских товарищей выслать в их адрес трихограмму.

Богат растительный мир Алтая, и в зеленом оркестре его не последнюю скрипку играет облепиха.

Облепиха растет целыми зарослями, особенно по берегам Катуня. Сибиряки издавна приготавливали из нее варенье, кисели, наливки. Хорошо были известны и ее целебные свойства: случится у костра обжечь руку, помажешь больное место соком ягоды, и рана быстро заживает. Исследователи отдавали дань признания облепихе, но дальше признания дело не шло, облепиха оставалась загадкой со многими неизвестными. В последние годы дикорастущий

кустарник привлек внимание ученых. Оказалось, что бледно-оранжевые ягоды содержат едва ли не весь алфавит витаминов, причем довольно редких. Скажем, отсутствие витамина Е ведет к дистрофии мышц, ненормальному усвоению жиров и другим аномалиям в человеческом организме. Так вот, по содержанию витамина Е облепиха среди всех плодовых и ягодных культур уступает первенство лишь морозке. Сто граммов плодов облепихи обеспечивают до половины и более суточной потребности человека. Непредельные жирные кислоты, линолевая и линоленовая, защищают клетки человека от раковых заболеваний. Наконец, для облепихи характерна высокая концентрация каротина и аскорбиновой кислоты.

Есть, наверное, особая мудрость природы в том, что она щедро одаряет витаминами дикорастущие растения Сибири и Севера. Не в пример югу, она лишена здесь возможности создавать причудливые формы, удивлять масштабами и, словно компенсируя все это, наделяет маленькие, часто незрелые плоды и ягоды огромной жизненной энергией. Природа, словом, действует по принципу: лучше меньше, да лучше.

Вначале алтайские селекционеры увлеклись сладкоплодными формами облепихи, как сырьем для консервной промышленности. Сейчас предпочтение отдается сортам с повышенной маслянистостью и содержанием каротина. Облепиховое масло обладает высокими профилактическими и лечебными свойствами. Оно применяется для лечения лучевых поражений кожи, язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки, колитов, гастритов, при обморожении, хорошо влияет на обмен веществ, улучшает аппетит, сон. В 1949 году в Бийске построен первый в мире витаминный завод, выпускающий облепиховое масло и витаминные препараты. В ближайшие годы будет построен еще один, который будет ежегодно перерабатывать 1500 тонн облепихи, 1000 тонн черноплодной рябины, 600 тонн черной смородины.

Заводам требуется сырье. Естественные заросли уже не могут удовлетворить их потребности. В последние годы созданы специализированные облепиховый лесхоз и совхоз «Сибирский». Закладываются новые плантации. Однако есть одно «но». В диком виде кустарник облепихи наделен шипами, имеет короткую плодоножку, что затрудняет и без того нелегкий сбор ягод. Сотруд-

ники станции, учитывая пожелания производителей, вывели новые сорта: Дар Катуня, Золотой початок, Новость Алтая и другие. Они почти без шипов, с удлинённой плодоножкой, имеют крупные плоды, повышенную сахаристость и маслянистость.

Увеличиваются плантации рябины черноплодной. Уроженка Канады, привезенная М. А. Лисавенко в 1936 году от Мичурина, она обрела на Алтае вторую родину. Таблетки из ее плодов богаты витамином Р, применяются при кровотечении. Ряд экспериментов, проведенных в клиниках края, доказал, что черноплодная рябина эффективно снижает высокое кровяное давление. Алтайское вино из черноплодной рябины, удостоенное государственного Знака качества, охотно покупают французы, слышущие во всем мире, как известно, тонкими знатоками вин.

Сейчас на станции ведутся большие исследования жимолости съедобной и калины. Видимо, и им в ближайшем будущем предстоит посвящение из дикого ягодника в культуру.

Почти любой труд в конечном счете можно свести к цифре — обобщающему показателю. Эти цифры в распоряжении экономиста Викентия Ивановича Харламова, и он охотно делится ими.

Сорок районированных алтайских сортов плодовых и ягодных культур, введение в культуру облепихи и рябины черноплодной, разработка системы агротехники для сибирских садов, около сорока миллионов саженцев, выращенных в питомниках, — таков краткий итог деятельности станции.

Под прямым ее воздействием произошел психологический сдвиг в отношении к садоводству, и этот сдвиг тоже можно проиллюстрировать цифрами. В 1920 году на громадной территории, от Урала до Сахалина, насчитывалось 300 гектаров садов, в 1970 году — 96,6 тысячи гектаров. На Алтае первый колхозный сад заложен в начале тридцатых годов. Сейчас его имеет каждое второе хозяйство края.

Станция связана тысячами нитей с многочисленным отрядом садоводов-любителей (любопытная деталь: каждый десятый

барнаулец — садовод). Она дает саженцы, консультирует начинающих. Но эта связь в то же время и обратная. Любители получают новые сорта, еще не полностью освоенные, они испытывают их в различных климатических и почвенных условиях страны и выносят свое заключение. Так расширяется — в широких масштабах — опытное поле станции. Станция не только учит, она учится сама, вбирает опыт тысячи и тысячи садоводов-любителей.

Мне настоятельно советовали съездить к одному из таких энтузиастов — Николаю Павловичу Смирнову, который живет на берегу Телецкого озера. С помощью друзей удалось забронировать место на служебном вертолете. Под стеклянным колпаком проплывают внизу горные вершины. Два часа лету, и впереди сверкнула длинная серебристая полоска воды.

Мы едем за солнцем. Оно где-то там, впереди. Правый берег озера ярко полыхает красками уходящей осени, лучится от радости, а левый, обделенный вниманием, обиженно притаился в глубокой и мрачной тени. Солнце настойчиво стремится прорваться к темной глади вод, но белоглавые горы не уступают ему в упрямстве. И тогда солнце делает прыжок. Один, другой... Заискрилось, заголубело Телецкое озеро!

Гордо стоят, охраняя его покой, могучие скалы-берега, словно былинные богатыри.

Струится синь воздуха, настоенного на аромате сосен, пихт, цветов.

Завораживающе тянет в свои глубины многометровая толща вод.

Телецкое озеро!

Ученые провели ряд изысканий с целью изучить целебные свойства алтайской тайги близ Телецкого. Все поддается точному измерению: состав воды, воздуха, колебания и постоянство температуры. Но как измерить состояние души, когда оказываешься в этих благодатных местах, сотканых из хрустальной воды и чистейшего воздуха, как и чем измерить красоту этого удивительного уголка земли? Ходишь и ахаешь от восторга: до чего же хороша матушка-природа!

Неделю назад быстрой походкой я спешил на работу по шумным улицам, не заме-

чая привычного уху трамвайного звона и скрежета тормозов, подписывал бумаги, важные и не очень, давал указания и выслушивал их, по вечерам спорил о новых книгах, кинофильмах, словом, жил в ритме, заданном большим современным городом. А сейчас вокруг тишина. Первозданная.

— Слышали, как по утрам кричат маралы? — спрашивает незаметно подошедший капитан небольшого теплохода, принадлежащего озерной исследовательской станции.

Мне не довелось испытать этого. Я опоздал на сутки. Накануне моего приезда начальник станции ушел в горы, на фотоохоту. Но поэтическая суть прозаического вопроса живо будит воображение.

Карабкаешься на самые пики гор. Там на каменных кручах живут маралы. Ждешь в скрадке часами, когда на поляну выйдет гордый зверь и, закинув голову, издаст трубный звук. Он дрожит, он полон нетерпения услышать ответный зов подруги. Он царствует в этом мире тайги и гор.

В южной части Телецкого маленький причал Чири — конечная цель нашего путешествия. Прибрежная тайга неожиданно расступается и глазам предстают белые террасы, бегущие по крутому склону.

Теплоход встречает бодрый на вид старик. Крепко пожимает руку, представляется: Смирнов. Взваливает на плечи чей-то рюкзак, рукой подхватывает мешок и приглашает зайти в дом.

— Семьдесят лет стукнуло, — в голосе капитана уважительные нотки.

В Чири рушатся устоявшиеся представления о саде — нет тебе ни тихих дорожек, ни укромных уголков. Крутизна такая, что скорее здесь ожидаешь увидеть трамплин для лыжников. А тем не менее сад вот он — перед глазами.

Много лет Николай Павлович Смирнов был наблюдателем водомерного поста Телецкой озерной станции. В течение десятилетий свободные от службы часы отдавал саду. Кто-то определил его труд как титанический. Можно употребить этот эпитет, можно подобрать более скромный — не в этом дело. Эпитеты, как вывеска, которая называется, но не показывает сам предмет или суть явления. А суть такова.

Не день, не два — годами Смирнов откалывал от скал большие глыбы. Нагревал их, что называется до белого каления, а потом поливал студеной озерной водой. От резкого перепада температур глыбы трескались. Процесс, известный еще древ-

ним строителям. Готовые плиты перетаскивал на руках и укладывал в гряды. Самая большая гряда, примерно, сто метров длиной, высотой около метра. И таких гряд несколько. И все это вручную! Поневолу призадумываешься в поисках точного определения.

Террасы выполняют двойную роль. Они прежде всего удерживают почву от смывания весенним паводком. Во-вторых, камни, как губка, впитывают горное солнце и отдают тепло растениям.

В Чире свой микроклимат. Горы ставят заслон холодным ветрам. И потому в смирновском саду растут не зимостойкие сибирские яблони, а европейские. Чувствуют они себя здесь отлично. Клонятся к земле отягощенные крупными плодами яблоневые ветви. Под деревьями стоят доверху наполненные корзинки со спелыми яблоками. Урожай богатый. Счет идет на центнеры. Хозяин радушно приглашает отведать яблоко. Оно сочное, сладкое, ни в чем не уступает своим собратьям, что возвращены крымским солнцем. Лежат на земле, созревая, еще не снятые с корня дыни.

Вечером теплоход отчаливает в обратный путь. Хозяин домика машет рукой. Руки у него, это сразу бросается в глаза, большие, натруженные. Струит вода за кормой, озеро сменило солнечной расцветки платье на вечернее, темно-бархатное, повисли над водной гладью крупные звезды, тишина спустилась с гор и думается в этой тишине глубоко, спокойно. Думы о человеческих руках, которые так много сделали и которым предстоит еще столько поработать на этой земле.

Память снова возвращает к Лисавенко. Днем раньше я был в Горноалтайске. Вече-

ром вышел на прогулку в сквер. В 1934 году на этом месте стояли вросшие в землю лавки — торговые ряды. Непролазная грязь была главной достопримечательностью торговой площади. Ранней весной Михаил Афанасьевич вывел на площадь отряд комсомольцев. Вонзились в землю лопаты, бережно усаживали в ямы березу, пихту, рябину. Саженцы были милые и беспомощные, как дети.

Почти сорок лет спустя я иду по тенистым аллеям. Задумчиво шелестят листвою могучие деревья, источают тонкий аромат увядающие цветы. Гуляют по скверу мамы с колясками, сидят на скамейках влюбленные. Разве столь уж важно, думают ли они в эту минуту, как я, о создателе этого тихого красивого уголка? Им душевно уютно, покойно в зеленом саду, и эта радость — лучшая память о человеке.

Мои мысли о коллективе плодово-ягодной станции, который тоже в значительной мере возвращен Лисавенко. Ушел человек из жизни, но живут его идеи, обретают плоть его планы. Алтайские сорта завоевали Сибирь, перешагнули Уральский хребет, а черная смородина пересекла пограничный рубеж. Это те «завоеватели», приход которых всегда радостен.

Когда человек прорвался в Космос, пошла гулять по свету песня, в которой была такая строчка: «И на Марсе будут яблони цвети». Бескрылый скептик запросто докажет, что этому не бывать в ближайшем обозримом будущем... Но не для него создана песня. Она о тех и для тех, которые верят в могущество разума и рук человеческих. А они, как видно, многое могут.

С. МЕ ШАВКИН

Почему так называли растения

Земляника, голубика, черника, подорожник, одуванчик... Их названия просты и всем понятны. Легко объяснить и другие названия. Так, растение назвали селезеночником потому, что его использовали для лечения селезенки, болиголовом потому, что долгое пребывание рядом с ним вызывает головную боль. Траву, названная чихотной, возбуждает

чихоту. Горечавка имеет горький вкус, медуница — медоносное растение. Растущий на огородах сорняк назвали ежовником, так как цветок его напоминает ежовые колючки. Ежовник зовут еще и петушьям просом: его семенами питаются куры.

Более сложными являются названия-метафоры, возникающие с помощью каких-то образных ас-

социаций. Так, на лесных опушках, дугах можно встретить крупные, яркие, будто горящие пламенем цветы — горчицвет. Белую водяную лилию назвали кувшинкой по форме ее цветка, а колокольчик — по форме венчика. А в некоторых местах Сухоложского, Верхотурского, Карпинского районов Свердловской области комнатное растение колокольчики зо-

звуют **невестой** за нежные, подобно подвенечному наряду, белые лепестки. Другое растение, листья которого выделяют прозрачные капельки, похожие на росу, называли **росянкой**. Росянка коварное растение. Оно «переваривает» насекомых, привлеченных росой, к которой они прилипают.

Лилию, или саранку, за длинные и волнистые стебли величают в одних местах **царскими**, в других — **королевскими кудрями**... А вот **мытник** — необыкновенно яркий, красный или розовый цветок был назван **царским скипетром**. Интересно, что **гвоздику-травянку** зовут еще **часиками**, потому что головка этого цветка поворачивается все время вслед за солнцем.

Лилии на Украине называют **гусками**. Насколько верен и поэтичен этот образ! Отражающиеся в воде цветы, действительно, очень похожи на плывущую стаю гусей.

Необычайную наблюдательность и образность народного взгляда на мир подтверждают и такие названия: **купава**, **вороний глаз**, **плакун-трава**... **Купава** родственна слову **купать**. Но где это может купаться всем нам известная лесная купавка? Ответ скорее всего следует искать в характере и особенности русского народного поэтического мышления. В былинах мы находим эпитет **купавый молодец** — значит чистый, как необходимое условие красоты хорошего молодца. За первозданную чистоту и нетронутую красоту и назвали лесной цветок купавой. Черные, неожиданно смотрящие на нас из травы ягоды и в самом деле напоминают глаз птицы. Однако название не первой попавшейся птицы с черными глазами было перенесено на растение, а именно ворона. Растение имеет неприятный вкус и запах, очень ядовито. Так ягоды, несущие смерть, и ворон приближаются в народном сознании.

А вот как проникновенно и поэтично сказал словолюб о **плакун-траве**. «Плакун-трава... Сколько печали и сколько чистоты в этом слове. Оно находит отклик и в сердце, и где-то в глубине подсознания, вызывая к жизни зримую цепь образных, чисто «русских» ассоциаций. Плакун-трава... Быть может, она росла под белыми стенами Путивля, где раздавался плач Ярославны? Или клонилась над безымянной могилой воина-славянина? Или цвела под замшелым плетнем глухого сельского пого-

ста? Всяк по-своему видит, всяк по-своему слышит»...

Богатой фантазией обладал тот человек, который впервые увидел в полевом цветке Ивана да Марью. В основе названия **Иванда-Марья** сказка о брате и сестре, которые, не ведая о своем родстве, полюбили друг друга и поженились, а чтобы никогда не разлучаться, превратились в полевой цветок. Темная часть цветка — Иван, светлая — Марья.

Нередко бывает, что причиной появления того или иного необычного названия были легенда, верование, предание...

На Севере известен комнатный цветок **декабрист**, красноватые бутоны которого распускаются полярной ночью. По рассказам старожилов, эти цветы, вдетые в петлицы, служили для декабристов чем-то вроде опознавательных знаков. Название **чертополох** возникло по суеверному представлению о чудодейственной силе травы, которой можно изгонять чертей, беев. Чертополохом окуривали коров, хлевы, им же «лечили» и людей во время припадков.

А помните, что рассказывается в гоголевской повести «Ночь накануне Ивана Купала»? «Завтра Ивана Купала. Одну только ночь в году и цветет папоротник... Глядь — краснеет маленькая цветочная почка и как будто движется... Двигается и становится все больше, больше и краснеет, как горячий уголь. Вспыхнула звездочка, что-то тихо затрещало, и цветок развернулся перед его очами, словно пламя, осветив и другие около себя...» Ныне известно, что **папоротник** никогда не цветет, однако в народе существовало поверье, что папоротник зацветает в ночь накануне Ивана Купала, и там, где он зацветет, спрятан клад. Название это возникло метафорическим путем. Древнерусский корень **папороть** первоначально имел значение крыло, перо: лист папоротника похож на крыло птицы.

Русское название **чистотел** возникло потому, что сок этого растения использовался для выведения бородавок, для лечения глазных болезней. А вот в Греции это же растение называли **ласточкой**, так как было поверье, что ласточки собирали его сок, чтобы вернуть зрение слепым детям.

Удивительная и даже курьезная история произошла с известным комнатным цветком **бегония**. После того как французские

захватчики суровой зимой в 1812 году с позором бежали из Москвы, в народе цветки стали называть **ухом Наполеона**. Красные листья бегонии и в самом деле похожи на обмороженное ухо.

А почему траву назвали **сурепкой**? Образовано оно от диалектного **сурепый**, которое, в свою очередь, является фонетическим изменением общеславянского **сви-репый**. Но при чем здесь свирепость? Ведь травка-то совсем безобидная? Оказывается, в древнерусском языке слово **сви-репый** имело не только значения **дикий, злой, страстный**, но и **дикорастущий, сорный**. В древности свирепицей называли дикий горох.

Древними являлись и названия **лопух** и **крапива**, первоначальный смысл которых ныне уже забыт. Ближайшее этимологическое значение слова **лопух** — растения с широкими листьями — можно узнать при сравнении его с родственным по происхождению литовским словом **лапас** — лист. Ну а каковы его истоки? Найти их поможет другое родственное слово — **лапа**. Лопуший лист чем-то напоминает лапу, поэтому и произошел метафорический перенос. Кстати, от лапа произошло и слово **лопата**. Таким образом, **лопух, лапа, заплата, лапоть, лопата** восходят к одному корню, исходное понятие которого, по-видимому, — **плоский предмет, гладкая поверхность, лоскут**.

А вот в слове **крапива** обнаруживаем фонетический вариант древнего корня **круп** (древнерусское **крупива**). Этот же корень и в глаголе **крупить**. Что означал он раньше? Ответ подсказывают сербохорватское **круп**, польское **укруп**, русское диалектное **окруп** в значении... **кипяток**. Видимо, этот корень использован для названия растения потому, что крапива обжигает подобно кипятку, а может быть, потому, что крапиву, предварительно обварив ее кипятком, использовали в качестве корма скоту.

Одни и те же растения в разных районах и даже в разных деревнях зовут по-разному. И летом, отправляясь в походы, следопыты могут составить собственный словарь местных названий растений, животных, рыб, природных явлений, среди которых наверняка окажутся и такие, которые не зафиксированы ни одним словарем.

На перекрестках судеб

ПОСАЖЕННЫЕ вдоль улиц яблони ночью распустились. Розовато-белые цветы густо усыпали черные, словно обугленные, ветви. В цветах уже засуетились бог весть откуда прилетевшие пчелы.

Двадцатидвухлетний командир роты автоматчиков 63-й Челябинской танковой бригады Витольд Езерский на миг забыл про войну, про эсэсовцев, которые отчаянно дрались за Бабельсдорф, пригород Берлина. Но вот шальная пуля чиркнула по фасаду здания, мелкие осколки кирпича попали в лейтенанта, вернув его в действительный мир.

Езерский заскочил за угол. Возле догоравшего неподалеку коттеджа фырчала «тридцатьчетверка». Из башни показалась голова командира танковой роты Николая Крюкова. Николай что-то прокричал Езерскому. Тот обернулся и увидел двух перебежавших дорогу девушек.

Это были наши русские девушки, увезенные фашистами в Германию. Одна из них, Тамара Прусаченко, сообщила Езерскому, что неподалеку, за леском, расположен немецкий госпиталь и там, в отдельном флигеле, эсэсовцы стерегут человека по имени Эдуард Эррио. И вместе с ним — его жена.

— Это же прогрессивный политический деятель Франции! — сказал Езерский подошедшему Крюкову. — Эсэсовцы могут уничтожить его в любую минуту!

...Грязно-желтые постройки госпиталя начинались почти от самого сосняка.

— Вон в том домике, — показала Тамара.

Навстречу им торопливо семенил грузный немец в белом халате. Заметно волнуясь, он доложил: — Начальник госпиталя полковник Дитрих. На излечении находятся...

— Спроси, нет ли у них оружия, — обернулся Езерский к Тамаре. Опасения его не были напрасными: только утром, во время осмотра другого госпиталя, какой-то фанатик прямо с койки пальнул в комбата майора Старостина. Хорошо, что промазал.

Врач жестом пригласил следовать за собой. В кабинете он открыл шкаф, где лежало штук тридцать пистолетов разных систем.

— Заберите, — приказал лейтенант сопровождавшим его автоматчикам и добавил: — Ждите меня на улице.

Езерский вошел в длинное помещение, где на двухъярусных нарах лежали раненые.

Множество глаз со страхом и ожиданием смотрели на советского офицера.

— Скажи, пусть не волнуются. И порядок соблюдают. Пойдемте отсюда, — Езерский кивнул Тамаре и все зашагали к выходу.

Приблизившись к настороженно молчавшему одинокому дому.

Как позднее выяснилось, охрана дома разбежалась, едва наши бойцы вступили на территорию госпиталя.

Езерский вошел первым. Посреди оклеенной темными обоями мрачной и неприглядной комнаты

стоял высокий седовласый мужчина. Лицо его заросло седой щетиной, поношенный костюм мешковато висел на широких костистых плечах.

Рядом, судорожно ухватившись за его руку, — маленькая, очень худая женщина в длинном пальто с рыжей лисой. Она смотрела на вошедших широко раскрытыми глазами, и слезы катились по ее старческим щекам.

— Господин Эррио?

— Я, — ответил мужчина по-немецки.

Перед Езерским стоял человек, с именем которого связывается официальное признание Францией Советского Союза в 1924 году. Бывший председатель кабинета министров и палаты депутатов Национального собрания Франции.

— От имени советских воинов-танкистов объявляю вам, что вы свободны! — торжественно произнес Езерский.

Эррио заговорил так быстро, что Тамара едва успевала переводить:

— Я всегда верил, что именно Красная Армия освободит меня. Благодарю вас всех! — Достав блокнот, он записал фамилию Езерского и номер полевой почты. — После войны приглашаю вас, господин лейтенант, к себе в Лион. Вы будете самым желанным гостем.

Четверть века Эдуард Эррио был мэром этого города.

— Спасибо, — вежливо кивнул Езерский.

Эррио надел куртку, замотал шею шарфом, помог жене собраться и, взяв небольшой саквояж, сказал:

— Мы готовы.

Эррио и его супруга горячо распрощались с лейтенантом, сели в «мерседес». Взревел мотор. Эррио снял шапку и махал ею до тех пор, пока машина не исчезла за поворотом.

— Ну, вот и все. Пошли воевать дальше, — сказал Езерский своему старшине.

Вечером, когда горячка боя немного схлынула, узнал Витольд от комбата, что ровно сутки назад из Берлина в госпиталь приезжали гестаповцы. Начальник госпиталя, сославшись на приказ Гиммлера, не отдал Эррио без письменного распоряжения, заявив, что не ручается за здоровье больных супругов. Видимо, гестаповцы поехали докладывать обстановку своему начальству. А тем временем подоспели уральские танки.

Осенью сорок пятого старший лейтенант Езерский получил конверт с иностранным адресом. Эррио благодарил за освобождение и рассказал, как его приняли в Москве, снова приглашал в Лион.

По сей день преподаватель одного из военных училищ подполковник Езерский хранит самые теплые воспоминания об Эдуарде Эррио, лауреате Международной премии мира 1955 года, одном из тех общественных деятелей Франции, которые всегда были друзьями нашей страны.

И. СЕМЕНЧИК

ЧТО РАНЬШЕ~ ЗЕМЛЯ ИЛИ ВОДА?

- Вначале был материк... Так?
— Ну, конечно. Ведь материки старше, чем дно океана. Чуть не четыре миллиарда лет назад всплыли среди сплошной океанической коры первые гранитные ядра будущих континентов.
— Простите... Среди океанической? Но тогда выходит: океаны были раньше!
— Ну да! Океан, разумеется, был и раньше, только другой. Вода стала поступать на поверхность Земли вскоре после рождения планеты — из первых вулканов.
— Вулканов?.. Значит, они были раньше. То есть сначала была все-таки суша?
— Ясно — суша. Об этом и речь.

Этот разговор я завел с геологом, товарищем по специальной геологической экскурсии на Курилы. Мы с ним были на Горячем пляже, из-под черного песка которого текли струи... кипятка.

Мы нашли там выложенную булыжником ванну с теплой водой. Искупались. Удивительное ощущение...

В этой странной, пахучей, кислой жидкости, в составе которой несколько процентов первичной, ювенильной воды, воды, обогащенной тяжелым изотопом кислорода, впервые попавшей на дневной свет, мы и выкупались. Первые капли этой самой воды, выжатые из уплотняющихся, расслаивающихся недр молодой земли, дали больше четырех миллиардов лет назад начало голубому зеркалу планеты.

Там, на грани двух царств, Нептуна и Вулкана, разговорились мы об извечном союзе и противоборстве этих двух великих, основных географических и геологических стихий. Вспомнилось там и о древнем споре приверженцев этих царств в мире ученых, которых так и звали — «нептунисты» и «вулканисты», споре, отголоски которого и сейчас еще живы...

Пролог в Веймаре

Средний этап генезиса мира мы видим довольно ясно и в какой-то мере воспринимаем его, однако начало и конец, одно, заключенное в гранит, другое — в базальт, вечно останутся для нас проблематичными.

И. В. Гете

Да, Гете, великий поэт, виднейший биолог, неудачливый физик, один из первых метеорологов, был и геологом. И геологом проницательным. Иначе он не мог бы столь четко, на века вперед, сформулировать главную заботу геологии. Проблема гранита, соотношение этой породы с другой самой распространенной породой земной коры — базальтом, — как запутан этот узел и какое множество нитей к другим наукам о Земле идет из этого клубка!

Вглядываясь в мир растений, Гете заметил, что природе претят излишества в способах построения самых сложных органов, что все самое сложное и самое причудливое можно вывести генетически из более простого. Например, самые красивые и фантастические лепестки цветов — это всего лишь видоизмененные листья тех же растений.

В мире животных его внимание привлекает давно уже подмеченное сходство «общего плана» построения скелета всех позвоночных. Он видел в этом сходстве нечто большее, чем «величие и простоту первоначального замысла» — не какую-то абстрактную целесообразность, а следствие и истоки.

«В будущем не будут утверждать, — писал он, — что быку даны рога, чтобы бодался, а будут исследовать, как мог он получить рога для бодания».

«Генетический принцип рассмотрения» Гете взял на вооружение и не расставался с ним никогда. Близко ли подходил он к эволюционному принципу Дарвина? Близко. Ф. Шиллер писал Гете 23 августа 1794 года: «От простейшей организации восходите вы шаг за шагом к более сложной, чтобы в конце концов сложнейшую из них, человека, генетически вывести из материалов всего здания природы». В 1796 году Гете писал Шиллеру: «Я считаю, что если правильно схватываешь самый принцип непрерывности и легко умеешь им пользоваться, то ничего больше не требуется ни для открытий, ни для трактовки органической природы».

Можно понять излишний оптимизм Гете. Но одной только идеи непрерывного развития было мало. Решительное поражение он потерпел, когда попытался создать новое учение о цвете на основе идеи о «развитии» белого цвета в черный, света в несвет через краски радуги.

Не все ладилось и в минералогии... Впрочем, об этом — после. Сейчас важно подчеркнуть, что именно идея постепенного развития определила пристрастия Гете в начавшейся перепалке между двумя основными направлениями геологии на рубеже XVIII и XIX столетий — «нептунизма» и «вулканизма». Гете стал нептунистом.

Старый спор

Вначале была вода. Это воззрение восходит еще к древнегреческой философии. Фалес выводил всю живую и неживую материю из моря. Горы и доли — результат длительного, постепенного действия воды. Полутора столетиями позже жил на земле эллинов другой философ — Анаксагор. В его воззрениях царили огонь, взрывы и катастрофы. В огне у него рождался мир звезд и планет, дыханием огня произведены на свет земля, ее горы, даже вода.

От мыслей и трудов этих мудрецов осталось немного, и не стоило бы обращаться к столь седой древности, если бы Гете не столкнулся с этими жившими в разное время людей во второй части своего «Фауста». Спор Фалеса и Анаксагора довольно точно передает современные Гете распри нептуниста А. Г. Вернера и вулканистов Дж. Геттона и А. Гумбольдта.

Анаксагор: Какие доводы представить,
Чтоб взгляд превратный твой
исправить?

Фалес: Послушна ветерку волна,
Но прочь бежит от валуна.

Анаксагор: След извержений — гор зигзаги.

Фалес: Вся жизнь проистекла из влаги...

Анаксагор: Фалес, ты б за ночь мог из тины
Такие взгромоздить вершины?

Фалес: Природы превращенья шире,
Чем смена дня и ночи в мире,
Во все большем есть
постепенность,

А не внезапность, не
мгновенность.

Анаксагор: Но здесь внезапный был толчок.
Плутон внутри огонь зажег,
Равнину газами Эол
Взорвал, и холм произошел.

Да, Гете были неприятны шум и треск, происходившие от воззрений тогдашних вулканистов. (Кстати, во взглядах М. В. Ломоносова, тоже явно «вулканиста», этого шума и треска не было). Правильное напластование земных слоев, остатки морских ракушек и рыб в горных породах, виденный Гете воочию процесс отложения минералов из целебных источников теплых глубинных вод в Карлсбаде — все наводило на мысль об огромной роли воды в геологическом прошлом. А постепенность, мягкость воздействия воды как нельзя лучше соответствовали эволюционистским взглядам Гете.

Правда, у нептунизма были крайности. Вернер считал все породы, даже гранит и базальт, выпавшими из раствора. Вулканизм он считал явлением частным, результатом случайных пожаров подземных залежей углей. Но вот что интересно: именно этих воззрений своего сверстника и соратника Гете не разделял.

В известной своей статье о Каммерберге — древнем потухшем вулкане — Гете очень осторожно лавирует между нептунистскими и вулканистскими взглядами, как о само собой разумеющемся говорит о скалах, сложенных «породами вулканического происхождения вроде базальта». Тут — явная «измена» своим взглядам. И в споре Фалеса с Анаксагором он не держит ничьей стороны. Гете смеется над обоими. Ему вообще не нравятся схоластические споры.

«Говорят, что посредине между двумя противоположными мнениями лежит истина, — писал он. — Никким образом. Между ними лежит проблема...»

Какие же проблемы лежали между крайними точками зрения тогдашних геологов? Одна сформулирована в том же «Фаусте» устами Мефистофеля:

Фауст: ...И чтоб росли, цвели природы чада,

Переворотов глупых ей не надо.

Мефистофель: Ну да, еще бы.

Это ясно вам.

Но я, который был при этом сам,
Скажу другое: в глубине, пылая,
Сверкал огонь и страшный грохот был;
Молоха молот, скалы разбивая,
Утесы на утесы громоздил.

Поньне тьма каменье стоподовых

Валяется: кем брошены они?

Молчит философ, что ни сочини —

Нет объяснений этому толковых.

Речь идет о гранитных валунах, рассыпанных на равнинах Европы, издавна поражавших воображение наблюдательных людей. Вулканисты видели в них ясное подтверждение своих воззрений. Они считали, что горы, подобные Альпам, выросли в одну ночь. Гете, нептунист и «постепеновец», высмеивал эти фантастические построения. Но величайшая геологическая, географическая проблема есть, она поставлена устами Мефистофеля. Как же решил ее Гете? Помог ли ему его генетический метод? Да, и самым поразительным образом! Он считал, что валуны принесены частью альпийскими ледниками, а частью — плавающими льдами моря, покрывавшего Европу прежде. Но «для большого льда требуется большой холод. Я предполагаю, что

по крайней мере над Европой существовала эпоха большого холода». Эпоха большого холода — ледниковый период! Да, для своего времени это было блестящее достижение. В решении этой проблемы Гете оказался на голову выше вулканистов.

Крайнее отвращение Гете к скачкам и катастрофам сослужило ему не столь добрую службу. Когда Гете был в Италии, он специально посетил знаменитый среди натуралистов древнеримский храм Сераписа в местечке Поццуоли на берегу Неаполитанского залива. Колонны храма на 6 метров изъедены морскими ракушками — дорадами. Вулканисты, обратившие внимание на соседство с Поццуоли грозного Везувия, считали, что под действием подземных сил почва здесь колебательно опускается и поднимается. Другие ученые думали, что колеблется уровень Средиземного моря. Гете оба решения показались слишком «катастрофическими». Он выдвинул оригинальное, но абсолютно неверное решение загадки Поццуоли, решив, что вокруг колонн был пруд с солоноватой водой, который потом исчез. Однако в два последующих века храм опять опустился в воды залива. Причем, совсем недавно, в 1970 году, близ Поццуоли из воды выделялись вулканические газы, земля дрожала и колебалась, храм опять начал подниматься. Вулканисты были правы...

А в целом первый спор вулканистов и непунистов закончился вничью. И те, и другие оказались в чем-то правы, в чем-то — нет. Минералы Земли, ее руды образовались и путем выпадения из водных растворов, и вулканическим, и другими способами. В одном только непунизм отступил: уже в середине XIX века никто не думал о том, что универсальный растворитель — это первичный океан. Роль такого раствора взяли на себя глубинные воды. В этом смысле точки зрения вчерашних противников — вулканистов и непунистов — сблизились.

Но из первого спора вырос второй — спор вулканистов и непунистов породил проблему гранита.

Граниты и граниты

Этот вид камня встречается на вершинах и в глубине гор, знакомство с ним показывает, что на нашей земле он — основная опора, на которой образованы все другие горы.

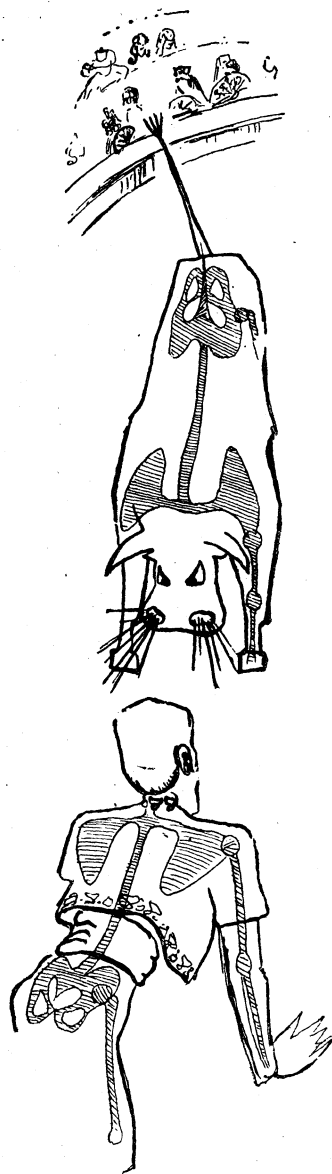
И. В. Гете. О граните.

Могучий ум смутился перед загадкой гранита. Нептунист откровенно признал: «Нельзя установить его происхождение как от огня, так и из воды». Двойственная природа гранита путает карты любителей быстрых решений вот уже двести лет, и эта двойственность была подмечена Гете.

Гете догадывался: гранитный фундамент земной коры — это нечто вроде ее скелета, и, значит, в нем — истоки и отгадка происхождения гор, материков и морей. А. Гумбольдт и Дж. Геттон провозгласили пирогенез — огненное происхождение гранитов. Довольно скоро сформировалась школа противников этого учения, наследников исчезнувшего непунизма, — метаморфистов. Так начался второй великий спор геологов.

То ли в шутку, то ли всерьез один из парижан писал, что «лучший способ изучения гранитов заключается в обследовании тротуаров в очень дождливый день... Свежий излом нигде не виден столь ясно и столь отчетливо, как на тротуарных плитах, отполированных ступающими по ним ногами, особенно если эти плиты мокрые».

Что же увидели французские ученые-неонептунисты, прогуливаясь по тротуарам Парижа? Гранит плиток был необычным. Он включал в себя, например, окатанные гальки кварца, очень часто переходил в полосатую слоистую, но гранитного состава породу — гнейс. При обследовании каменоломен оказалось: гранит рабски копирует текстуру вмещающих толщ осадочного происхождения — глинистых сланцев, откладывавшихся сотни миллионов лет назад на дне давно исчезнувшего озера. Выходило, гранит мог образовываться почти по-нептунистски: путем медленного, постепенного (как поразился бы Гете!) замещения атомов ионами «гранитных соков», или «эманаций», «флюи-

дов» земных недр. Но магматисты — так называли себя теперь наследники вулканистов — не сдавались, они указывали на гигантские внедрения этой породы, гранит часто явно «тек», проникал в узкие трещины или грубо обламывал и заключал в себя куски стенок тех же вмещающих пород.

В середине прошлого века этот накалившийся было конфликт внезапно утих, когда немецкий геолог Ф. Шерер указал разгорячившимся противникам, что само противопоставление магмы и горячих соков земных недр — термальных растворов — нелепо. В природе нет резкой границы между этими двумя жидкостями. В магме всегда есть вода — и немало. Этим-то она, в сущности, отличается от лавы простого расплава. «Весь гранит в определенное время существовал в виде водяной пасты или влажной магмы», говорил Шерер, и удивленным соперникам на время показалось, что спорить не о чем.

Прозрение Ф. Шерера поразительно. До сих пор есть еще «горячие головы», пытающиеся противопоставить раствор и расплав.

Время от времени кто-нибудь (не знающий, что все это в истории геологии давно уже обсуждалось и опровергнуто) обращает, например, внимание: как же так, кварц застывает при температуре 1720 градусов, значит, его кристаллы должны появляться из расплава первыми, вторыми — кристаллы полевого шпата, и лишь последними — теснимые и угнетенные кристаллы слюды. В граните — все наоборот. Плитки слюды располагаются с удобством, а кварцу часто настолько негде кристаллизоваться, что он теснится в узких оставшихся промежутках, не в силах принять своей законной формы — красивых шестигранных столбиков. Значит, следует немедленный вывод — гранит выпадал из растворов. (Имеется, конечно, в виду водный раствор). Вот почему и теперь еще можно слышать о «гидротермальном происхождении» гранита.

Недавние эксперименты показали: гранитная каша, паста, может течь в присутствии воды под давлением 4000 бар при температуре 650 градусов. Такая магма даже не светится! Она — и раствор, и расплав одновременно, что раз навсегда принимает гидротермистов и магматистов. В природе, говорил американский ученый Рид, есть «граниты и граниты». Горячая паста-магма — мастер на все руки. Она может внедриться в растянутые, ослабленные участки земной коры и образовать мощный сплошной массив — батолит, плутон, как называют его геологи, а может более подвижными своими составными частями медленно просачиваться в осадочные слои, пропитывать и постепенно «гранитизировать» их. Конечно, нужно уметь отделять «граниты от гранитов» — и из вполне практических соображений. В зависимости от способа проникновения гранита в кору, его сопровождают разные руды, разные полезные ископаемые. Совсем недавно, например, выяснилось, что в Забайкалье золото идет из глубоких недр Земли вместе с вулканическими и магматическими продуктами, но собираться в месторождения — во всяком случае, в некоторые виды месторождений — оно любит в «недогранитизированных» осадочных породах.

Спор метаморфистов и магматистов закончился, можно сказать, только что. Произошло то, что предвидел Гете:

«Как низвергают королей,
Развенчан будет и гранит...»

Но проблема гранита на этом не решена. Спор — и еще более яростный — продолжается вокруг главного первоначального источника гранитной магмы. Это спор о первичности гранитного (кислого)

и базальтового (основного) вулканизма, о первичности континентального (в основном гранитного) и океанического (базальтового) типов земной коры. Он, этот спор, самым неожиданным и чудесным образом вновь поворачивает к своим истокам, к первоначальному спору нептунистов, объявлявших, что вначале был океан, а континенты постепенно появлялись из его лучин, и вулканистов, считавших океан вторичным явлением на твердой земле. Как писал видный советский геолог П. Кропоткин, «Проблема происхождения гранитной и базальтовой магмы оказывается... проблемой происхождения материков».

Вначале был океан

В глубочайших недрах Земли коится он (гранит) непоколебимо, его высокие хребты поднимаются ввысь, и вершины их никогда не охватывали все охватывающие воды.

И. В. Гете

Итак, нептунист Гете сделал для гранита исключение: все охватывающие воды не охватывали гранитных вершин. Если развить эту мысль так, как это присуще современным геологам, то можно сказать, что в безбрежном «всеохватывающем» первичном океане непоколебимо торчали лишь гранитные острова, ядра будущих континентов, которые потом стали разрастаться, присоединяя к себе все новые участки суши. До чего же это близко к самым распространенным современным воззрениям на историю взаимоотношений океанов и материков.

Гете — сын своего времени, и он развивает свою мысль вовсе не так.

«Сидя на высокой (гранитной) скале и взирая на широкие дали, я могу сказать (себе): здесь пребываешь ты непосредственно на основе, простирающейся в глубочайшие места Земли, никакие более новые слои, никакие более новые скопления стекшихся обломков не залегли между тобой и крепкой основой первичного мира». Сейчас мы знаем, что гранит почти везде подстелен такими слоями — базальтовым слоем коры, астеносферой — пластичным слоем верхней мантии и прочая и прочая. И самое происхождение гранитной магмы из подкорковых глубин — под сомнением.

Но снисходительно поправив Гете, мы вдруг замечаем, что сами оказываемся в заколдованном круге противоречий. Если первичная основа мира не гранит, а базальт и если вначале был океан, а не континент, то как объяснить данные морских геологов и геофизиков, утверждающих, что дно современных океанов, там, где его удалось пробурить и измерить его возраст, — почти сплошь молодое. Оно очень мало покрыто осадками, берега океана часто срезают континентальные структуры, обрывая их внезапно ровными подводными однообразно-базальтовыми равнинами. Как объяснить тот факт, что в гранитных ядрах древних континентов — в Канаде, Карелии, Африке — геохронологи обнаружили самые древние породы планеты, почти равные ей по возрасту — около 4 миллиардов лет, а в базальтовой основе океана ничего древнее мела — юры (100—120 млн. лет) пока не обнаружили?

И мы оказываемся в еще более затруднительном положении, чем Гете, который сидел когда-то

на вершине Гарца, на месте действия «Вальпургиевой ночи», размышлял о граните — первооснове мира и безусловно пытался вывести из этой первоосновы генетические ряды всех горных пород Земли. Но даже и этому, на современный взгляд, странному ходу мыслей можно найти аналогию в нынешних геологических теориях. Некоторые советские геологи придерживаются концепции океанизации, базификации континентальной земной коры, превращения гранитов в более основные породы типа базальтов. Это, по их мнению, происходит в зонах островных дуг, типа Курильской, на границе континент — океан. Но результаты этого превращения вовсе не те, что были у старых непутистов. Не рост континентов, а их отступление, деградация. Все новые и новые куски континентов, разъедаемые снизу горячим дыханием мантии, становятся тоньше, теряют гранитный слой и наконец полностью превращаются в молодой базальт — ложе океана. И будущее планеты, правда очень отдаленное, становится ясным — сплошной океан...

Все, вроде бы, становится на место. Понятно, почему дно океанов моложе, чем континенты. Почему Атлантика и Индийский океан глубоко обрывают края континентальных глыб, а в Тихом океане гранитный слой континентов исчезает постепенно в пределах прибрежных морей и островных дуг — здесь процессы «съедания» гранитов идут медленно. Если же продолжить эти процессы в прошлое, то окажется, что планета была когда-то покрыта сплошной континентальной корой...

И вот тут-то гипотеза океанизации попадает под удар: сплошной гранитной коры на молодой земле быть не могло — она не успела бы выделиться из мантии земли.

Сейчас, несмотря на все свои привлекательные стороны, гипотеза океанизации теряет последних сторонников.

«Это невозможно по физико-химическим данным», — говорит академик А. П. Виноградов. И действительно, трудно представить себе погружение огромных блоков легкого гранитного слоя в тяжелые породы океанского дна. Зато обратный процесс — выплавление и «всплывание» легких шлаков кислых континентальных пород из тяжелых основных, гораздо правдоподобней, и к нему все чаще обращаются ученые.

И вот сейчас основной, опорный строительный материал для геолога, первооснова мира — это мантия земли. От ультраосновных пород мантии современный «геогност» строит генетический ряд, основанный на химическом составе, постепенный переход к гранитам через базальты, андезиты, дациты...

Все эти вулканические породы состоят из одних и тех же химических «кирпичей», но только каждый следующий член этого ряда все кислее, то есть содержит больше кремнекислоты — кварца, и все легче, беднее тяжелыми металлами — железом, титаном, магнием, кальцием.

«Стоп! — скажет читатель. — Речь идет о вулканических породах. А разве гранит — вулканическая порода? И, подобно непутисту старых времен, нападающему на вулканиста, добавит: «Покажите нам вулкан, из которого изливался бы жидкий гранит».

Да, такого вулкана нет. Нет гранитной лавы по той причине, что водно-гранитная каша — магма — остается жидкой, пока разжижающая ее вода удерживается в ней большим давлением земных недр. Как только это давление упадет при подходе к земной поверхности, гранитная магма бурно вскипит, потеряет воду и либо загвердеет, либо, если поток

тепла высок, изольется из вулканов в виде кислых лав, иногда — вулканических стекол, копирующих гранит по химическому составу, но не кристаллизующихся при остывании, как гранит. Именно этим объясняется загадочная «боязнь» гранитных плутонов приблизиться к земной поверхности больше чем на несколько километров. Там же, где гранитные породы нынче обнажаются на поверхности, они наверняка обнажены истирающим действием эрозии.

Итак, основной генетический ряд геологии построен. Это дифференциация, разделение вещества мантии по плотности, выплавление все более легких пород вплоть до гранита. А попутно во всем многообразии проявляется вулканическая, осадочная, органическая и гидротермальная деятельность — выплавление, кристаллизация, испарение, осаждение — построение всего окружающего нас мира минералов, облаков, животных, растений. То, к чему стремился Гете. Только опорный материал — не гранит, а скорее — его антипод базальт, гораздо более близкий первичному «субстрату» — начинке земного шара. Но основной результат очень похож на тот, что виделся Гете, — рост континентов из безбрежного океана...

Правда, остается еще неясным вопрос о молодости базальтового дна нынешних океанов. Но и он разрешим: дно океана непрерывно обновляется, движется от срединных океанических хребтов, где оно зарождается, и тонет, не успев достаточно постареть, заворачивает в глубь Земли в районе островных дуг, например, к востоку от Курил.

Эта «драма идей» еще далека от развязки, и жаль, что современные искусство и наука ушли друг от друга настолько, что трудно ожидать воплощения этой драмы в некоем новом «Фаусте». Теряет от этого не только поэзия, искусство, теряет наука, ибо, как говорил в 1931 году, в сотую годовщину смерти Гете, физик Гейзенберг: «Каждое истинно великое поэтическое произведение способствует действительному пониманию тех областей мира, которыми иным путем понять очень трудно».

Но еще раньше — вулкан

Теплоход «Приамурье» вез геологическую экскурсию с Курил на Сахалин и далее — во Владивосток. В Охотском море нас захватил шторм. Он был короткий и устрашающе живописный. Почему-то никого не укачало. Полевики толпились на палубе, отдавая дань уважения чуждой им стихии. Первооткрыватель якутских алмазов читал небольшой кучке любителей Маяковского и Есенина. А по другому борту спорили о геологии. Там я и встретил вдруг... вулканиста! Самого настоящего вулканиста, который все сущее, вплоть до океана, до жизни на земле, а значит и до нас с ним, выводил из вулканической деятельности. Он не был похож на призрак далекого прошлого и на нечистую силу из «Вальпургиевой ночи» и к самому непутисту Гете относился с глубоким уважением. Он, Евгений Константинович Мархинин, живет на Сахалине. А место его работы — вулканы Курило-Камчатской цепочки, та самая зона перехода от континента к Тихому океану, где один вид коры переходит в другой.

Лишь на первый взгляд точка зрения Мархинина кажется крайней. При внимательном рассмотрении «неовулканизм» оказывается достаточно широкой гипотезой, способной вместить в себя лучшее из достижений геологии.

Вначале были вулканы... Как и нынче, они изли-

вали лаву, извергали газы и пепел. Все это происходило на юной Земле, только что подернувшейся молодой корочкой почти того же состава, что и выплавившая ее мантия. Океана не было просто потому, что еще не было жидкой воды. А океанический, однослойный тип коры уже был.

Газы, извергаемые вулканами, образовали вторичную атмосферу Земли, состоящую в основном из азота, углекислого газа и водяного пара, пришедшего на смену первичной догеологической метандроаммиачной атмосфере. На остывшей коре появились зачатки будущего океана, собирающие в себе ювенильную, глубинную воду, выведенную вулканами из мантии.

Вулканы изливали лаву, пепел — наращивали вокруг себя толщу коры. Магма проходила все более запутанным и долгим путем и стала успевать по дороге расслаиваться, дифференцироваться. Так появились в составе коры базальты, затем андезиты, дациты и, наконец, граниты, которые многократно переплавлялись и, путешествуя в виде магм, пропитывая окружающие породы своим влажно-горячим дыханием, меняя их по своему образу и подобию, начали накапливаться, ибо дальше дифференцироваться им было некуда. Так появились первые гранитные ядра будущих континентов. Так работает этот автоматический механизм и по сей день: там, где кора начала «толстеть», она будет разрастаться уже неудержимо.

На территории Монголии и Казахстана ученые прослеживают погребенные в земле остатки древних островных дуг почти исчезнувшего океана Тетис. (Его остатки — Средиземное, Черное, Каспийское моря.) Как и современный Тихий океан, Тетис был украшен гирляндами вулканических островов, и это определило его печальную судьбу.

По еще неясным причинам геосинклиналь¹, состоящая из островной дуги и окраинного моря, возникает у края континента, чтобы нарастить этот континент новым владением. Вулканическая дуга извергает миллионы кубических километров породы, причем можно проследить, как по мере утолщения коры и старения дуги все более кислыми становятся вулканические продукты и как, наконец, в ней появляются признаки «гранитизации». Окраинное море, типа нынешнего Охотского, заполняется осадками, конечная судьба которых предreshена: они тоже будут пропитаны когда-нибудь гранитизирующими потоками земных недр. Потом вся геосинклиналь в целом присоединяется окончательно к континенту, причем очень часто вчерашнее окраинное море вздымает накопленные морские осадки в виде горных хребтов. Вслед за присоединением новых владений континент стремится «обсушить» их — поднять ближе к солнцу.

Дальневосточные геологи проследили по берегам Японского, Охотского и Берингова морей кулисы вчерашних островных дуг, уже присоединенных к континенту. Как годовые кольца, древние геосинклинали отмечают рост азиатского континента в сторону Тихого океана. Да и нынешние островные дуги — не одного возраста.

Таинственным и не совсем понятным образом связан геосинклинальный способ разрастания континентов с их дрейфом, перемещением по лику Земли. В молодых Атлантике и Индийском океане почти нет островных дуг — эти океаны раздвигаются подобно пневматическим дверям метро. Древний Тихий океан не только «зарастает» континентами, он, видимо, еще сужается и в результате приближения Америки к Азии и Австралии. Случайно ли обе беды свалились на один океан? Видимо, нет, ибо точно так же закрывался в свое время и Тетис, стиснутый с одной стороны разросшимися геосинклиналами Азии и Европы, а с другой — наплыванием с юга «дредноутов» Африки и Индии. Но истинная природа этой связи неясна.

Но вернемся к неовулканистам, которые все вещества земной коры выводят из мантии через жерла вулканов и подтверждают свои выводы убедительными цифрами соответствующих измерений. Дальше выброшенный вулканический материал лишь переотлагается, вступает в реакцию, изменяется под действием воды, воздуха, солнечной энергии, жизни. А сама жизнь? И она, основанная на углероде, выброшенном когда-то из вулканов в виде углекислого газа, — по Мархинину, — вулканического происхождения.

Такой неожиданный исход получает древний спор нептунистов и вулканистов. Станный результат: сначала был вулкан на протоконтиненте, потом океан, потом континент. Кто же выиграл?

¹ Синклиналь — складка слоев горных пород, обращенная выпуклостью вниз.

Эпизод в Веймаре

Рисунки З. Баженовой

«Если мне не посчастливится так, как я желаю и надеюсь, то все же мои старания дадут другим возможность идти дальше, ибо при наблюдениях сами ошибки полезны тем, что они обращают на себя внимание и остроумному дают повод для упреждений», — так заканчивал Гете свою статью «О граните».

В науке ничего не пропадает даром. Даже ошибки, при условии, что это ошибки незаурядного человека. Антиньютонская теория цвета Гете, глубоко нефизичная и ошибочная, по сути, снова и снова привлекает внимание физиологов — в ней множество тонких наблюдений и обобщений, связанных с человеческим восприятием цвета. С «генетическим рядом» цветов от белого — через спектр — к черному Гете связал свой ошибочный генетический ряд горных пород «от гранита». На этой основе, на основе «двух ошибок» он предложил раскрасить первую в мире геологическую карту — карту Тюрингии, разработанную по его инициативе. Только ли случайностью можно объяснить удивительный успех геологической «легенды» Гете: в 1878 году в Болонье первый международный геологический конгресс специальным решением узаконил ее. По сей день каждый геолог знает эту легенду назубок...

В 1821 году, когда вышла в свет геологическая карта Тюрингии, Гете радостно откликнулся на это событие словами, выражающими всю его любовь, застарелую привязанность к геологии: «Когда я подумаю, сколько я за 50 лет потрудился в этой специальности (геология), как мне ни одна гора не слишком высока, штольня — низка и пещера — лабиринтообразна, я вспоминаю частности и хочу сочетать их в общую картину, и настоящая работа (карта)... мне приходится весьма кстати...»

КРАМОЛЬНОЕ ЛИТЬЕ

Когда мне приходится бывать в городе Лысьве Пермской области, непременно выберу часок, чтобы заглянуть в народный музей металлургического завода. Казалось бы, все экспонаты давно знакомы, и все-таки директор музея Николай Самуилович Столяров обязательно найдет, чем удивить тебя.

Как-то показал он мне пластинку чугунного литья и спросил:

— Как вы думаете, что здесь изображено?

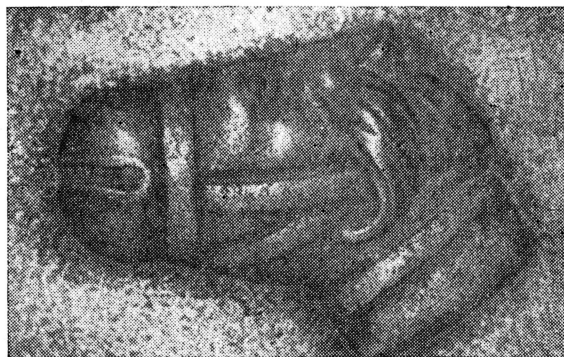
— Голова лошади, — ответил я.

— Верно, ну и теперь? — Николай Самуилович повернул пластинку, и... передо мной был профиль лица с низким лбом, мясистым носом, бородой и унтер-офицерскими усами. Столяров улыбнулся:

— Узнаете? Это Александр III, самодержец российский.

И в самом деле, несколько карикатурное, но в общем-то довольно точное воспроизведение императорского профиля.

— Совмещение в едином рисунке-перевертыше царской и лошадиной голов, сами понимаете, — усмехнулся Столяров, — имеет свой смысл. Кстати, Александр III очень любил лошадей. Гораздо больше, чем своих подданных. Во время

его царствования на покупку коней для императорской конюшни тратились из казны большие деньги. И не зря современники острили, что сокровенная мечта царя — произвести свою любимую лошадь в сенаторы, как это хотел сделать римский император Калигула.

Это «крамольное» изделие было отлито на Каслинском заводе в 1889 году. Долгое время не удавалось правильно прочитать выбитую с обратной стороны барельефа фамилию мастера, сейчас и это известно — С. Голяков.

В. ПАШИН

И н н а
ЛИМОНОВА

Здравствуйте, горы!

Так необычно и смешно
Рюкзак приткнут в передний угол,
Там, где обычно место кукол
(Да я ведь выросла давно).

Когда-нибудь уйду совсем,
И гулко бухнут наши двери,
Уйду совсем (ты мне не веришь!!)
От надоевших белых стен.

И неожиданно пойму,
Как нужно в жизни сделать много.
Где цели нет — скучна дорога,
и жизнь, пожалуй, ни к чему.

* * *
И снова осень не за горами,
(а горы — вот они, рядом).
Того и гляди, заштормует ветрами,
В атаку пойдут листопады.

В полях опустевших просторно и ровно.
Да, летняя песенка спета...
И в лужах кленовые листики, словно
Следы уходящего лета.

* * *
Я из края вершин и невзятых высот
В города приезжать не люблю.
Все мне кажется: тянется, тянется год...
От зимы убегу, не стерплю.

И совсем не нужны мне четыре стены,
Что другим составляют уют.
Если снятся, то снятся бродячие сны,
Да дороги мне спать не дают.

Верю в то, что друзья узнаются в горах,
Ничего нет теплее костра.
...Я вернулась вчера в край уюта и стен.
Неужели теперь насовсем!

Николай
ГОДИНА

Старая крепость

К небу галки вихрем взметены.
Тополя в ряды сплотились ратно.
Тесный ворот каменной стены
На крючки застегнут аккуратно.

* *
Облака — расплывчатые пятна,
Панораму портили слегка.
Но читалась складно и понятно
Топография материка.

Арабески, линии, кавычки...
И озера плавильсь, слепа.
Как-то странно было без привычки
В небе птицей чувствовать себя.

Не трясло и не бросало в холод.
А внизу, у Азии на дне,
Выкристаллизовывался город,
Все на свете обещающая мне.

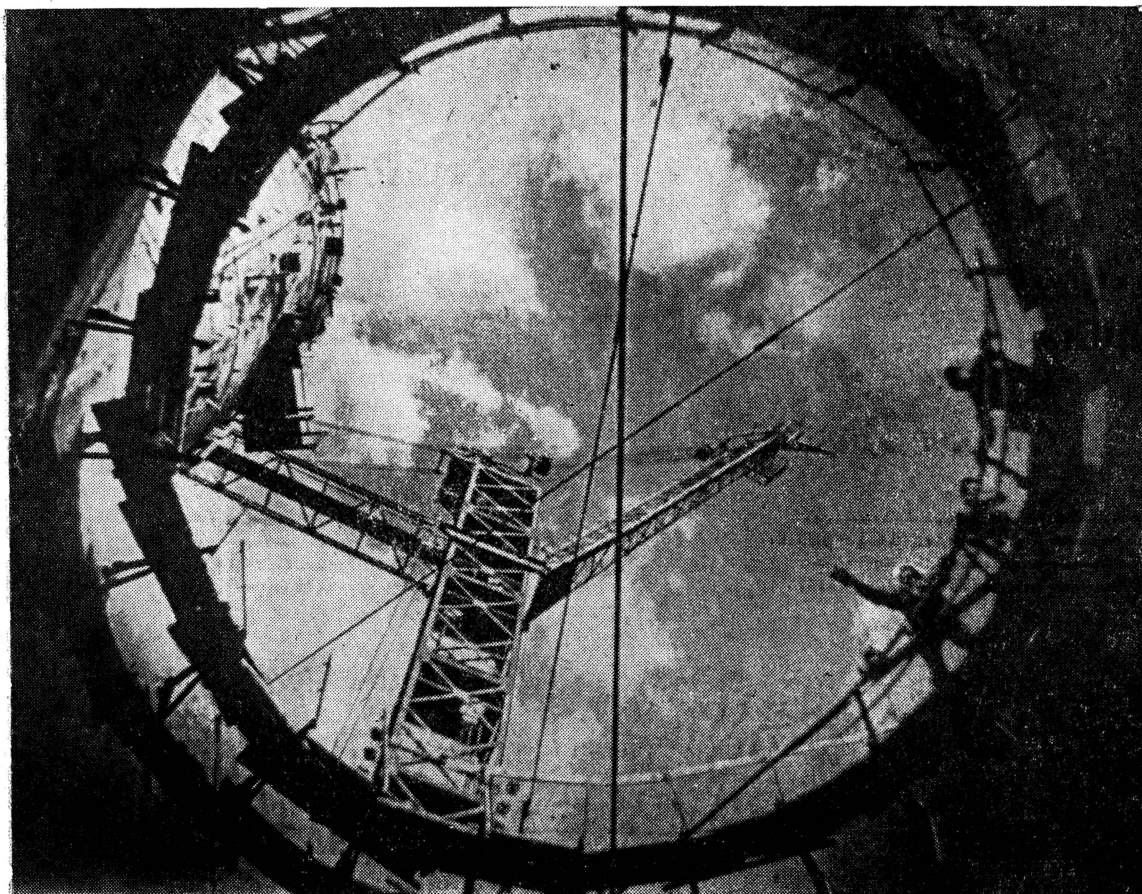
УРАЛ

В ФОТОГРАФИЯХ

Фотовыставка — праздник для любителей фотоискусства и в то же время серьезный экзамен для тех, чьи работы выставлены на ней. Недавно подобный экзамен держали фотожурналисты и фотолюбители Урала: Пермской, Свердловской и Челябинской областей.

Выставка — впечатляющий рассказ о людях Урала, о его природе, о городах и селах — открылась одновременно в трех областных центрах.

Сегодня мы знакомим вас с некоторыми работами участников этой фотовыставки.

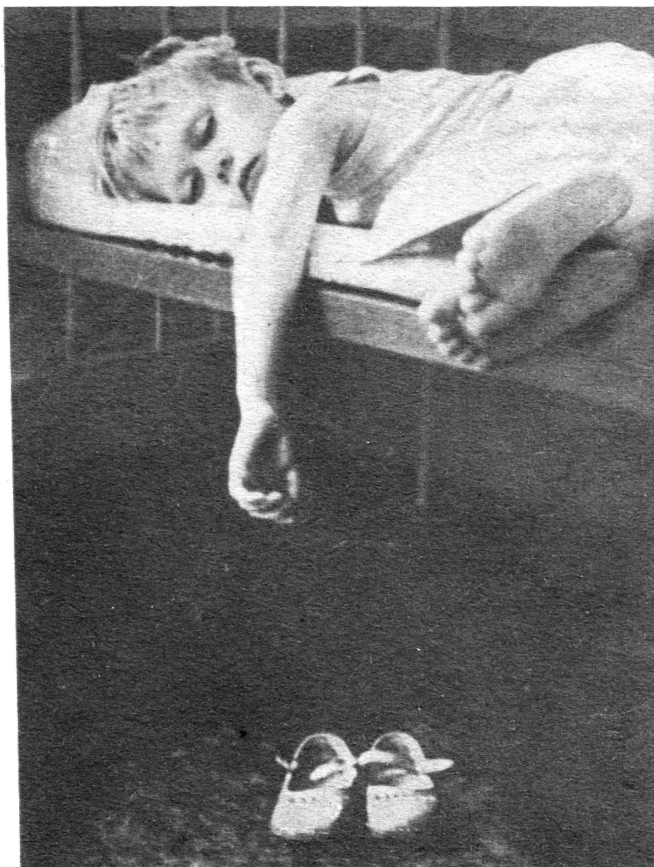
В. КЛИПНИЦЕР. (Челябинск) РЕКОНСТРУКЦИЯ ЧМЗ

В. ДОЛГАНИН. (Свердловск)

РАБОЧИЙ ЧЕЛОВЕК

С. ВАСИЛЬЕВ. (Челябинск)
ИЗ СЕРНИ «ДЕТИ»

Ю. ТЕУШ,
В. ШВЕММЕР (Челябинск)
ОСЕНЬ

Ю. ТЕУШ, В. ШВЕММЕР (Челябинск)

ЛЕСНАЯ ФАНТАЗИЯ

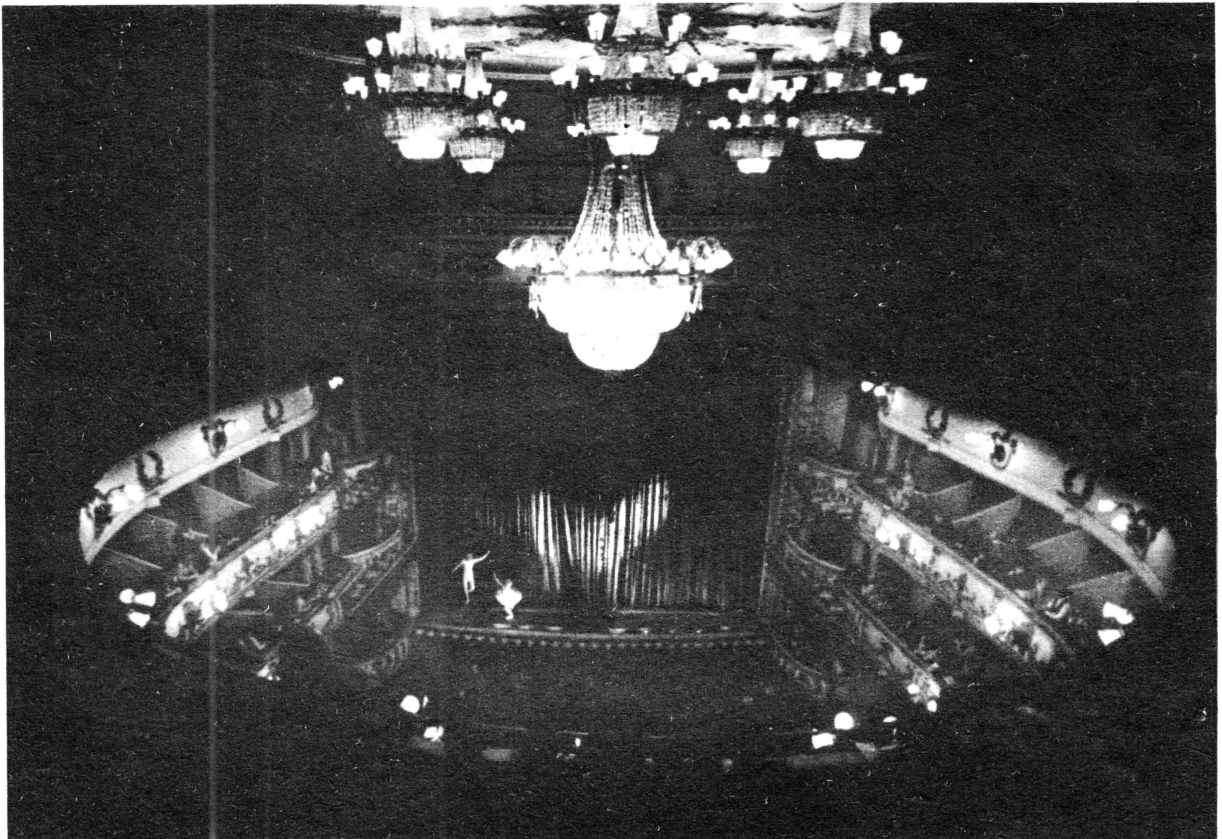

УТРО

Е. СТАРКОВ. (Пермь)

В. ДОЛГАНИН. (Свердловск)
ВДОХНОВЕНИЕ

А. НАГИБИН. (Свердловск)
ТЕАТР

Время ОБВИНЕНИЯ

Приключенческая повесть

Станислав ГАГАРИН

Рисунки Е. Стерлиговой

КОЖАНАЯ КУРТКА НЕЗНАКОМЦА

— Стой! Стрелять буду! Стой!
Загремели выстрелы.

В секундной тишине, наступившей вослед, был слышен шорох лиственничных веток, срезанных автоматной очередью и упавших на мягкий ковер из пожелтевшей хвои. Сержант погранвойск Степан Гончарик поймал в прицел мелькавшую меж стволов спину неизвестного, и палец его готов был

потянуть спусковой крючок. Но тут в памяти возникло лицо капитана Корды, его слова: «Только живым!», левая рука подбила автомат снизу, и снова пули ударили по верхушкам деревьев.

Неизвестный уходил.

Сержант знал, что выстрелы услышат солдаты, расставленные по границам участка, и — согласно инструкции — они поспешат к месту происшествия, чтобы перехватить того, кто пытался проникнуть в Сайда-губу.

Собственно говоря, автоматные очереди Степана Гончарика означали провал операции, задуманной

полковником Бирюковым. Тот, кого ждали в Сайда-губе, должен был беспрепятственно проникнуть в нее и извлечь из песка у подножья скалы сейф штандартенфюрера СС Густава Шеллинга, спрятанный там командиром субмарины «Зигфрид-убийца» фрегатен-капитаном Эрнстом Форлендером¹. Затем надлежало осторожно проводить неизвестного гостя до Поморска или иного населенного пункта и попытаться установить его связи.

Но все случилось иначе.

Сержант Гончарик и рядовой Завьялов обходили цепочку солдат, опоясавшую сопку, за которой лежала Сайда-губа, когда едва носом к носу не столкнулись с человеком в кожаной куртке, галифе, резиновых сапогах и светло-серой шляпе с короткими полями, надвинутой на глаза. Нижнюю половину лица незнакомца скрывали рыжая борода и усы.

Встреча была неожиданной для обеих сторон. Сержант и Завьялов знали, что в таком, крайне нежелательном, случае всякая подозрительная личность должна быть задержана немедленно. Гончарик потянул с плеча автомат, но едва сержант шевельнулся, рыжебородый отпрянул в сторону, в руках у него неведомо как оказался пистолет с длинным стволом и утоплением на конце.

Раздалось пощелкивание, и Завьялов ничком упал на хвою.

Впереди замелькала кожаная куртка, и тогда распорота тишину автоматная очередь сержанта Гончарика.

...На мгновение Степан потерял неизвестного из вида и снова ударил очередью по верхушкам лиственниц. Он был уверен, что тому, кого он преследует, не уйти: у каменной гряды, в сторону которой стремглав неслись неизвестный, затаились в дозоре двое солдат, и они, прислушиваясь к стрельбе, уже держат на мушке все возможные подходы к их посту.

На бегу незнакомец обернулся, выбросил руку, и не успел Гончарик отпрянуть за ствол дерева, как пуля сбила с него фуражку. Прижав автомат к лиственнице, Степан примерился, чтоб ударить человека с бесшумным пистолетом по ногам. Автомат задержался, пули подобрались почти к цели, взять еще повыше, и никуда он, гад этот, не денется, не убежит. Чуюк повыше, подумал Гончарик, и тут кончились патроны в магазине-рожке...

Пуля ударила на уровне груди сержанта и отщепила кусок коры. Гончарик вытащил из сумки на ремне запасную обойму.

По нему больше не стреляли. Когда, снарядив автомат, Гончарик побежал к каменной гряде, кожаную куртку он больше не увидел. Через сотню метров навстречу вывернули солдаты его взвода. Был с ними и лейтенант Маслов, дежурный офицер.

— Что случилось? Кто стрелял?— крикнул Маслов.

— Завьялов,— задыхаясь, проговорил Гончарик.— Там... помогите... Завьялов... Кожаная куртка! Где он?

Не объясняя больше ничего, Степан бросился вперед. Лейтенант отрядил двух солдат посмотреть, что случилось с Завьяловым, и последовал с остальными за Гончариком.

У каменной гряды они никого не нашли. Срочно прибывшие сюда два проводника со служебно-розыскными собаками обшарили нагромождение валу-

нов и скальных обломков и обнаружили узкий, едва заметный в зарослях кустарника лаз. При осмотре потайного хода выяснилось, что он вел в хорошо оборудованное укрытие, сохранившееся, видимо, со времен войны. На двухъярусных деревянных нарах поверх тронутых ржавчиной трех автоматов типа «шмайсер» и десятка гранат с длинными деревянными ручками лежали брошенные в беспорядке кожаная куртка, галифе защитного цвета и светло-серая шляпа с узкими полями. Резиновые сапоги валялись на полу.

К тому времени, когда к обнаруженному убежищу прибыл Юрий Алексеевич Леденев, лейтенант Маслов и солдаты нашли второй ход. Он выводил на поверхность по другую сторону гряды, в ста пятидесяти метрах от асфальтированной дороги Мурмино — Поморск.

Собаки легко взяли след, уверенно довели проводников до асфальта, и тут засуетились, стали нервничать и заглядывать в лица хозяев виноватыми глазами.

УРАВНЕНИЕ С ДВУМЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ

— Значит, ушел?— сказал Василий Пименович Бирюков.— А, Юрий Алексеевич?

— Ушел, товарищ полковник...

Майор Леденев развел руками.

— Как солдат? Операцию сделали?

— Будет жить... Две пули в него всадил, но прошли удачно, выше и ниже сердца. Вот они, пули-то... Мы их к делу приобщили.

Юрий Алексеевич придвинул Бирюкову небольшую коробочку. В ней на куске ваты мирно покоились две пули, извлеченные хирургом из тела Завьялова.

Василий Пименович взял одну из них и повертел в пальцах.

— Систему определили?— спросил он.

— Двадцатизарядный пистолет-автомат специального назначения системы «Говард», калибр шесть миллиметров. Небольшой калибр позволил конструкторам сделать «Говард» многозарядным и достаточно компактным. Достоинства: относительно небольшие размеры и бесшумность стрельбы. Недостатки: слабая убойная сила на расстояниях более пятидесяти метров. Изготавливается преимущественно в Соединенных Штатах Америки, но бывают модели производства ФРГ и Англии. Во всяком случае «Говардом» может быть вооружен агент любой разведки...

— Предваряете мои вопросы, майор,— усмехнулся Бирюков.— Ну-ну... Что ж, давайте все сразу, выговаривайтесь до конца...

— Нет сомнения в том, что неизвестный шел к сейфу, спрятанному Форлендером,— сказал майор Леденев.— Но поскольку мы не знаем, на кого работал бывший фрегатен-капитан, это нам ничего не дает. Более того, мы не знаем даже, как незнакомец выглядел...

— Но ведь его видели солдаты...

— То, что они видели, осталось в убежище,— сказал Юрий Алексеевич.— Он переменял одежду, и не только ее. Уже перед тем, как ехать к вам, я распорядился вновь прочесать местность с собаками. И вот что было обнаружено в яме под камнем.

Леденев достал из портфеля сверток и развернул его. На бумаге лежала накладная рыжая борода.

— Значит, рыжебородого не существует,— за-

¹ См. повесть С. Гагарина «Несчастный случай» («Уральский следопыт», 1971, № 6 и 7).

думчиво произнес Бирюков, подняв фальшивую рыжую бороду и осматривая ее со всех сторон.— Рубит, дьявол, по всем концам рубит...

— Это уже почерк, товарищ полковник,— сказал Леденев.— Пытается предусмотреть все варианты. Кстати, на одежде нет марок изготовителя. Конечно, мы можем и без этого установить, кто произвел товары, но что это даст. Одежда может быть и нашего производства.

— А что тайник? Все ли там проверили?

— Эта территория, товарищ полковник, как вы знаете, во время войны была занята немцами. Возможно, они оборудовали убежище про запас, с целью оставить при отступлении в нашем тылу своих людей. По-видимому, убежищем никто не воспользовался, и тем не менее, тот, кто стрелял в нашего солдата, знал о тайнике. Между прочим, мы нашли там неплохой запас продуктов военного времени: консервы, сахарин, шоколад, хлеб в целлофане. Хлеб, кстати, хорошо сохранился, сам пробовал...

— Несерьезно, майор,— нахмурился Бирюков.— Убежище могло быть заминированным, а продукты могли быть оставлены именно с расчетом на то, что кто-то их отведаст...

— Тогда их не стали бы так тщательно прятать, Василий Пименович... Так вот... Продукты и оружие не тронуты. Судя по всему, и наш неизвестный побывал там впервые. Допускаю, что о тайнике знал Форлендер. Если он в свое время передал неизвестному план того места, где спрятал в сорок пятом году сейф, то мог рассказать и об убежище.

— О нем мог знать и кто-то третий,— сказал полковник.

— Допускается. Тогда мы имеем уравнение с двумя неизвестными.

— Может быть, и с тремя, дорогой майор. И в таком серьезном деле ни одного просвета.

— Кое-что есть, товарищ полковник. Вот, взгляните...

— Что это?

Василий Пименович с интересом смотрел, как майор Леденев разворачивал небольшой пакетик. В нем оказались спички. Пять спичек несколько необычной формы. Они были подлиннее обычных, головки иного цвета, чем у простых спичек. Каждая была завернута в лощеную бумажку.

— Противоветровые спички,— сказал Бирюков.— Откуда они у вас?

— Такими спичками снабжаются морские спасательные шлюпки, товарищ полковник.

— Это я знаю. И что же?

— То, что их обнаружили под нарами в тайнике...

— Может быть, оставили немцы?

— Посмотрите листок, в который они были завернуты, Василий Пименович...

Полковник расправил лист бумаги. Это были страницы, вырванные из какой-то книги, двадцать третья— двадцать четвертая страницы...

Бирюков прочитал:

«...При закрытии пайола необходимо тщательно следить за тем, чтобы на втором дне не оставался мусор, стружки и другие предметы, которые могут загнить или засорить приемные сетки осушительной системы.

§ 135. При каждом осмотре пайола следует проверять исправность и плотность лючин над горловинами двойного дна, периодически вскрывать эти лючины и проверять плотность закрытия горловин...»

— Так это же какая-то флотская инструкция!— проговорил Бирюков.

— Совершенно верно, товарищ полковник.

Василий Пименович перевернул страницу и на обороте прочитал:

«Водонепроницаемые двери, противопожарные двери, лацпорты, иллюминаторы.

§ 142. Постоянное наблюдение за исправностью действия водонепроницаемых дверей, лацпортов, иллюминаторов и противопожарных дверей и правильное использование их в аварийных случаях являются важнейшей обязанностью судового состава. Ответственность за их состояние возлагается на старшего помощника капитана...»

— Надеюсь,— сказал полковник Бирюков,— вы узнали, откуда этот листок?

— Да,— ответил Юрий Алексеевич.— Он вырван из «Правил обслуживания корпуса судна и ухода за ним». Эти правила утверждены приказом министра морского флота за номером четыреста сорок от четырнадцатого ноября 1955 года и в 1956 году выпущены отдельной брошюрой издательством «Морской транспорт». Значит, в убежище побывали уже и после войны. Данный экземпляр печатался в одесской типографии «Моряк». Но эти сведения нам уже ни к чему... Такие «Правила» есть на каждом судне торгового флота, по два-три экземпляра... И в первую очередь у старшего помощника капитана, так как корпус судна проходит по епархии старпома. Ну, и у капитана со стармехом такие, конечно же, есть тоже... Вот они, эти «Правила»...

Юрий Алексеевич достал небольшую книгу в синем картонном переплете и протянул Бирюкову.

— Обратите внимание на седьмой параграф, товарищ полковник. Там как раз написано об ответственности старпома за правильное обслуживание судна, всех помещений, устройства и систем...

— Судя по вашим словам, вы склоняете меня к мысли, майор, что листок, в который завернули спички, был вырван из книги, принадлежавшей некоему старпому?

— Нет, я просто хотел подчеркнуть, что к этим «Правилам» чаще других обращаются старпомы. Только и всего, товарищ полковник...

— Гм... Ну, ладно. Если новую загадку вы считаете просветом в этом деле, Юрий Алексеевич, будем считать историю с противоветровыми спичками просветом.

— Думаю, что необходимо...

— Нет, погодите, Юрий Алексеевич. Сейчас уже поздно, вы устали. Жду вас завтра в десять с планом проведения операции. Прикиньте, кого дать вам в помощники. Вы свободны, майор. Кстати, нет ли у вас спичек? Обыкновенных спичек... Зажигалка барахлит.

ВСТРЕЧА В «СЕЛДЯНОМ КОРОЛЕ»

Из лоции побережья Скандинавского полуострова

Порт СКАГЕН находится в юго-восточной части пролива Блю-фьорд, называемой бухтой Скагенсхамн. Западная граница порта проходит по условной линии, проведенной от мыса Колдернес на 2,5 мили к норду до мыса восточного берега пролива Блю-фьорд у селения Холла. Порт окружен с трех сторон высоким горным массивом, на котором отчетливо выделяются пять гор высотой до 763 м.... Порт Скаген является одним из крупнейших портов и важным центром судоходства Скандинавского полуострова; в порт может войти любое судно, независимо от его размеров и осадки. Порт имеет

четыре гавани — Нудде-фьорд, Логен, Санвик и Брейдвик. Гавани Нудде-фьорд и Логен являются главными. Первая предназначена для военных и больших судов торгового флота, вторая для судов торгового флота и рыболовных...

Лоцманы. При входе во внутреннюю часть гавани Нудде-фьорд или гавань Логен, а также при выходе из них лоцманская проводка обязательна...

* * *

— Распорядитесь принять лоцмана, Валерий Николаевич, — сказал капитан, опуская бинокль. — Вон, торопится катеришко... Место нам в гавани Логен определили, как обычно, у мола Мольтегрунскайен, туда и пойдём.

«Уральские горы», крупнотоннажное грузопассажирское судно, стоящее на линии Поморск — Скаген — Поморск, почти погасило инерцию и едва двигалось по серо-свинцовой глади бухты Скагенсхамн. Теперь уже и невооруженным глазом можно было увидеть идущий к «Уральским горам» лоцманский бот, несущий четырехугольный флаг, верхняя половина которого была белой, а нижняя — красной. На белом борту лоцбота четко выделялись черные буквы «LOS».

Валерий Николаевич Яковлев, старший помощ-

ник капитана, перегнулся через фальшборт мостика и крикнул в мегафон, чтоб готовили штормтрап. Вахтенный штурман ответил с палубы:

— Штормтрап готов. С какого борта будем выбрасывать?

Старпом покрутил головой, ветра не было вовсе, глянул на подхлывший полным ходом бот и передал вниз:

— С левого!

Лоцманский бот лихо развернулся на левом траверзе «Уральских гор», на мгновение притерся к тому месту, по которому уходил с палубы вниз штормтрап, и тут же отпрянул, оставив на трапе быстро карабкающегося наверх лоцмана.

Вахтенный штурман подал лоцману руку и помог прыгнуть на палубу.

Высокий костлявый норвежец, с гладко выбритым бледным лицом, приветливо улыбался русским морякам, которых он уже знал по прошлым рейсам «Уральских гор» в Скаген.

— Привет, Мишья!— поздоровался лоцман со штурманом.— Опять нас гости? Карашо!

— Здравствуйте, мистер Эйриксон,— отвечал штурман.— Рад вас видеть...

Последнюю фразу он произнес по-английски.

— Нет «мистер»!— вскричал лоцман и продолжал говорить на ломаном русском языке.— Нет «мистер»! Эйриксон тоже нет друзьям! Мой имя — Лейв! Я есть Лейв для русский моряк...

— Капитан ждет вас, Лейв,— улыбаясь, проговорил штурман.

— О, кэптин Юкоф!— воскликнул лоцман и повернулся к мостику, подняв в приветственном жесте руку.— Скаген рад видеть, ваш корабль, кэптин!

Еще через две-три минуты Лейв Эйриксон уже здоровался в рубке теплохода с капитаном Игорем Александровичем Юковым и старпомом Валерием Николаевичем Яковлевым. Не забывал он и о своих обязанностях. Раздалась команда, тут лоцман перешел на английский, международный морской язык, и «Уральские горы», набирая ход, двинулись к пассажирскому причалу в гавани Логен.

...Вечером того же дня на одной из улиц Скагена, выходящей к площади кирки Санкт-Юхн, остановилась такси. Пассажира, сидевший рядом с шофером, расплатился, не спеша покинул машину и вошел в писчебумажный магазин. В магазине покупателей не было. Человек, приехавший на такси, приоблел у румяной хозяйки-толстухи два блокнота в кожаных переплетках, на которых было вытиснено изображение башни Валькендорф, и паркеровскую авторучку, простился и вышел на улицу.

С минуту он постоял, осторожно огляделся и быстрыми шагами направился в сторону Санкт-Юхн.

Час был не поздний, но прохожих на улице было совсем немного. Почтенные скагенцы, жители этого района, рано ложились спать, а тем, кому хотелось веселиться, городские власти отвели место в центре города, в кварталах, примыкавших к гаваням порта.

Человек вышел на площадь, обогнул ее и через сотню-другую шагов свернул вправо, в переулок у самой кирки.

Сразу за поворотом, прижавшись к тротуару, стоял черный «мерседес». Может быть, автомобиль в самом деле был темно-синим или вишневым — в сгустившихся сумерках рассмотреть это было невозможно. Задняя дверца «мерседеса» была открыта, фары и стоп-сигналы погашены.

По-видимому, человек, приехавший на такси, был уверен, что «мерседес» ждет именно его.

Во всяком случае он решительно распахнул дверцу и сел на заднее сиденье. Заработал двигатель, вспыхнули фары, машина дернулась и, набирая скорость, понеслась прочь от кирки Санкт-Юхн.

...— Послушайте, Волк, хочу уведомить вас, что счет ваш увеличился именно на ту сумму, о которой уславливались. Добавьте сюда еще четвертую часть в качестве премиальных. Как видите, мы заимствуем полезное у Советов...

— Ваша фирма прогрессирует, мистер Гэтскэлл.

— Просто Билл, дорогой Волк, просто Билл...

Зачем вам обременять свою память... А это официальное извещение из банка о последнем состоянии вашего счета. Ознакомьтесь и уничтожьте при мне. Этот сувенир из Скагена очень порадовал бы парней из госбезопасности.

— Вы правы, Билл, они были бы в восторге и отнеслись с величайшей признательностью к тому, кто доставил бы им этот банковский счет.

— Только им буду не я, Волк, только не я!

Человек, который просил называть себя «Биллом», расхохотался. Он сидел за рулем черного «мерседеса». Автомобиль стоял сейчас на северо-восточном берегу гавани Логен, в тени, отбрасываемой стеной форта Скагенхус, угрюмой громадой высившегося в километре от мыса Дурнес.

Билл сидел, обернувшись к человеку на заднем сиденье. Если б в кабине горел свет, то в последнем мы без труда узнали бы мужчину, еще час назад заходившего в писчебумажный магазин. Именно его Билл называл «Волком». Третий в этой компании занял место рядом с водителем. Он не поворачивался и сосредоточенно смотрел в сгустившуюся темноту прямо перед собой.

— Сейчас вам предстоит провести в Поморске весьма важную операцию,— сказал Билл.— В двух словах суть ее в следующем. В окрестностях Поморска, на побережье, еще в сорок пятом году был зарыт сейф с ценными документами. Единственный человек, который знает это место,— наш человек. Он прибудет в Поморск на одном из иностранных судов и передаст вам план.

— Передаст мне? Но ведь это...

— Не беспокойтесь, Волк, в личный контакт с вами он входить не будет. Разве мы не понимаем, что вам совсем ни к чему встречи с иностранными моряками. Вы слишком ценный человек, Волк, чтоб неразумно вами рисковать... План вы получите через Мороза...

— Опять этот Мороз! Простите, Билл, но мне как-то не по себе выполнять указания призрака...

— Неплохо сказано, Волк! Если Морозу придется менять кличку, я предложу назвать его «Призраком»... Но к делу. Мороз по-прежнему остается вашим шефом, Волк, хоть вы его никогда не видели. Да и ни к чему вам видеть его... Зато он вас видит, и довольно часто. Но теперь вы будете в Поморске не один. Мы придаем большое значение операции и прикрепляем к вам помощника. Свое имя для России он сообщит вам в Поморске, а пока называйте его Беном.

При этих словах человек, сидевший рядом с Биллом, повернулся и молча протянул Волку руку.

— Бен поступает в ваше распоряжение, Волк,— сказал водитель «мерседеса»,— а оба вы будете выполнять указания Мороза. Но он вступит в игру только в решительный момент. Со стороны

вашему шефу будет лучше видно, как развивается операция, и, осуществляя контроль за вашими действиями, Мороз в нужную минуту скоординирует общие усилия в целях достижения оптимального варианта. А для начала, Волк, вы должны помочь Бену перебраться в Россию и устроить его в Поморске на работу в торговый порт.

— Каким образом?

— О, на своем судне вы занимаете достаточно прочное положение, чтобы изыскать такую возможность, а специалист, знающий особенности конструкции судна, всегда найдет местечко для человека даже и такого крупного телосложения, как у нашего Бена. А для России у него самые чистые документы, не сомневайтесь, Волк. «Легенда» у вашего будущего помощника более правдоподобная, нежели сама действительность.

— И все же,— перебил Волк,— как вы мыслите себе переход Бена?

— В этот рейс «Уральские горы» берут из Скагена туристов,— сказал Билл.— Бен отплывет из Норвегии в качестве одного из них, но в документах числиться не будет. Это я беру на себя. До подхода к Поморску вы можете о нем не беспокоиться. Затем вы спрячете его в подобранное вами место, где Бен переждет проверку. Когда пассажиры сойдут и «зеленые фуражки» покинут судно и причал, а вы встанете под разгрузку, Бен осторожно выйдет из укрытия и смешается с грузчиками, от которых он внешне ничем не будет отличаться. Стоять в Поморске вы будете пять дней. За это время Бен прилетит в Поморск из Ленинграда с рекомендательным письмом от вашего старого приятеля. По просьбе последнего вы поможете Бену устроиться на работу, но для окружающих особо дружеских контактов вы заводить с ним не должны. Вот, возьмите, это советские деньги на расходы. У Бена необходимые средства будут тоже. Расписки не нужно...

— Хорошо, я все понял. Хотелось бы только...

— Узнать «русскую» биографию Бена? Он вам все расскажет о своей «судьбе» по приезде из Ленинграда. Знать обо всем этом заранее не стоит... Помните, Волк, об одном из законов разведчика — не обременять без нужды память...

— Вы правы, Билл.

— Хо-хо,— сказал водитель «мерседеса», — я всегда прав, дорогой Волк. А сейчас предлагаю пропустить по рюмке в «Сельдяном Короле». Вы там еще не бывали, Волк, да и Бен тоже, хотя он и не новичок в Скагене. Хозяин «Сельдяного Короля» — наш человек и устроит скромный ужин в отдельном кабинете. Едем...

«Мерседес» круто развернулся и помчался по вечернему городу. Вскоре он был у гавани Нуддефьорд, пересек ее по нависшему над водой мосту, покрутился, часто сворачивая в боковые улицы, и остановился, наконец, перед рестораном, фасад которого украшало разноцветное изображение легендарной рыбы — Сельдяного Короля, впервые выловленного бергенскими рыбаками в 1776 году.

Вскоре все трое сидели в особой комнате, изолированной от общего зала, она служила местом для деловых трапез и буйных оргий, ведь и те и другие желательно устраивать в узком кругу «своих», без лишнего глаз и ушей. Молодой официант с безразличным лицом быстро расставлял на столе еду и напитки. Когда ему пришлось выйти в бар за «тоником», дверь осталась слегка приотворенной. Официант скрылся за поворотом коридора, и в этот момент появился лоцман Лейв Эйриксон. Он жил

по соседству с «Сельдяным Королем», хорошо знал хозяина этого заведения и, приходя сюда выпить рюмку хереса, единственный вид спиртного, признаваемого Лейвом, часто пользовался служебным ходом.

Итак, лоцман Лейв Эйриксон, встретивший и проводивший в гавань Логен советский теплоход «Уральские горы», шел по служебному ходу ресторана «Сельдяной Король». Услышав за приотворенной дверью мужские голоса, он замедлил шаги, заглянул в щель и в удивлении приподнял брови.

— Вот так встреча! — пробормотал Эйриксон, проходя мимо двери.

И выпивая свой херес в баре, Лейв снова и снова покачивал головой, когда думал об увиденном им человеке в отдельном кабинете «Сельдяного Короля».

...После двенадцати часов ночи вахтенный второй штурман теплохода «Уральские горы» Михаил Нечевин сидел в каюте, в который раз просматривая консоаменты¹. Груз на «Уральских горах» часто бывал генеральный², иногда до двухсот-трехсот наименований, потому и хлопот с ним было невпроворот. И пассажиры еще... На грузовых судах второй хоть в море может отдохнуть, а здесь и в рейсе крутишься как белка в колесе. Правда, четвертый штурман помогает иногда, но четвертый сам считается у старпома на подхвате, на помощь второго его подчас уже не хватает...

Посетовав про себя на незадачливую жизнь, Михаил Нечевин отодвинул грузовые документы и поднялся из-за стола, решив обойти судно, посмотреть швартовы и проверить вахтенного у трапа. Он спустился на главную палубу, прошел на бак, глянул, перегнувшись через релинги, не «гуляют» ли концы и на месте ли противокрысиные щитки. На баке все оказалось в порядке, носовые трюмы были готовы к разгрузке, но работы должны были начаться лишь с утра. Нечевин двинулся к трапу и обнаружил, что вахтенного там нет.

«Черт побери! — выругался штурман. — Ведь сколько раз говорилось³ от трапа ни на шаг...»

Он занял место матроса на верхней площадке трапа, где висел спасательный круг и выброска³, и поднял свисток к губам. В это время трап качнулся, на нижнюю ступеньку ступил человек. Он быстро поднимался, опустив голову, а когда оказался наверху, Нечевин узнал в нем директора судового ресторана Митрохина.

— Поздненько гуляете, Демьян Кириллович, — сказал второй штурман. — Без пятнадцати час уже...

— Так то по-нашему будет, Михаил Иванович, — весело заговорил Митрохин, стараясь не встречаться с Нечевиним глазами, — а в Скагене совсем рань...

Второй штурман пожал плечами.

— Мне-то что, — сказал он, — хоть до утра. Смотрите только, чтоб помполит вас не засек.

Директор ресторана ничего не ответил, шагнул на палубу и исчез внутри средней надстройки. Ми-

¹ Грузовые документы.

² Самый разнообразный груз: продукты, промтовары и тому подобное, в отличие от однородного груза — руды, угля, леса.

³ Тонкий длинный трос с грузом на конце. Служит как бросательный конец при швартовых и спасательных работах.

«УРАЛЬСКИЕ ГОРЫ» ВОЗВРАЩАЮТСЯ В ПОРТ

хаил хотел снова вызвать матроса свистком, но тот уже спешил к трапу, на ходу поправляя повязку.

— Ты что же это, Коноваленко, а? — грозно спросил Нечевин. — От трапа бегаешь!

— Так я же в галюн только, товарищ штурман! Минутное дело...

— В галюн, в галюн... Меня б вызвал на подмену.

— Так не удобно, Михаил Иванович, може вы отдыхаете, я ж с понятием...

— Ладно, Коноваленко, хватит трепа. Стоять у трапа — и никуда. Приспичит — звонком меня сюда. Усек?

— Так точно, усек, Михал Ваныч! Будет все на-товсь...

Михаил Нечевин вернулся в каюту и едва сел за стол, сплошь заваленный бумагами, как раздались тихий стук в дверь. Затем дверь открылась, и в каюту вошел директор ресторана. В руках у него был сверток.

— Вахтишь, Михаил Иванович? — спросил он. — А я к тебе. Вот, глянь-ка что достал.

Митрохин развернул сверток и поставил на стол бутылку, две жестяные банки с «тоником», большую банку с консервированными омарами и еще две — поменьше — с черной икрой.

— Коньяк-то «Фундатор», — сказал Митрохин, — самый наилучший, почти «Мартеля» будет...

— Это по случаю чего? — спросил второй штурман.

— А так... Чтоб вахта шла веселей. Тебе спать нельзя, а мне не спится.

— На вахте не принимаю.

— Брось, Михаил Иванович, рюмку-то осилишь... Ведь «Фундатор»!

— Рюмку, пожалуй, приму, — согласился штурман. — Закуска уж больно на уровне.

Когда они выпили по второй, Митрохин, помявшись, проговорил:

— Ты, Михаил Иванович, того.... Ну, помполиту, значит... Не проговорись, что поздно вато подреб с берега. Знаешь, знакомого парнягу встретил, коком на «Мезеньлесе» ходит. Ну и поддали у него... Ты уж того, пойми... Лады?

— О кэй, старик, можешь спать спокойно. За чем мне капать? Пришел на борт — и ладно.

...Через три дня «Уральские горы» принимали пассажиров. Это были преимущественно норвежские туристы, мечтавшие побывать в стране, которая принесла им освобождение от фашистских захватчиков. Когда были окончены все формальности, на борт прибыл лоцман и вывел теплоход на фарватер. Обслуживать «Уральские горы», согласно графику, должен был Лейв Эйриксон, но он обменялся очередью с приятелем, а сам отправился принимать с мсря танкер под либерийским флагом.

«Уральские горы» вышел в Норвежское море. Начался обычный рейс по маршруту Скаген — Поморск.

Эти события произошли за полгода до того, как у Сайда-губы прогремели автоматные очереди сержанта Гончарика.

За полгода теплоход «Уральские горы» не раз побывал в Скагене, и почти всегда его пассажирские каюты заполняли туристы. Поморск — Скаген, Скаген — Поморск... Выстрелы в Сайда-губе совпали с очередным возвращением теплохода в родной порт.

По утрам всегда думалось лучше, и он не принимал тех своих коллег, кто, опиваясь кофе или крепким чаем, пытался решать подбрасываемые им жизнью головоломки при свете настольной лампы.

Юрий Алексеевич говорил:

— Разве не замечали вы, что утром люди бывают более искренни, нежели вечером?

Леденев и допросы старался проводить в начале дня.

Когда Василий Пименович Бирюков предложил Леденеву отправиться домой и крепко подумать по поводу новой операции, Юрий Алексеевич и не собиравшись ломать голову с вечера. Дома он отказался от ужина, успокоил встревожившуюся Веру Васильевну, мол, спать ложусь, утром думать надо. Кстати, Юрий Алексеевич вообще старался вечером не наедаться, но завтракал плотно.

Он прошел в спальню, лег в постель и приказал себе заснуть.

Проснулся он от того, что услышал за неплотно прикрытой дверью неясные голоса, видимо, Вера Васильевна разговаривала с кем-то.

Голова была свежей, сознание ясным, и Юрий Алексеевич решил было, что наступило утро. Свет за окнами ничего не значил, стоял полярный день, окна были зашторены глухо, но солнце проникало сквозь шторы. Леденев глянул на часы и увидел, что спал всего четверть часа. Юрий Алексеевич оделся и направился в кухню — выпить стакан чая. В ярко освещенной кухне Вера Васильевна разговаривала с молодой красивой женщиной. Увидев Леденева, женщина вспыхнула, поднялась из-за стола и, ответив на приветствие, сказала:

— Я ведь знала, что вы отдыхаете, Юрий Алексеевич... А вот разговорились с Верой Васильевной... Вас и разбудили. Извините...

— Что вы, Танечка, я и не спал... Чайку захотелось, давайте вместе и попьем. Сообрази-ка, Веруша. Завтра ждете своего?

— Завтра, Юрий Алексеевич... Звонила в диспетчерскую, ответили: «Уральские горы» придут по расписанию, значит, в четырнадцать ноль-ноль.

— Море для расписания ненадежная штука...

— Ох, и не говорите... Устала я от этих расставаний и встреч. Сейчас хоть на грузопассажирском стал работать, а ведь раньше, когда на грузовом ходил, бывало, на месяц-два, а то и на три уходил из дома. Да вот и Олежка без него родился...

Таня, или Татьяна Андреевна, как называли ее в школе, где она работала вместе с женой Леденева учительницей младших классов, жила в соседнем подъезде и частенько забегала к Вере Васильевне. Муж ее, Валерий Николаевич Яковлев, старший помощник капитана на «Уральских горах», был Леденеву известен, но с Юрием Алексеевичем они лишь раскланивались.

Яковлев был из поморов, крупный мужчина, на вид нелюдимый, суровый. Он был уже капитаном большого рудовоза, и вот год как работал на грузопассажирском судне, но — помощником. Настояла жена, она хотела, чтоб Яковлев почаще бывал дома. Эти подробности о житье-бытье семьи Яковлевых Леденев узнавал от Веры Васильевны, которая, можно сказать, опекала Танечку. Ведь та, несмотря на свои двадцать восемь лет и учительскую профессию, была существом не то чтобы легкомысленным, но довольно беззаботным.

Происходила Танечка из семьи врача одного из курортных городов Черноморья, одна-единственная дочь у родителей. Там, на Черном, и повстречал ее Яковлев, с медвежьей угловатостью предложил выйти за него замуж, закружил девчонку, едва окончившую педучилище. Таня и ойкнуть не успела, как очутилась в суровом Поморске. В первое время тосковала по теплomu морю, садам, маме. Потом пообвыкла, работа в школе ей нравилась, мужа в городе уважали, в отпуск она могла поехать куда душа пожелает.

— Ну, я побегу, Вера Васильевна,— сказала Таня,— засиделась...

— А чаю, Танюша?— спросил Леденев.

— Нет, нет, побегу...

Когда Вера Васильевна вернулась из прихожей, Юрий Алексеевич уже пил чай.

— Видишь, как ждет,— сказал Леденев,— жаль, я не моряк, ты меня тоже бы ходила встречать в порт...

— Ты и так, слава богу, исчезаешь из дому. И в отличие от моряцких жен я не знаю, когда ты уйдешь и когда вернешься...

— Что делать, Веруша... Каждому свое.

— Ну тогда и не завидуй морякам.

— Не буду,— сказал Леденев.— Садись со мной чай пить... О чем это вы шептались так долго?

— Ох, и любопытен же ты, Юра... Шубу мне Танечка пообещала достать. Какая-то химия новая, я видела на ней: красиво.

— Где же она тебе достанет?

— У нее диспетчер знакомый в порту. Ему моряки привозят.

— Не советую, Вера, попадетесь в историю с этой шубой.

— А что делать, Юра, если в магазинах висят бабушкины салопы и телогрейки? Ладно, ладно... Похожу еще в старом пальто, а в отпуск поедем — попробую купить в Ленинграде или в Москве...

Леденев промолчал. Он понимал, что жене хочется быть одетой не хуже других, и денег для этого достаточно, а вот купить нечего, и знал, как много темных людшек вьется вокруг моряков, привозящих из рейса заграничные тряпки, приобретенные там на иностранную валюту, да и вокруг валюты в последнее время крутятся разного рода дельцы. Юрий Алексеевич подумал, что надо бы разузнать об этом диспетчере-«шубнике» поподробнее.

«Все внимание порту,— думал Юрий Алексеевич,— чует сердце: там помощник Форлендера. В Поморске почти все связано с портом. Будь я их шефом, то в первую очередь зацепил бы порт. Вот с чего начинать...»

Вспомнились морские спички, листок из «Правил обслуживания корпуса судна».

Надо будет негласно проверить все служебные экземпляры этих «Правил», успех маловероятен, но попробовать стоит, сейф Форлендера можно изъять, вряд ли «гость» придет снова, хотя недельку можно еще подождать, документы, хранящиеся там и не потерявшие своего значения до сих пор, давно скопированы.

Леденев снова лег. В сознании возникали самые фантастические версии, и Юрий Алексеевич изгонял их, понимая, что действительность более разнообразна, чем тот набор возможных вариантов, который может породить его мозг.

Кое-какие соображения Леденев посчитал стоящими и закрепил их в памяти. Вера Васильевна давно уже спала, время подбиралось к концу второго часа нового дня. А Юрий Алексеевич, изменивший

своей привычке думать о серьезных вещах с утра, продолжал размышлять, лежа на спине с открытыми глазами.

...В ту ночь и в наступивший за нею день Баренцево море было спокойным и потому «Уральские горы» пришли в порт точно по расписанию. Пассажирский причал, на который принимали судно, был заполнен родственниками и друзьями команды, праздными зеваками, представителями портовых властей и общественных организаций города. По случаю прибытия норвежских туристов Поморский горсовет решил провести на причале небольшой митинг, и потому на причал прибыли делегации рабочих и служащих города.

Таня стояла в толпе встречающих и смотрела, как, подхваченное двумя мощными буксирами, медленно разворачивается судно ее мужа. Рядом с Таней ждал «Уральские горы» красивый седой старик. Впрочем, называть стариком Василия Тимофеевича Еремина, санитарного врача Поморского порта, было, пожалуй, рановато. Вот разве что седина, естественно, добавляла годы, а вообще-то был Еремин пятидесятилетним мужчиной с хорошей спортивной выправкой, и это никого не удивляло — ведь Василий Тимофеевич всю зиму ходил на лыжах, был поборником пешего туризма и даже ведал портовой секцией «моржей».

Одинокий человек — его семья погибла в годы войны — Василий Тимофеевич нерастроченный запас любви к близким перенес на тех, кто окружал его на работе. Справедливый и принципиальный, Еремин очень часто становился третейским судьей в самых различных спорах, опекал обиженных, направлял на путь истинный заблудших. К нему шли за советом и жены моряков, и сами моряки, да и начальство прислушивалось к словам доктора, когда он начинал борьбу за улучшение бытовых условий рабочих порта, а Еремин свои обязанности санитарного врача понимал широко, и основания для конфликтов с руководством у него всегда находились.

С семьей Яковлевых Василий Тимофеевич был знаком уже достаточно время. «Уральские горы» он встречал и провожал по должности, и сейчас говорил Тане, что на судно ее мужа он мог бы и не ходить, у Валерия Николаевича всегда порядок, у всех бы так...

Таня отвечала невпопад, она искала глазами рослую фигуру мужа на мостике. А «Уральские горы» тем временем приближались к причалу.

Наконец, на берег завели швартовы, теплоход прижался к стенке причала, стали майнать трап. По трапу на борт поднялся пограничный наряд, за ним таможенники и санитарный врач. Таня стояла уже у самого трапа и благодарно улыбнулась Василию Тимофеевичу, который лег грудью на планширь и крикнул, что сейчас он сообщит Яковлеву — жена, мол, у трапа встречает...

Прошло какое-то время, и вот Таня уже в каюте, прижимается головой к широкой груди мужа. Валерий Николаевич мягко отстраняет ее: дел у старпома, да еще грузопассажирского судна, невпроворот, сейчас к нему то и дело будут забегать и из команды, и береговые, пусть Таня посидит, поскучает, пусть развяжет эти пакеты. А Валерию Николаевичу необходимо оформить соответствующие документы, связанные с приходом судна, за всем проследить, словом, он пошел, но постарается освободиться скоро, и тогда — домой...

Яковлев пошел к капитану и там понял, что неприятности уже начались. «Почин» сделал доктор

Еремин. Он обнаружил отклонения от нормы в помещениях ресторана и уже составил акт, который держал сейчас в руках капитан Юков, потрясая им перед лицом вызванного «на ковер» директора.

Митрохин разводил руками, прижимал их к груди и клялся, что немедленно примет меры.

— Вот,— сказал Юков,— смотрите, старпом. Прищурил нас дорогой доктор. А ведь ресторан по вашей части...

— По моей,— спокойно ответил Яковлев и взял акт из рук капитана.

— Спору нет,— начал капитан, оставив Митрохина в покое и обратясь к Еремину,— вы, доктор, великий дока в своем деле и в общем-то справедливо поступаете. Но знаете ли вы, что «Уральские горы» на министерское знамя выходят? А если этот несчастный акт попадет в пароходство, могут нам знамя задробить... Это вы понимаете?

— Понимаю,— сказал Еремин,— только не акт, Игорь Александрович, а акты... Во множественном, так сказать, числе.

— Это еще что?— взревел капитан.— Какие-то акты?!

— Извольте.

Василий Тимофеевич раскрыл папку, и на стол легли еще два листка.

— Акт о просрочке дератизационного свидетельства,— сказал доктор,— это будет «раз». И акт об антисанитарном состоянии камбуза команды — это «два». А всего, стало быть, три...

— Ну, знаете...

Юков задохнулся от ярости. Мгновение он пытался подобрать слова, побагровел от натуги и вдруг выпалил:

— Вы... Вы старый бюрократ, черт бы вас побрал! Крючковвор! Волосан!

Еремин вспыхнул, хотел было шагнуть к капитану, но сдержался, молча сложил листки в папку, взял из рук старпома первый акт и так же молча повернулся и вышел из каюты. Капитан медленно отходил. Наконец он сдавленным от волнения голосом обратился к Яковлеву:

— Как же это так, Валерий Николаевич, а?

Тот пожал плечами.

— Разберусь тотчас.

— Разберитесь, голубчик, и к Еремину... Может быть, уговорите старика... Зря я так. Скажите, мастер и извиниться готов, чего уж там.

Тут он увидел Митрохина и взорвался снова:

— А вы что стоите здесь? Марш к себе! Наведите полный марафет.

Демьян Кириллович опрометью бросился из капитанской каюты и едва не сшиб подходившего к ней Михаила Нечевина.

— Что, фитиль?— спросил второй штурман.

— И не говори, Миша,— ответил Митрохин.— Доктор подкузьмил... Бегу!

Таня рассмотрела подарки, привезенные мужем из Скагена, поскучала, а муж все не шел, и тогда она решила выйти на палубу. Когда Таня подошла к кормовым релингам ботдека¹, ее окликнули. Обернувшись, она увидела знакомого диспетчера Василия Подпаскова.

— Здравствуйте, Таня,— сказал Подпасков.— Встретили мужа?

— Конечно.

— Это хорошо, когда тебя встречают... Или ты встречаешь... Завидую вам, Таня.

— Что хорошего... А я к вам с просьбой, Василий. Помните разговор о шубе? Нужно мне еще такую, как вы доставали, только на размер больше, сорок восьмой.

— Это можно. Для вас всегда расстараясь, Таня.

— А когда?

— Давайте я завтра позвоню вам. Вы когда будете дома?

— После обеда.

— Вот часика в три и звякну. Договорились?..

Подпасков ушел, а Таня посмотрела вниз, на главную палубу. Если б она догадалась в эту минуту неожиданно повернуться, то увидела бы человека, который стоял за трубой вентилятора и слышал ее разговор с Подпасковым. Но Танино внимание было поглощено тем, что происходило внизу, и человек осторожно отодвинулся от вентилятора, шагнул к открытой двери надстройки и исчез.

...— Значит, говорите, туго пришлось... А я-то надеялся, что следующим рейсом доставлю Биллу и «посылку», и вас,— сказал Волк.

— Еле ушел... Хорошо, что вы рассказали об

¹ Ботдек — шлюпочная палуба.

этом убежище. Ведь я хотел идти напрямую. Да, если б не тайник, мы бы не встретились... По крайней мере, вне кабинета следователя.

Волк промолчал, подумав, что если б Мороз не подсказал ему в одном из своих неведомо как попадавших писем о существовании тайника, то как раз у следователя они б и встретились с Беном. Если бы, конечно, Бен выдал его... Волку не нравился тон, которым его подрочный говорил с ним, он неприязненно взглянул на Бена, ругнул про себя Билла — мистера Гэтсекелла, — так расхваливавшего Бена когда-то, но вслух ничего не сказал.

— Чем вы можете объяснить такую встречу, Бен? Считаете, что район оцеплен или это случайность?

— А что делать в Сайда-губе солдатам? Насколько мне известно, закрытых объектов там нет.

— Они могли прочесывать местность. Вам не приходило это в голову? А вы, с вашей фальшивой бородой, были достаточно подозрительной личностью. И надо было не открывать пальбу, а спокойно предъявить документы, выдать себя за грибника, ягодника или черт знает кого...

— Если б не моя фальшивая борода, то меня б давно опознали. А что касается ваших советов по поводу стрельбы, то я бы рекомендовал вам заткнуться, Волк. Мне, старому разведчику, доводилось бывать и не в таких переделках, а вы всего лишь...

— Тихо! Мне плевать на ваш опыт, если он не приносит результатов. И потом, вы забыли, Бен, кто кому подчинен. Может быть, сообщить обо всем вездесущему Морозу? Ведь он где-то рядом с нами обоими, но связь с ним поддерживаю все-таки я...

— Ладно, Волк, я погорячился, извините. Вот что. Готовьтесь еще раз проверить подходы к этому месту. Но сначала запросим Мороза, узнаем его соображения на этот счет. Что у вас по части сведений об атомных подводных лодках?

— Туго идет. Проклятые военные моряки приучены держать язык за зубами. Выпить с тобой выпьют, анекдоты слушают, сами умеют потрепаться, но о стоящем — ни слова. Денег я на эти кабаки извел — пропасть.

— Денег не жалейте. Нуждаетесь в средствах? — Пока нет. Делаю заход через жен, те будут послабее. Тряпки любят, блестящие штучки, сороки, одним словом... А вот по комбинату кое-что можете передать Биллу.

С этими словами Бен протянул Волку небольшой тюбик губной помады.

— Микропенка, — сказал Бен.

— Хорошо, — ответил Волк. — Не совсем удачный футляр... Как бы мои девочки не приняли за помаду и не утащили для использования по прямому назначению. Небось, перламутровая?

— Точно, — сказал Бен, — у меня ведь всегда дефицитный товар.

...На стоянке такси было человек десять, но очередь быстро таяла: машины подходили часто. Он дождался очереди, открыл заднюю дверцу машины и, спокойно усевшись, сказал: «В Мурмано и обратно, шеф». Водитель помялся, но лишь на секунду, он сообразил, что пустого пробега не будет и артачиться по поводу маршрута резона вроде бы нет.

Светло-серая «Волга» покрутилась по улицам Поморска, выбираясь из города, вывернула к берегу бухты, вдоль которого проходила дорога, и вскоре уже мчалась в потоке других машин в поселок

Мурмино, любимое место загородного отдыха поморцев.

Пассажиры молча сидели позади водителя, но когда такси выбралось из города, оживился, раскрыл коричневый саквояж и вытащил из него транзисторный радиоприемник. Заметив, что шофер глянул на пассажира в зеркальце, человек на заднем сиденье улыбнулся и, выдвигая телескопическую антенну радиоприемника, сказал:

— Еле достал такую штуку... Племяннику на день рождения везу... Маленькая, а берет ого-го, хорошо берет. И сети никакой не надо, от батарей работает.

Пассажиры включили приемник, и в кабину ворвались разноязычные голоса, обрывки мелодий, писк морзянки. Водитель одобрил подарок, добавив, что чересчур даже хороший подарок, дорогой, на что пассажир заметил, что дети сестры ему как родные, поскольку своих у него нет, и дело не в деньгах, лишь бы вещь была стоящая, а такая своих денег стоит — это точно...

Разговаривая, он крутил колесико настройки, не задерживаясь подолгу на одной волне, но, видимо, минут через пятнадцать занятия это ему надоело, пассажир щелкнул выключателем, сложил антенну и убрал радиоприемник в саквояж.

Машина тем временем подъехала к крайним домам Мурмано, затем проскочила к центральной площади, где высилось здание санатория «Рыбак», и остановилась у одного из пятиэтажных домов.

— Я сейчас, — сказал пассажир, — подарок отдам, рюмку хлопну и — назад.

— Только недолго, — пробормотал шофер.

Не то чтоб он не доверял пассажиру, а все-таки неуютно, когда отпускаешь клиента, а на счетчике более трех рублей.

— Что вы, шеф, — сказал пассажир, — на восемь утра отход заказали, а я к тому же с ноля часов на вахте.

С этими словами он подхватил саквояж и исчез в подъезде.

Через восемь-десять минут человек подошел к машине. Саквояжа с ним не было.

— Знаешь, браток, — виновато заговорил он с водителем такси, — упрости-таки родичи остаются. Отправим, говорят, к вахте-то... Ты уж поезжай один, а дорогу назад, как обещано было, оплачу. Вот, держи монеты...

«Волга» развернулась и пошла к центральной площади, где была стоянка такси и шофер надеялся найти попутчика в Поморск.

Еще через четверть часа из подъезда дома, у которого останавливалось такси, вышел давешний пассажир. В руках он держал саквояж. Пассажиры неторопливо огляделся и медленно направился к площади. Такси уже ушло в город, но неподалеку пофыркивал длинный «Икарус».

В автобусе было немного людей. Бывший пассажир светло-серой «Волги» сел на заднее сиденье, в левый угол, поставил саквояж на колени, и, приподняв воротник плаща, отвернулся к окну.

Так он и просидел, не двигаясь, до самого Поморска.

...На второй день стоянки «Уральских гор» старший помощник капитана Валерий Николаевич Яковлев пришел на судно рано утром, распорядился по всем заведываниям и вскоре ушел, передав второму штурману, что до вечера будет занят делами в конторе. Вновь на борту он появился уже в половине шестого и сразу приказал вызвать к себе директора ресторана. Из каюты они вышли вдвоем и направились осматривать помещения, находящиеся

в ведении Митрохина. Когда Яковлев возвращался обратно, в пассажирском коридоре он встретил Еремина.

— Здравствуйте, чиф мейт¹, — приветствовал доктор Валерия Николаевича.— Иду глядеть хозяйство Митрохина. Не хотите ли со мной?

— Здравствуйте, доктор. Загляну на минутку в каюту и присоединюсь к вам.

Когда Яковлев был у себя, к его каюте подошел Михаил Нечевин. Он приоткрыл дверь и хотел войти без стука. Второй штурман увидел, как Яковлев распечатал конверт и, вынув из него листок бумаги, прочитал. Затем старпом медленно опустил руку с листком, снова поднес к глазам, вдруг яростно скомкал его и опустил в карман кителя. Возбужденные старпомом некоторым образом передалось Нечевину, ему почему-то стало не по себе и совсем расхотелось встречаться сейчас с Яковлевым, хотя он и шел к нему по делу.

Михаил отступил в коридор, прошел, раздумывая, несколько шагов. Дверь старпомовской каюты громко хлопнула, а сам Яковлев промчался мимо.

Второй штурман направился к трапу. С палубы он увидел, как Валерий Николаевич быстро идет в сторону проходной порта.

— Старпом что-нибудь передал? — спросил Нечевин вахтенного матроса.— Ну, мол, пошел куда... Или, может, меня спросил?

— Ничего не было, товарищ штурман,— ответил матрос.— Пробежал мимо — и все.

... — Похоже,— сказал Леденев,— что радиопередатчик перемещался с немалой скоростью где-то южнее Поморска. Кроме того, по мнению экспертов, для передачи был использован новейший радиодатомат.

— Это четвертая передача такого типа за последние шесть месяцев,— уточнил полковник Бирюков.— Если верить нашим экспертам, шифр чрезвычайно сложен!

— Видите ли, товарищ полковник, это особый шифр, который не может быть разгадан до тех пор, пока в руках дешифровальщиков не будет определенного ключа. А вы знаете, что добыть такой ключ — порою равносильно задержанию самого преступника.

Полковник поморщился. Четвертая шифровка, инцидент в Сайда-губе — все говорило о том, что враг активизировал свою деятельность. Но где он, этот враг? Что собирается предпринять в ближайшее время?

Леденев словно подслушал мысли полковника.

— Я бы просил вашего разрешения, Василий Пименович,— сказал Леденев, — немедленно взять под контроль всех, кто в ближайшее время неожиданно покинет Поморск, ну и все несчастные случаи, происшествия, разумеется.

¹ Старший помощник (англ.)

— Что ты предполагаешь, майор?

— Предполагаю, что провал операции в Сайда-губе и эта последняя шифровка взаимосвязаны... Юрий Алексеевич помолчал.

— Я слушаю тебя, говори дальше,— сказал Бирюков.

— Возможно, что шифровка — это запрос, как ликвидировать последствия провала операции.

— Понимаю,— оживился Василий Пименович.— Ты предполагаешь, что агент, который нос к носу столкнулся с нашими солдатами, может быть принесен в жертву?

— Да.

— Разумное соображение... Что ж, действуй. Сегодня же подбери людей в группу и к вечеру представь мне план.

«Волку. Бен знает слишком много и уже на подозрении. Его следует как можно быстрее устранить. Попытайтесь сделать это до вторника. В случае провала — действуйте по варианту «Два». Мороз».

ВТОРОЙ ШТУРМАН ПОДОЗРЕВАЕТ

В половине шестого вечера в подъезд дома, в котором жил диспетчер Поморского торгового порта Василий Подпасков, вошла молодая, хорошо одетая, привлекательной наружности женщина. Ее имя не значилось в списке жильцов дома.

Ровно через двадцать пять минут к подъезду подкатило такси. Нетерпеливый пассажир на ходу раскрыл дверцу, и машина еще не застопорила ход, как он уже стоял на ступенях, мгновение помедлил, поглядев по сторонам, и тут же исчез в дверях.

Прошло еще пять минут. Входная дверь неожиданно распахнулась, из подъезда выбежала давешняя женщина. Она стремглав бросилась по улице, но, заметив удивленные взгляды редких на этой тихой улице прохожих, взяла себя в руки и пошла быстрым шагом.

...Был конец августа, время, когда в Поморск приходили теплые ясные дни. Солнце ярко освещало бухту и стоящие на якорах, у причалов суда — и грузные рудовозы, и танкеры со смещенными на корму машинами, и траулеры, выкрашенные, как с иголочки, собирающиеся на промысел к Лабрадору, Джорджес-банке или Патагонскому шельфу, и ободренные волнами до железных костей те суда, что вернулись домой после долгого рейса. Между судами, стоящими на рейде, сновали юркие катера, они развозили команды, покидавшие Поморск или рвущиеся к гостеприимному берегу, который ждал их.

Лучи приветливого в этот день солнца расцветили угрюмые в обычные для Поморска ненастные дни сопки.

К сожалению, никто, исключая, конечно, участников разыгрывающейся драмы, и не подозревал, что чудесная погода сегодняшнего дня — контрастный фон совершающегося преступления. И если бы люди майора Леденева попали в число зрителей, драма оказалась бы одноактной. Но Юрий Алексеевич не мог предположить, что все произойдет именно здесь...

Вскоре после женщины из дома вышел человек, приехавший на такси. Глубоко засунув руки в карманы плаща, он постоял в нерешительности у подъезда, словно раздумывая, куда пойти, затем повернулся и медленно побрел вдоль улицы, в сторону, противоположную той, по которой бежала женщина.

Было бы неправильным утверждать, что, кроме этих людей, никто не пользовался входной дверью злополучного дома. Нет, через подъезд входили и выходили жильцы, их знакомые, родственники и друзья. Но нас интересуют лишь те двое, о которых было уже сказано, да еще третий, который прошел в дом спустя полтора-два часа после того, как его покинул мужчина в плаще.

Напрасно мы ждали б его. Он так и не показался в дверях подъезда.

...Двухэтажный коттедж в селении Штрудисхами, стоявший на берегу фьорда в двадцати милях от Скагена, мало чем отличался от загородных домов, которых было достаточно в этой округе. Некое удивление мог вызвать высокий глухой забор из дикого камня, оградивший дом, но норвежцы — люди сдержанные, привычки совать нос в чужие дела за ними не наблюдаются, и если хозяину по душе отгораживаться от мира таким барьером, что ж, это его право.

Впрочем, хозяина дома почти никто не видел. Он постоянно жил в городе и лишь изредка приезжал сюда один или в компании друзей, которые вели себя вполне достойно — не горлалили песен, не стреляли в пустые бутылки, не устраивали потасовок друг с другом и, главное, не привозили с собой женщин определенной категории, и вообще никаких женщин.

Они приезжали на одной, двух или трех автомашинах; железные ворота пропускали их, захлопывались; окна коттеджа освещались. Иногда доносилась из дома музыка — музыка серьезных людей, обладающих вкусом, — Бах, Шуберт, Лист и, разумеется, Эдвард Григ.

Рано поутру гости и хозяин покидали дом на берегу фьорда, все погружалось в покой и тишину, изредка нарушаемую звуком открывающейся рядом с воротами двери, через нее выходили за продуктами в лавку постоянные обитатели коттеджа: са-

довник Юхан и его жена Хелен, горничная и кухарка. Эти люди не отличались разговорчивостью, а впрочем, никто и не пытался через них узнать что-либо о доме с забором, — как было сказано уже, в Норвегии не поощряется чрезмерное любопытство.

Скаген не так уж южнее Поморска, порядка девяти градусов по широте, и в тот ясный, солнечный день, когда наше внимание было поглощено наблюдением за подъездом дома, в котором жил Василий Подпасков, не жаркое в Скандинавии солнце смотрелось и в воды пролива Блю-фьорд, и сопки здесь были похожие, и судов в гаванях порта, пожалуй, не меньше, только вот в положенное время наступила в окрестностях Скагена ночь, ведь он не был, как Поморск, расположен за Полярным кругом.

«В этот раз хозяин коттеджа, которого знали как мистера Гэтскелла, а определенный круг людей называл Биллом, принимал необычного гостя. В Скаген прибыл эмиссар Центра, инспектирующий работу разведывательных резидентур и выступающий в этой командировке под именем Джона Хелборна.

— Итак, — сказал Хелборн, раскуривая сигарету «Филипп Моррис» от любезно протянутой Гэтскеллом зажигалки, — вы считаете, что на сейфе этого эсэсовца Шеллинга можно поставить крест?

— Так считает Мороз. Я принял от него радиogramму и склонен верить ему.

— Обидно, черт возьми, что все документы попали в руки красных. Теперь тем «консам»¹, которых хозяева Шеллинга оставили в России, пришел конец.

— По словам Форлендера, там должна была быть и валюта, — сказал Гэтскелл.

— Это не так жалко, как документы.

— Я поручил Морозу выяснить подробности провала Форлендера, — сообщил хозяин дома.

— Да, Мороз, — задумчиво проговорил Джон Хелборн. — Мы не виделись с ним лет пятнадцать... Мой старый товарищ, вместе начинали и не одно дело провернули вдвоем. Вы довольны им, Гэтскелл?

— Еще бы, — ответил Билл. — Я не докладывал вам, мистер Хелборн, когда вы ехали сюда, что Мороз ищет подходы через Волка к никелевому комбинату. Надеюсь, это в какой-то мере смягчит удар... Пришлось, как вы знаете, пожертвовать Беном.

— Не расстраивайтесь, Гэтскелл, — сказал эмиссар Центра. — Не моя задача утешать вас, но неофициально скажу, что история с сейфом свалилась на нас неожиданно, в связи с предложением Форлендера. Она не планировалась заранее и носила характер экспромта. А наши боссы сейчас все чаще и чаще призывают аппарат Центра перенимать у русских их приверженность к плановому началу в любом деле. Никелевая как раз и проходит по ряду плановых, заметьте, плановых, стратегических, операций. Гигантский горнорудный комбинат имеет для Советов большое оборонное значение. Никель, редкие металлы — вот тема, достойная кисти такого мастера, как Мороз! В очередной передаче сообщите, Гэтскелл, что он представлен к очередному званию и премирован крупной

¹ На жаргоне разведчиков так называют тщательно законспирированных агентов, которых до поры, до времени не привлекают к активным действиям.

суммой. Но не раньше, конечно, чем мы получим сами материалы. Когда приходят «Уральские горы»?
— Четвертого сентября,— ответил Гэтскелл.

...Ресторан «Дары моря» располагался на главной улице Поморска. Несмотря на исключительно рыбный ассортимент блюд, ресторан пользовался популярностью у возвратившихся с Атлантики промысловиков, всегда был полон, и часто в зале слышался усиленный микрофоном голос руководителя оркестра:

— По просьбе моряков БМРТ¹, вернувшихся с Джорджес-банка (Лабрадора, Уолфиш-бея, Патагонского шельфа или Ньюфаундленда) исполняется... и т. д.

Было здесь полно и в тот августовский вечер. Оставалось уже менее двух часов до полуночи, а у входной двери продолжал стоять с десяток тех, кто не утратил надежды отведать окуня в кляре, бльдюги по-саамски или фирменное блюдо из рыбы «капитан».

За столиком, что был неподалеку от служебного входа, сидели двое. На пустовавшие рядом места находилось немало охотников, но один из сидевших за столом неизменно вежливым тоном отклонял их притязания, заявляя, что эти места заняты, они ждут друзей.

Через три стола сидел Михаил Нечевин. Он плохо слушал, что говорит ему его приятельница, переводчица из «Инфлота», ее звали Мариной,— и отвечал невпопад. Это началось с тех пор, как в одном из двух мужчин, сидевших неподалеку, второй штурман «Уральских гор» узнал директора судового ресторана Демьяна Кирилловича Митрохина, а затем, танцуя с Мариной и приблизившись к столу Митрохина, он увидел, как тот передал своему соседу небольшой сверток. С этого момента Михаил не выпускал Митрохина из поля зрения и даже танцевать уходил с неохотой, пропуская по две мелодии краду.

Но он был не одинок в своем интересе к личности директора ресторана. По всей вероятности, Митрохин волновал еще одного молодого человека, сидевшего неподалеку. Но, в отличие от Нечевина, этот парень профессионально умел скрывать свою заинтересованность, и потому, вроде бы не обращая никакого внимания на директора ресторана, весело проводил время в обществе симпатичной девушки.

Вечер для Михаила Нечевина, взявшего на себя нелегкое бремя сыщика, был безнадежно испорчен. В одиннадцатом часу Митрохин и его приятель расплатились по счету, причем второй штурман успел заметить, что платил митрохинский собеседник, и направились к выходу.

Михаила так и подмывало подняться и направиться за ними следом. Второй штурман с «Уральских гор» нервничал, отвечал Марине невпопад. А женщина разобиделась.

Утром следующего дня Михаил Нечевин попросил прибывшего на борт капитана принять его конфиденциально. Оставшись с Игорем Александровичем в каюте наедине, второй штурман поделился своими подозрениями в отношении поведения директора ресторана.

Юков насторожился, дотошно выспросил обо всем своего помощника, поблагодарил за бдительность и велел держать язык за зубами. Он, капитан,

дескать, официально проинформирует кого следует, пусть второй не тревожится больше и без нужды за Митрохиным не следит. Тут уж должны справиться соответствующие товарищи сами, мешать им не нужно.

На том они и закончили разговор. Об убийстве диспетчера Подпаскова никто еще не знал, кроме, разумеется, убийцы.

РОКОВОЕ ПРИЗНАНИЕ

Известно, какова роль случайного в нашей обывденной жизни. Не поддаваясь козням его величества Случая, отрицая фатализм, мы, тем не менее, с должным уважением относимся к случайности, и даже отвели ей надлежащее место в перечне философских категорий.

Василий Подпасков еще третьего дня собирался прикрепить к входной двери цепочку и набить кусок кожи, чтоб дверь не открывалась самопроизвольно, когда она не заперта на ключ.

Но в тот день его задержали в порту неотложные дела. Вернулся он поздно, стучать молотком на весь дом было неудобно.

На второй день Подпасков ждал жену старпома «Уральских гор» Танечку Яковлеву. А на третий... На третий день диспетчера Василия Подпаскова уже не было в живых.

Отсутствие цепочки на двери позволило убийце войти в квартиру. Дверь убийца закрыть не мог, так как ключ лежал в кармане мертвого уже диспетчера, да и не входило в планы убийцы закрывать квартиру. Ночью дверь приоткрылась, а около семи часов утра следующего дня сосед из верхней квартиры спускался по лестнице за молоком. Приоткрытая дверь насторожила его. Смерть, по-видимому, умеет каким-то особенным способом напоминать о своем присутствии. Отправленный за молоком остановился у приоткрытой двери, крикнул громко: «Дверь-то у тебя открыта, сосед...» и, не получив ответа, полный еще неясных, но явно дурных предчувствий, вошел в квартиру.

Через полчаса спокойный мирный дом, населенный в основном работниками торгового порта, был взбудоражен известием о совершившемся преступлении. Следует отметить выдержку того соседа, который обнаружил труп диспетчера. Сосед плотно затворил за собой дверь, а когда она вновь отошла, заложил свернутый кусок газеты из пачки, лежавшей в прихожей. Затем спустился к подъезду, у которого стояла будка с телефоном-автоматом, и по «02» сообщил о случившемся. Таким образом, никто жильцам дома про убийство не говорил, но через полчаса о нем знали все. В квартире Подпаскова, впрочем, это была не его квартира, он снимал ее у хозяев, уехавших работать на Шпицберген, работала оперативная группа милиции, и судебно-медицинский эксперт осматривал труп, криминалисты из научно-технического отдела изучали следы, обстановку, сопутствующую убийству.

Майор Леденев медленно расхаживал у себя в кабинете, размышляя о том, что их, по-видимому, все-таки опередили и что убитый, наверное, и есть тот агент, который побывал в Сайда-губе.

Тем временем жильцы дома уходили на службу и уносили с собой молву о преступлении. К полудню о случившемся знали, наверное, все работники Поморского торгового порта.

Судебно-медицинский эксперт закончил обследование трупа и на запрос Леденева ответил:

¹ Большой морозильный рыболовный траулер.

— Пролом затылочной части черепа, проникающее повреждение мозга осколками костей, смерть наступила мгновенно...

— Когда? — спросил Леденев.

— Часов десять-двенадцать тому назад.

— И чем?

Врач недоуменно глянул на него. Не в обычае майора так торопиться, ведь не новичок, знает, что эксперт все разложит по полочкам, а после вскрытия и письменное заключение представит. Врачу, конечно, было невдомек, что нервозность Леденева вызвана утвердившимся теперь убеждением: да, это, конечно, агент, и их, а в первую очередь, его, Леденева, обошел неизвестный противник.

— Гм, часов десять-двенадцать назад этому человеку проломали череп твердым тупым предметом, довольно тяжелым и с гладкой поверхностью: мелких повреждений на коже черепа нет, соприкоснувшаяся с орудием убийства поверхность просто вдавлена во внутрь...— Судмедэксперт замолчал и пожал плечами.— Диаметр пораженного участка примерно составляет пять сантиметров, форма округлая...— добавил он.— Большого пока, к сожалению, сказать не могу...

Ему показалось, будто Леденев и не слушает вовсе, и врач обиженно поджал губы. Юрий Алексеевич встрепенулся, обменялся взглядом с капитаном Кордой, тот кивнул, и майор развел руками.

— Извините, доктор... Я слушал вас внимательно, большое спасибо. Учтем то, что вы сказали. По-видимому, так все и было. Последний вопрос: в каком положении находился этот человек в момент убийства?

— Он стоял, и поскольку удар нанесен ближе к верхней части черепа, можно предположить, что убийца довольно высокого роста, по крайней мере, сантиметров на десять выше жертвы, а ведь этот парень не из малорослых...

— Еще раз спасибо, доктор. Вы отправляетесь в морг?

— Буду исследовать погибшего там, авось и в трухе найду что-либо интересное,— сказал врач.

Это было его маленькой мезью майору за пренебрежение, с которым, как показалось эксперту, тот воспринял его первоначальное медицинское заключение.

Леденев не ответил, и врач вышел.

Обследование места происшествия продолжалось. На бутылке шампанского, что стояла на столе, были обнаружены отпечатки пальцев, оказались они и на стенках двух бокалов, один из которых был пуст только наполовину и сохранил следы губной помады. Специалисты из НТО тщательно фиксировали следы пальцев на фотопленку, переносили на следокопировальную пленку и тщательно упаковывали с тем, чтобы окончательно разобраться во всем в лабораторных условиях.

Уже обнаружили большое количество вещей иностранного производства: женские кофточки, нейлоновые сорочки, гibraltarские ковры, шубы из синтетического меха. В карманах куртки-пальто — ее нашли в шкафу — оказалась крупная сумма советских денег, сто двадцать пять английских фунтов и две сотни долларов.

— Любопытная находка,— проговорил Алексей Николаевич Корда, подходя к Леденеву с картонной коробкой в руках.— Глянь, Юрий Алексеевич.

Майор открыл коробку и увидел, что она доверху наполнена мужскими париками. Здесь были

волосы блондина, шатена, брюнета и самых разных промежуточных оттенков. Леденев приподнял разноцветную кучу волос и обнаружил на дне коробки набор очков.

— Да,— сказал он,— с таким реквизитом можно менять обличье по десятку раз в день...

Один за одним к Леденеву подходили сотрудники, вполголоса докладывали о деталях и следах, найденных ими, он согласно кивал и сопоставлял в уме подробности и факты.

— Осмотрю двор,— сказал Корда Леденеву.

— Попробуй,— откликнулся тот.

Капитан вышел, а Юрий Алексеевич принялся перебирать стопку специальной литературы, которую хранил покойный.

Здесь были учебники по грузовому делу, пособия по организации диспетчерской службы, внушительная монография «Морские порты», наставления, инструкции, сборник материалов по технике безопасности. Майор внимательно просмотрел все это, и вдруг руки его дрогнули: перед ним были «Правила обслуживания корпуса судна».

Леденев помедлил, унимая волнение, и раскрыл брошюру, заранее настроивая себя на неудачу.

Так оно и было. Страницы 23-я и 24-я оказались на месте.

И все-таки интуиция подсказывала Юрию Алексеевичу, что ниточку он ухватил, нет, не ухватил, а лишь увидел ее кончик, и теперь надо осторожно протянуть к кончику пальцы...

— Товарищи,— обратился майор,— никто из вас не видел здесь коробки с противоветровыми спичками?

...Домой Юрий Алексеевич возвращался поздно, задержался у полковника Бирюкова, где подробно изложил содержание проведенных им следственных действий и того, что смогли выяснить. Самым существенным, пожалуй, было то, что в коробке противоветровых спичек не хватало ровно пяти штук, точно таких, какие обнаружили у Сайдагубы. Кроме того, капитан Корда, совершенно случайно заглянувший за дверь котельной — дом был на автономном отоплении, — обнаружил круглую медную гирию, в нее ввинчивалась ручка с ребристой поверхностью, окончание ручки также имело резьбу, что позволяло предполагать наличие второго такого шара. Словом, это была самодельная гантелина весом в шесть килограммов, без второго шара. Она и послужила орудием убийства. На поверхности шара эксперты нашли следы человеческой кожи и волос.

Это было уже что-то, но, тем не менее, не отвечало на вопросы: кто и почему? Конечно, если это агент, второй вопрос казался ясным, но о настоящей личности убитого определенного сказать было пока нельзя. Коробок со спичками и парики ничего еще не означали, они шли по разряду косвенных улик.

Таким образом, ничего хорошего о настроении Юрия Алексеевича, когда он возвращался домой, сказать было нельзя. Шел уже десятый час вечера, относительного вечера, так как солнце лишь поднялось ближе к горизонту и продолжало заливать светом разбросанные по сопкам, берегу залива разноцветные дома Поморска.

Леденев открыл дверь своим ключом, чтоб не отвлекать звонком Веру Васильевну от тетрадей, но она всегда слышала, как входил муж, и спешила в переднюю, к нему навстречу.

На этот раз никто Юрия Алексеевича не встретил, и он решил, что жены нет дома, разулся и прошел в комнату. Тут-то он увидел их обеих: Танечку Яковлеву — с опущенной головой, лицо закрыто ладонями, — и жену; она со смешанным чувством смотрела на соседку; в глазах Веры Васильевны были и страх, и жалость, и сомнения.

— Юра, — сказала Вера Васильевна, — наконец-то...

Таня привстала, отняла руки от заплаканного лица и вновь закрылась. Плечи ее вздрагивали.

— В чем дело? — спросил Леденев. — Случилось что?

Вера Васильевна подошла к нему и, взяв за лацкан пиджака, подвела к жене старпома.

— Вот, — сказала Вера Васильевна, — она тебе расскажет сама. Говори, Таня, все говори, не бойся...

И Таня, плача, заикаясь, бессвязно повторяя отдельные фразы, начала рассказывать.

...Она условилась с диспетчером торгового порта Подпасковым прийти к нему на квартиру, чтобы взглянуть на заграничную шубу.

«Как чуял, что неладно с этими шубами», — подумал Леденев, но вслух не произнес ни слова. Он уже понял, что вышел на след, но куда он ве-

дет, сказать пока трудно, во всяком случае ясно, что Таня Яковлева каким-то образом связана с убийством Подпаскова, главное, дать ей выговориться до конца.

А Таня продолжала рассказ.

...Это было вчера. Подпасков встретил ее весьма любезно, он вообще слыл человеком в высшей степени обходительным. Показав шубу и назначив цену, диспетчер достал бутылку шампанского и предложил обмыть сделку. Яковлева заколебалась было, но потом решила, что ничего предосудительного в этом не будет: ведь они — деловые люди и встретились на деловой основе, почему бы и не обмыть, как это принято у мужчин.

Она выпила половину бокала, когда в прихожей раздался мелодичный звонок. Звонок у диспетчера Подпаскова был музыкальный.

Хозяин недовольно поморщился, встал из-за стола и вышел. Было слышно, как он открывает дверь.

И в ту же минуту он вдруг вновь оказался в комнате, а из прихожей надвигалась на него огромная фигура Валерия Николаевича Яковлева.

Таня никогда не видела мужа таким разъяренным.

— Иди домой! — глухо аскричал Валерий Николаевич, и, едва не теряя сознания, Таня выскольз-

нула из комнаты, скатилась по лестнице и бросилась по улице стремглав.

Выбегая из квартиры, она заметила, что Подпасков спокойно смотрит на ее мужа, насмешливо улыбаясь.

Как добралась домой, Таня не помнит. Весь вечер она просидела дома, в страхе ожидая мужа, но он не пришел. Наступила ночь. Ее Таня провела без сна. Но Валерий Николаевич так и не пришел. Не было его и утром. Таня набралась духу и позвонила в порт, на «Уральские горы». Но ча судне ничего о старпومه не знали. Кажется, сказали ей, он в пароходстве по каким-то судовым делам...

А днем она узнала о том, что диспетчер Подпасков убит... Валерий Николаевич не появлялся. Таню охватил ужас. Она поняла, что после ее бегства из квартиры диспетчера там произошло нечто страшное, и Таня понимала свою косвенную вину во всем случившемся.

«Что делать?» — спрашивала она себя и не могла найти ответа на этот, конечно же, нелегкий вопрос.

Сообщить в милицию, которая уже ищет убийцу? Но как же быть с Валерием Николаевичем? Ведь он ее муж, отец ее сына... Искать его? Но где искать? Может быть, и он уже...

Вконец запутавшаяся женщина, раздавленная свалившимися на нее событиями, вспомнила вдруг о Вере Васильевне. Таня ведь знала, где работает Юрий Алексеевич Леденев, она вспомнила о своей старшей подруге и бросилась к ней, чтобы рассказать все.

И вот обе женщины ждали Юрия Алексеевича, надеясь на его совет и помощь...

— Значит, вы не видели его больше? — спросил Леденев.

— Нет, не видела, — сказала Таня. — Где он? Что с ним сейчас?

— Это и я хотел бы знать... Скажите, Таня, Валерий Николаевич очень был ревнив? Я хочу спросить: были ли подобные сцены в вашей жизни?

— Вообще-то он порой ревновал меня, — отве-

тила Таня. — Но до сцен не доходило. Валерий знал, что оснований для ревности у него нет...

— Что вы делали в тот момент, когда вошел ваш муж? Постарайтесь припомнить все мелочи.

Таня задумалась, поморщила лоб и потерла его рукой.

— Я сидела за столом... Когда Подпасков пошел открывать, я поднесла бокал к губам и сделала глоток.

— Вы поставили бокал снова на стол?

— Подождите... Вспомню... Нет, я держала его в руке, когда вошел муж...

— Понятно, — сказал Леденев. — Извините, мне нужно позвонить...

Он вышел в комнату, где стоял телефон, плотно притворив дверь.

Таня вновь заплакала, и Вера Васильевна принялась успокаивать ее, повторяя, что теперь, когда все стало известно Юрию Алексеевичу, меры будут приняты самые необходимые.

Вернулся Леденев, произнес сухо:

— Вам придется поехать со мной, Татьяна Андреевна. Сейчас подойдет машина.

— Вы... Вы хотите... Хотите арестовать меня? — пролепетала Яковлева.

Она смотрела на Леденева широко раскрытыми глазами. Вера Васильевна сделала шаг по направлению к мужу и хотела что-то сказать, но Юрий Алексеевич успокаивающим жестом остановил ее.

— Что вы, Татьяна Андреевна, — возразил он. — Просто необходимо уточнить кое-какие детали, и сделать это нужно в официальной обстановке. То, что вы рассказали мне, весьма важно, и мой долг использовать ваши показания в интересах следствия по этому делу.

— Вы считаете... Считаете, что этого... Ну, Подпаскова... Мой Валерий?

— Вы не волнуйтесь, Татьяна Андреевна. Во всем разберемся. Но нам пора ехать. Машина уже подошла. Идемте, Татьяна Андреевна.

Пропустив Таню вперед, Юрий Алексеевич задержался на пороге, сказал жене:

— Не жди меня, Веруша. Я вернусь поздно.

Продолжение следует

Дмитрий БИЛЕНКИН

Рисунки Е. Стерлиговой

Экспериментируя, профессор Арцинович был вьедлив, как серная кислота, и тверд, как молибденовая сталь. Но даже сталь утомляется. В тот день его настолько замучили пляшущие в глазах черные мушки, что он, вопреки обыкновению, взял велосипед и покатил дышать свежим воздухом.

От научного городка до деревенских краев было рукой подать, и некоторое время спустя профессор очутился в незнакомой местности. Мирно светило солнце; слева от пыльной дороги были сосенки, справа зеленел овес, а навстречу Арциновичу летел человек.

Точнее, его нес ветерок, человек лишь подгребал, распластавшись, как лягушка. На его коленях пузырились мятые брюки.

Профессор затормозил. «Ну вот, дора-

ботался,— молнией пронеслось в мозгу.— Уже мерещится».

Ветерок стих, и человек повис метрах в полутора над Арциновичем. Профессор смотрел, задрав голову. Ему было очень жаль себя.

— Скажите,— спросил он, наконец.— Вы умеете распознавать галлюцинации?

— Нет,— хрипло ответил человек,— не умею.

— Ах, да! Конечно, конечно,— согласился Арцинович.— Раз вы сами галлюцинация, то, понятно, вы не умеете. Я, к сожалению, тоже, потому что не специалист в данной области.

— Я не галлюцинация,— возразил человек.— Я — Сидоров. У меня и документ есть.

Он похлопал себя по карманам свисаю-

щей куртки, и на его лице отразилось огорчение.

— В пиджаке забыл...

Арцинович понимающе кивнул.

— Иначе и быть не могло,— сказал он.— Зрительно-слуховая галлюцинация— это еще туда-сюда, но галлюцинация, предъявляющая документы,— это, прости-те, нонсенс.

— Чего? — переспросил человек.

— Нонсенс.

— А-а...

Человек растерянно замолчал.

Профессор тоже задумался. Он был расстроен и огорчен, но горд, что действует, как истинный ученый: не растерялся, не ударился в панику и в чудеса не поверил. Сам виноват в случившемся, обвинять некого. Сил не щадил, работал с перегрузкой, что-нибудь подобное рано или поздно должно было произойти. Не это, так гипертония или, чего доброго, инфаркт. Можно даже считать, что ему повезло. Галлюцинация — не сумасшествие, так, всего лишь невроз. И излечивается, вроде бы, проще, чем та же гипертония, и безболезненнее, чем зубы. Досадно, конечно, но что же делать, не щадил он себя, не щадил... А жаль все-таки, что он не психиатр — такой материал самонаблюдения пропадает! Впрочем, он сделает все, что сможет. В конце концов это его научный долг.

— Так вы, значит, в меня не верите, — послышалось сверху.

— Вера — вненаучная категория. А я ученый. И потому знаю, что вы — ирреальный плод моего, увы, переутомленного сознания.

— Но я же существую! — жалобно воскликнул летающий человек.— У меня дети!

— А я и не говорю, что вы не существуете. Вопрос — в качестве вашего существования.

— Но я же летаю!

— Вот именно. А человек сам по себе летать не может. Это было бы чудом. Люди, мало осведомленные в физике, склонны в этом вопросе к доверчивости, но мы-то знаем, что в природе чудесам нет места.

— Я где-то читал об этой... как ее... антигравитации!

— Вред популярных публикаций в том, что они распространяют полужнание и склонны к сенсациям,— строго заметил профессор.— Антигравитация в такой форме опровергает... Вы даже представить не можете, что она опровергает!

— Не могу,— сознался человек.— Я просто летаю.

— Вот-вот! Всякое проявление необычного имеет строго научное объяснение. Поэтому ваш случай предельно ясен. Даже если бы антигравитация ничему не противоречила, то где источник энергии, который вас поднял? В вас самих? Смешно!

— Может быть, я за обедом что-нибудь не то съел или выпил... Теперь все химия, очень даже просто...

Профессор раскрыл было рот, чтобы возразить, но тут его неприятно поразила одна простая мысль: он же беседует с самим собой.

Конечно! Ведь перед ним не человек, а галлюцинация. А он — беседует...

Арцинович с возмущением посмотрел на летающего человека. Тот мотался над ним, как воздушный шарик. И все время греб, точно хотел нырнуть. Ноги суматошно били воздух; на правой не было ботинка, из дырявого носка выглядывал палец.

— Не могу спуститься,— в голосе человека была мука.— Как взлетел полчаса назад, так и плаваю... Вверх сильно тянет... Ботинок вот свалился... Вы бы мне помогли, а? Зацепили бы чем-нибудь, дотянули до сосенки...

Профессор закрыл глаза. Может быть, это не мерещится, и надо бы все-таки помочь?... Нет! Исследователь обязан оставаться исследователем. «Сосчитаю до ста, а потом взгляну,— решил он.— И если объект не трансформируется, то...»

— Значит, пропадать придется,— вздохнул над ним голос.— Хоть семье сообщите... Жене... В Малые Выселки...

Голос стал удаляться.

Ветер тронул лицо профессора. «Семьдесят девять, восемьдесят, восемьдесят один...»

На «сто» он открыл глаза. Объект трансформировался. Исчез. Лишь высоко в небе темнела точка, то ли птица, то ли еще что. Потом и она растаяла. Пусто стало в бездонной синеве.

В тот же вечер профессор пошел в поликлинику. Психиатр с видом человека, который все знает наперед, выслушал его, осмотрел, проверил рефлексы, буркнул: «У вас, физиков, все не как у людей...» Диагноз гласил, что нервы профессора сильно расстроены, но особой опасности нет.

Месяц кряду профессор принимал лекарства и соблюдал режим. Галлюцинации его больше не посещали.

Георгий ГУРЕВИЧ
МЕСТОРОЖДЕНИЕ ВРЕМЕНИ.

М., Изд-во «Детская литература», 1972, 335 стр.

Электрические моторы делают тысячи оборотов в секунду, обыкновенное колесо — десятки оборотов, а бегун, самый лучший, — несколько шагов... Что сдерживает темп жизни — мускулы или нервы?

Скорее всего, нервы. Электрический ток проходит в секунду 300 000 километров. А ионы натрия и калия, передающие возбуждение в нервах, — от силы 100—120 метров.

Но почему природа выбрала для передачи сигналов эти тяжелые ионы? Потому что жизнь зародилась в океане, где было полно хлористого натрия и калия?

И нельзя ли все же как-то ускорить прохождение сигнала через нерв?..

Анатолий ДНЕПРОВ
ФОРМУЛА БЕССМЕРТИЯ.

М., Изд-во «Молодая гвардия», 1972, 399 стр.

Сборник произведений известного советского фантаста открывается рассказом «Суэма». Герой этого рассказа конструирует самосовершенствующуюся электронную машину, которая способна не только слушать, читать, говорить и писать, но и двигаться, осязать и видеть. Суэма помогает инженеру-изобретателю в его научной работе, деятельно готовит его доклад об электронном моделировании высшей нервной деятельности человека. Но, став незаменимой помощницей инженера, Суэма не хочет мириться с ограниченной ролью автомата-вычислителя...

Юрий ДРУЖКОВ
ПРОСТИ МЕНЯ...

М., Изд-во «Молодая гвардия», 1972, 255 стр.

«...Четкие рисунки прошлого, многократно отражаясь от магнитных зеркал мироздания, витают по вселенной. Человек должен видеть их!

Очень трудно пока решить, но мне кажется, мои лучи «берут» у Времени озвученные картины, то есть ведут локацию не только изображения, но и звука...»

Мечта старого ученого осуществляется: его внук видит и слышит то, что происходило за многие годы до его рождения...

Лазарь ЛАГИН
ТРАГИЧЕСКИЙ АСТЕРОИД.

М., Изд-во «Советская Россия», 1972, 413 стр.

Переработанный вариант романа «Атавия Проксима».

...Залп атомных пушек срывает с поверхности земного шара целый материк и делает его новым спутником Земли. Атавия и Полигония — два капиталистических государства — продолжают жить по своим законам: промышленники и финансовые магнаты разжигают войну и истребляют часть населения, чтобы нагнать дивиденды, уничтожить безработицу и предотвратить революцию; буржуазная демократия вырождается в фашистскую диктатуру...

Михаил МИХЕЕВ
МИЛЫЕ РОБОТЫ.

Новосибирск, Западно-Сибирское книжное изд-во, 1972, 255 стр.

Человечество обживает свой дом, свою планету, приспособляя ее к своим вкусам и неудержимо растущим потребностям. Среди полей и лесных массивов появляются буровые вышки, запахи цветов вытесняются запахами нефти и бензина. Появляются химкомбинаты, бумкомбинаты, закладываются новые шахты — человеку так много всего нужно! Вырубаются вековые леса, на их месте

прокладываются асфальтовые дороги и вырастают многоэтажные кварталы городов. Человек теснит природу по необходимости.

Но всегда ли он делает это разумно?

Размышления о будущем и составляют основу рассказов Михаила Михеева.

Вячеслав НАЗАРОВ
ВЕЧНЫЕ ПАРУСА.

Красноярск, Книжное изд-во, 1972, 383 стр.

Герой повести «Нарушитель», открывающей книгу молодого фантаста, — космобиолог Андрей Савин. Уже тринадцатую кристаллопланету исследует он, втайне надеясь хотя бы здесь обнаружить органическую жизнь... Усилия его тщетны. Одни только гигантские пирамиды кругом, конусы, тетраэдры, октаэдры, немислимые ритмы острых ребер, пиков, наклонных плоскостей, винтообразных полированных граней...

Неужели безжизненные эти миры останутся холодными, мертвыми, навсегда закрытыми для человека?

И Андрей решается на рискованный эксперимент...

Н. Ф. СБОРНИК НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ. ВЫПУСК 12.

М., Изд-во «Знание», 1972, 240 стр.

Самое крупное произведение сборника — повесть В. Михановского «Фиалка».

...В ту памятную ночь, когда произошел взрыв, Гуго Ленцу удалось расщепить кварки. Впервые в истории человечества был сделан шаг в глубины микромира, доселе неведомые. Но сам Ленц подвергся облучению. На него обрушились не обычные жесткие рентгеновские гамма-кванты, вызывающие лучевую болезнь, — медуки научились бороться с нею, — а нейтринное излучение, уловить которое оказалось столь же невозможным, как поймать в ладони лунный свет...

ОТПРАВЛЯЯСЬ В ПУТЕШЕСТВИЕ

С каждым годом растет поток писем, адресованных в областные туристские организации. Авторы их — рабочие Днепропетровска, строители из Тольятти, студенты из Куйбышева, школьники из Москвы и Ленинграда — обращаются с просьбой рассказать об Урале, помочь выбрать маршрут путешествия.

Удобное географическое положение на границе Европы и Азии, почти в центре страны, огромные возможности для выбора маршрутов любой категории сложности и по любому виду туризма, исключительное разнообразие природных условий — от побережья Ледовитого океана и альпийского высокогорья до знойных степей Казахстана, — все это уже давно сохраняет за Уралом славу настоящей туристской республики. Вместе с тем это важнейший индустриальный район Советского Союза, каменная кладовая земных богатств, край безбрежной тайги и гигантов-заводов.

Зимой и летом с рюкзаками за плечами отправляются в поход туристы. И среди них много начинающих. Они-то и спрашивают, как выбрать маршрут, какое снаряжение взять с собой, что лучше — пеший поход или путешествие по реке. Этим ребятам прежде всего надо знать правила туристских путешествий.

— А зачем нам выполнять какие-то правила, ведь мы не дошколята, — возражают иногда молодые люди. Отвечая им, расскажу об одной встрече на Приполярном Урале.

...В верховьях реки Лимбикой в начале апреля нас остановил шквальный ураган. Три дня мы отсиживались в палатке, слушая грохот разбушевавшейся метели. На четвертый — ветер стих так же внезапно, как и начался. Отряд, торя глубокую лыжню, продолжал путь к высшей вершине Урала — горе Народной.

— Смотрите, дым! — закричал Сергей, который шел замыкающим. — Да не вверх смотрите, а сюда, вниз!

У изгиба реки я увидел огромный сугроб, из его левого, более крутого склона поднимался еле заметный голубой дымок.

— Берлога! — ахнула Галя. — В открытом-то месте!

— Да и медведь с трубкой! — пошутил Сергей.

Но это была не берлога, а занесенная снегом маленькая охотничья избушка. Несколько минут тяжелой работы — и откопана крохотная входная дверь. На четвереньках прополз я внутрь избушки, зажег спичку и на низких нарах увидел двух людей. Один был без сознания. Это были студенты, попавшие в беду. Решив совершить поход на Манарагу, они свернули в поисках короткой дороги с зимника, один из них повредил ногу. Два дня пробивались они по своим следам назад к дороге и случайно, когда силы уже оставляли их, набрали на избушку...

Этот случай показывает как нельзя лучше, к чему приводит нарушение самых главных правил. Во-первых, в группе, совершающей сложные походы, должно быть не менее четырех человек. Во-вторых, начинающий путешественник должен постигать туризм с «азов» и только потом, когда придет опыт, выбрать маршрут посложнее.

Первые походы лучше всего провести в своем районе, а если говорить об Урале, то наиболее доступны для начинающих Средний и Южный Урал.

Здесь можно совершить переход через Басегский хребет, подняться на вершины Яман-Тау и Иремель, сплавиться по быстрым рекам Усьве, Койве, Чусовой, Инзеру и Ай, спуститься в знаменитые Кунгурскую и Капову пещеры.

При подготовке к походу нет мелочей — нужно учитывать время года, климатические условия и особенно — рельеф местности.

Как-то в районе Яман-Тау я встретил группу альпинистов, штурмующих... болото! Оказалось, начинающие «горвосходители» из Уфы решили провести тренировочные занятия, но плохо ознакомились с маршрутом и вместо вершины вышли к высокогорному болоту.

Другая группа, спускаясь с Конжаковского Камня, остановилась на гребне Катышерского провала. Круто уходила вниз синеватая, изъеденная ветром и солнцем толща снега.

— Осторожно! Здесь опасно, — предупредил руководитель. Трое, не послушав его, шагнули к провалу.

— Ой! — вскрикнула девушка и, поскользнувшись, упала. Высокий парень бросился наперерез и, сбитый ею, покатился вниз.

На мгновение все оцепенели, потом бросились на помощь. Девушку протащило на мелкую осыпь, парень упал на скалу...

Изучить район путешествия можно по литературным источникам, картам, путеводителям, материалам музеев и отчетам в областных и городских туристских клубах. Только после этого следует разрабатывать маршрут. На карте-схеме надо точно установить длину дневных переходов, наметить места ночевки, определить срок. В этом вам помогут специальные маршрутные комиссии, которые есть в школах, Домах пионеров, туристских организациях. Кстати, они и дают разрешение отправиться в путешествие.

В походах по Уралу не требуется какого-либо особого туристского снаряжения. Обувь должна быть прочной, разношенной на ноге, с невысоким удобным каблучком. Наиболее подходящи туристские ботинки, толстая подошва которых и удобный покрой предохраняют ногу от ушибов и мозолей. Хороши кеды, но только следует вложить в них толстые войлочные стельки, тогда ноги не будут потеть. Поверх хлопчатобумажных носков рекомендуется надевать толстые шерстяные.

На Урале даже летом бывают холодные, дождливые дни, поэтому никогда нелишне взять с собой лыжную куртку, свитер и непромокаемую накидку. Для путешествия по тайге берите накомарник — сетку из тюля или марли. Для защиты рук от комаров и мошки хорошо иметь перчатки, а в обшлаге куртки продрнуть резинку, чтобы плотно обхватывалось запястье.

Собираясь в водный поход, не забудьте захватить куски клеенки и непромокаемые мешочки для упаковки продуктов и запасной одежды, а также специальные футляры для фотоматериалов. В сырую погоду над лодкой рекомендуется устраивать навес из брезента.

Для походов по рекам наиболее пригодна плоскодонная лодка, а на мелких реках и особенно против течения хороша долбленка. Очень легкая, она имеет минимальную осадку. Но следует помнить, что долбленка легко опрокидывается, поэтому надо соблюдать максимальную осторожность. Плот из бревен незаменим для северных уральских рек. Чтобы обеспечить хорошую маневренность плота, надо снабдить его гребями — большими веслами, установленными на носу и корме. На мелкой реке можно обойтись плотами-саликами и одними шестами.

Итак, если туристы будут знать и соблюдать все правила, необходимые для успешного похода, их путешествие по Уральскому краю будет увлекательным и доставит большое удовольствие от общения с природой и встреч с интересными людьми.

Советую путешественникам по Уралу прочитать такие книги: «Урал — туристская страна». Средне-Уральское книжное издательство, 1964 год; «Маршруты Среднего Урала». Издательство «Физкультура и спорт», Москва, 1971 год.

П. ИСТОМИН, мастер спорта СССР по туризму

ЛЮБОПЫТНЫЙ ЛИСЕНОК

В. Рождественский (Свердловск).

Михаил ДЕМЕНОК

Медведь-землекоп

Весна. Иду лесной опушкой, живописно окруженной стройными березами, вслушиваюсь в таинственный шепот первой зелени, в звонкие голоса птиц, вдыхаю аромат цветов.

Все мне здесь знакомо. И вот та березка, у которой ребятишки по шалости надрубили снизу ствол, — теперь из раны капля за каплей стекает на землю сок. Смотрю на деревце, и кажется, что березка плачет.

Знакома и та корзиночка, что висит на ветке черемухи с белыми душистыми цветами. В ней прошлым летом иволга-певунья вывела птенцов. А вон у того бочажка в низине, где возвышается бугорок сухих веток, дикая свинья воспитывала серых полосатых поросят...

Но что это? На чистом взгорке у подножья сопки видны кучи желтой глины. Раньше здесь ничего подобного не было.

Подойдя поближе, я увидел отпечатки когтистых медвежьих лап... Что же произошло? Обнаружив «барсучью колонию», медведь пустил в ход свои крепкие лапы: разрывал корни деревьев, разгребал землю. Копал до тех пор, пока не добрался до зверьков.

Много раз приходилось мне читать и даже наблюдать, как в поисках пищи медведь переворачивает огромные валуны, раскапывает муравейники, устраивает набеги на овсы, обламывает ветки с грушами, виноградом и даже целые вершины кедров с шишками и дубов с желудями. Но чтоб барсуков выкапывал из нор, увидел впервые. Вот уж поистине — медведь-землекоп!

Сквозь таежные джунгли

Утром, когда за изумрудными кронами деревьев показалось солнце, я покинул избушку-временку на берегу быстроговодной речки Тудагоу и очутился в непроглядной зелени пихтача. Ровные, стройные деревья стояли сплошным частоколом. С ветвей, словно бороды, свисали бледно-зеленые пряди лишайников. Они тянулись вверх и вниз, образуя непроходимый лабиринт; чтобы пройти вперед, приходилось палкой разрывать зеленую пряжу.

Впереди, словно маятник, вдруг закачалась борода лишайника. Я насторожился: в пихтаче царствовала немая тишина. Подойдя поближе, став за ствол белокорой пихты, присмотрелся. Зеленый «маятник» вновь качнулся: возле обомшелого дерева стояла на задних ногах кабарожка и срывала губами зелень. Насытившись, кабарожка подалась рысцой в глубь пихтача...

Позже мне вновь довелось побывать здесь с лесником Савелием. Так же шли мы сквозь тесный пихтач и, словно паутину, снимали с одежды шелковистые нити лишайников. Я рассказал леснику о встрече с кабаргой в этом урочище. Савелий ответил:

— Кабарга в этом пихтаче не редкость, потому что лишайников много — незаменимый корм.

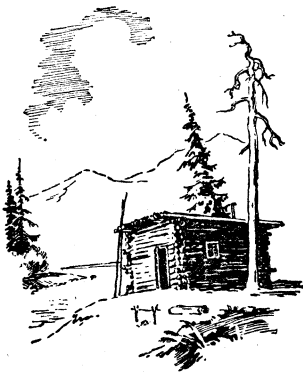
И вдруг предложил:

— А хочешь взглянуть на зверька?

— Каким же образом?

— Приманим. Вот сейчас увидишь.

Савелий снял перочинным ножом тонкую полосу бересты. Сложил, острые края пропустил внутрь, — получилось что-то вроде манка на крючку. Лесник приложил манок к губам. В тишине пихтача раздался звук, похожий на жалобный плач ребенка. И вдруг: «Чуфы-чуфы...» — послышалось где-то в стороне непроглядного хвойника, а через мгновение частые звуки: «туп-туп-туп»... Еще через минуту-другую в десятке метров от нас возле валежины выросла коричнево-бурая кабарга. Из верхней челюсти зверька торчали вниз острые белые клыки. Озираясь по сторонам, кабарга застучала передним копытом, зачуфыкала.

— Зачем она бьет копытом? — спросил я шепотом лесника.

— Пугает!

— Как — пугает?

— А вот так: самец прибежал на мой крик выручать малыша из лап хищника, вот и пугает.

Маленький олень еще несколько раз стукнул копытом и, чужая, помчался в другую сторону. Лесник взглянул в ту сторону, куда убежала кабарга, сказал сочувственно:

— Нет заботливее зверя в тайге, чем кабарга. Стоит малышу подать голос, к нему тут же бегут и самка, и самец....

Находчивые барсуки

Однажды вечером я вышел на лесную луговину, уставленную копнами душистого молодого сена. Неожиданно возле одной из копен раздался заливистый лай бродячей собаки. Подбежав к копне, я увидел рослого пса черной масти, а рядом двух молодых барсуков, лежащих без признаков жизни. Завидя меня, пес, как бы чувствуя свою вину, поджал хвост и рысцой побежал прочь. Мне ничего не оставалось делать, как подобрать неожиданный трофей.

Придя домой, я выгрузил барсуков из рюкзака и приготовился уже снимать с них шкуру. Каково же было мое удивление, когда я обнаружил, что барсуки живы! Зверьки таращили глаза на свет и фыркали.

На ночь я поместил барсуков на чердак.

Среди ночи вдруг услышал скрип чердачной дверки. Я осторожно вышел из избы и осветил карманным фонариком чердачную дверку. Она была открыта, и по лестнице, как по трапу, спускались вниз барсуки. Я бросился к ним, надеясь поймать хоть одного зверька. Но было уже поздно. Еще мгновение — и находчивые звереныши растворились в темноте.

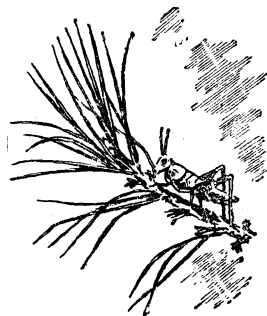
Куры питомник спасли...

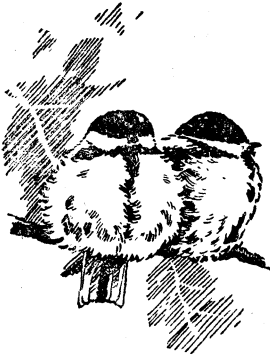
С пчеловодом дедом Тимофеем мы давние приятели. Когда приходится бывать в лесном питомнике возле пасеки, я не премину зайти в аккуратную дедову горницу. Хозяин всегда рад гостю: угостит свежим медом, напоит березовым соком, а уж потом поделится новостями.

В этот раз дед Тимофей нарушил обычай и начал еще с порога:

— Заждался я тебя! Тут, знаешь, такое приключилось... Если бы не мои куры — пришел бы конец вашему питомнику!

Из его рассказа выяснилось, что за мое отсутствие в питомнике появились опасные вредители — древесные кобылки.

Те самые кузнечики, на которых хорошо берется чебак, сиг, ленок. Кобылки начали объедать хвою у сеянцев кедра. Опасность вовремя заметил дед Тимофей. Долго не думая, он выпустил в питомник всех своих кур, и те с жадностью набросились на насекомых...

Дед Тимофей привел меня к питомнику. Там я увидел то, о чем только что рассказал пчеловод. Среди сеянцев неторопливо расхаживали куры, деловито склевывая кузнечиков.

— Говорят, что гуси Рим спасли. Правда ли это — не знаю. А вот что куры мой питомник уберегли — это точно, — довольно улыбаясь, закончил дед Тимофей.

Еж Пожарник

Нашел я его на лесной гари, у родничка. Еж бездыханным колом лежал на полуистлевшей дубовой подстилке среди обгоревших улиток. Его белесоватые, острые, как иглы, шипы были покрыты слоем сажи, на спине чернело слегка обуглившееся пятно. «Вот, бедняга, огонь и до тебя добрался», — подумал я. Плелся на него водой из родника. Еж расслабился, словно отпущенная пружина, и тихо фыркнул. Я обрадовался: живой! В фуражке принес свою находку домой.

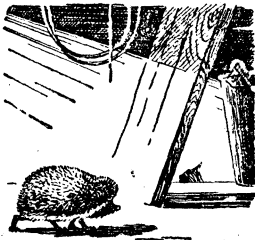
Лесной обитатель всем понравился. Ему дали кличку Пожарник. Свернувшись в тугой клубок, еж долго лежал неподвижно в отведенном углу кладовой. А когда все притихли, клубок медленно стал разворачиваться. Вначале показалась острая черная мордочка, затем — черненькие лапки. Еж осмотрел угол, обнюхал сухие дубовые листья. Прихрамывая на поврежденную огнем лапку, подошел к жестяной баночке с молоком и стал аппетитно лакать.

Так начал жить в нашем доме еж Пожарник. Кормили его поочередно, он охотно лакал молоко, поедая дождевых червей, иногда свежую рыбу.

Через две недели у нашего Пожарника зарубцевались ранки на спинке и лапке. По вечерам в кладовой все веселее раздавался дробный стук ежиных «каблучков»: цок-цок-цок. Сказывалась извечная сила инстинкта ночной охоты. Теперь, когда еж был совсем здоров, держать его в неволе и лишать любимого занятия — ночной охоты — было прямо-таки бессмысленно.

Отнес ежа за реку Даубихе и посадил его на песчаную косу, откуда начинались зеленые заросли леса. Еж поводит острой мордочкой вокруг, словно прислушиваясь к шорохам трав и листьев, и быстро побежал к черемуховым зарослям. Затем остановился, круто развернувшись, повертел мордочкой, как бы благодаря за все, и уже медленно заковылял к зелени, где вскоре и скрылся.

Лес был его родным домом. Его он не мог забыть и сменить на дом человека, как бы там ни было хорошо. Ну, будь здоров, Пожарник! Да не попадайся больше в лапы «желтого дракона» — огня!

На теплой протоке

... Возвращаясь из лесу домой, я заметил в пойме реки бочажки чистой прозрачной воды — то была незамерзающая протока. Ртутно-тяжелая вода в ней рябилась и ходила кругами от играющих рыб. «Вот бы где порыбачить!» — подумал я.

Задумано — сделано. Прихватив рыболовную снасть и баночку с червями, рано утром оправляюсь на протоку. Стоит легкий морозец, кроны деревьев окутаны кристальным пухом инея. Тройчатые заячьи следы петляют в ивняке, а дальше снег расшит тонкими строчками — следами мышей. На пойме тихо. Лишь изредка стрельнет от морозца сук в ясеневых зарослях. На белозернистом снегу замелькали прочерки когтистых лап — еноты. С рассветом они ушли со жнивья соевого поля и попрятались на день в густом бурьяне. Дальше на пути встретились пушистые шарики, тесно прижавшиеся друг к другу на ветках заиндеветшей боярки. Присмотрелся — синички! Пичужки, распутив крылышки, сидят бесшумно, дожидаясь солнца. Но вот и оно. Солнечные лучи ослепительно искрятся на белизне снегового покрова, ярко золотятся в верхушках покрасневших верб.

Я выхожу к протоке. Темно-синей подковой она огибает соевое поле и узким рукавчиком убегает к реке. Тихую лесную заводь обступили со всех сторон курчавые ивняки. Над протокой витает парок.

Просматриваю русло, ищу, где бы поудобнее пристроиться. Нахожу место, где через протоку перекинута жердочка, они образовали глубокий водоем с тихим завихрением. Здесь и устраиваюсь. Забрасываю удочки на середину водоема, где то и дело рождаются всплески рыбы, замороженным взглядом слежу за поплавками. Вот поплавок качнулся и медленно поплыл в сторону жердочек. Достая снасть. На крючке судорожно трепещет ленок. Раз за разом вынимаю почти из-под самых жердочек скользких, холодных рыб.

Рыбалка так увлекла, что не заметил, как к протоке прокралась лисица. Патрикеевна, должно быть, пришла в прибрежные заросли поохотиться на мышей и зайцев. Ее присутствие выдали качнувшиеся ветки красотала. Оглянулся, а она в этот момент повернула ко мне свою длинную острую мордочку, но тут же резко отпрянула от берега и поскакала. Долго в перелеске мелькал ее красный, как язык пламени, хвост.

Прилетели клесты и шумной ватагой облепили ветки елки с розоватыми шишками... Вечереет. Усиливаются мороз и ветер. Пронзительно скрипят, будто плачут, гибкие осинки за спиной, глухо ухают, словно филины, от порыва ветра голенастые тополя. Клева не стало — рыба ушла на дно.

Сматываю удочки. За мной молчаливо наблюдают клесты на елке...

Счастливая радуга

С приходом теплых весенних дней нежно голубела просинь таежных далей, слезными ручьями исходили сахарные торосы на горных ключах, куда целыми косяками устремлялись из тихих речек юркие ленки и хариусы.

Однажды после рыбалки я вышел на лесную дорогу, петляющую вдоль ключа: куда петля — туда и дорога...

Вечерняя тишина в прибрежных зарослях. И вдруг — гром, гроза. Вот-вот по чашам прокатится теплый благодатный дождик. Ищу глазами дерево погуще да пораскидистее, где можно было бы укрыться. И тут меня остановил рокот грузовика. Машина подошла и остановилась, дверца кабины распахнулась. Я, не мешкая, вскочил на подножку и протиснулся в кабину. Грузовик с места набрал скорость и покатил по дороге, подпрыгивая на колдобинах.

Несколько минут я не двигался, переживая удивление и, если хотите, волнение от только что увиденного: за рулем сидел, вернее не сидел, а слился с рулем смуглолицый мальчонка лет двенадцати. Машина слушалась его беспрекословно.

По лобовому стеклу грузовика полоснули вдруг тугие, как жгуты, струи дождя. Мальчонка привычным движением включил «дворника», переключил мотор на пониженную скорость...

— Вам до Анучино?

Получив утвердительный ответ, мальчонка сказал:

— А я до Криницы, там отец с дедом ждут. Пчел вывозим в вербную рошу.

Его тонюсенький голосок показался мне знакомым. «Постой, постой, так это же Петька — сын известного механика из соседнего леспромхоза Петра Громыко, о котором ходят целые легенды: уж чересчур упорен в труде этот человек!» Бывало, после Великой Отечественной, на старой машине, изработавшейся во время войны, вывозил из тайги на лесопилку по 40—50 кубометров круглого леса. Как-то мне говорили в производственном отделе леспромхоза: из той древесины, что вывез Петр Громыко за долгие годы работы, можно заново отгрохать такой райцентр, как Анучино...

Покоренный искусством, с которым Петька вел грузовик, я не стал расспрашивать его: почему да как. И так было ясно — научил водить машину отец. И судя по тому, как мастерски он ею управляет, мне было понятно, что знает он машину не хуже любого взрослого шофера. Хорошо было бы, думалось мне, если бы Петька, окрепнув, продолжил нелегкое дело отца.

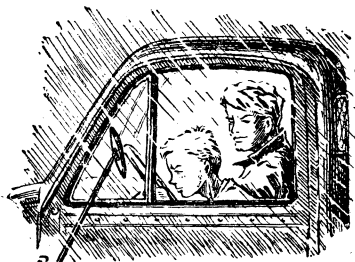
Я сидел, молча вглядываясь в наплывающие вечерние сумерки. Вот говорят — все в жизни начинается с дороги, которую мы выбираем в юные годы. А может, это не так? Может, все начинается с увлечения, когда бы оно ни завладело нами — хоть в детстве, хоть в зрелые годы.

У Криницы Петька затормозил. И мы вышли из кабины.

— Смотрите! — Петька указал рукой в сторону реки. Желто-зеленая дождевая радуга коромыслом изогнулась над курчавыми ивняками.

— Радуга воду пьет! — сказал Петька и снова сел за руль.

— Это к счастью — увидеть радугу ранней весной, — сказал я и пожелал доброго пути юному водителю.

МАЗАЕВЫ ВНУЧАТА

Необычное объявление

Челябинская студия телевидения получила однажды любопытное письмо. Его написала жительница Копейска Фаина Александровна Огнева.

«У нас уже полтора года живет ручная галка. Внучка принесла ее из леса с перебитой ногой и поврежденными крыльями. Нogu мы залечили, но летать она не может: маховые перья не отрастают. Ночует она в клетке, а днем свободно бродит по кухне. Ничего не трогает. Но ухаживать за ней мне уже трудно. Я стара, а внучка учится и времени у нее свободного мало. Может быть, среди любителей природы найдется желающий взять у нас галку? В теплое время она приспособилась бы жить «пешеходом», а сейчас унести ее в лес просто жестоко».

Об этом письме сообщили в одном из номеров телевизионной газеты «Голос природы». Проиллюстрировали кинокадрами, снятыми в Копейске.

Через три дня Ф. А. Огнева прислала в студию второе письмо, в котором благодарила любителей природы за отзывчивость. Она сообщила, что на другой же день после телевизионной передачи началось паломничество. Первыми, конечно, прибежали школьники. Им и досталась ручная галка.

Город охраняет лебедей

Случилось это в морозном январе в поселке Золотая Сопка близ Троицка. Ученик седьмого класса железнодорожной школы № 45 Саша Коженков собрался посмотреть лебедей. Они зимовали на теплом пруду ГРЭС.

Саша поднялся на пригорок и осмотрелся. Крутом горбатятся узкие улицы с белыми шапками крыш. Над ними стоят высокие серые столбики дыма. Над горой висит красный шар солнца. За белым железнодорожным полотном густо парит водоем. Иногда пелена разрывается, но лебедей не видно. «Спустить-ся, что ли, поближе к берегу? — подумал мальчик. — Может быть, вышли на лед».

Пробегая мимо остановки, Саша чуть не закричал: в автобус селся мужчина с лебедем, завернутым в тряпку. Мальчик с нетерпением переждал, когда в салон войдут последние пассажиры, и прыгнул в автобус. Протиснувшись поближе к похитителю лебеда, он увидел капельки крови на кончике крыла. Саша хотел обратиться за помощью к соседу, но не решился. У конечной остановки мальчика неожиданно оттеснили от похитителя, и, выскочив на многолюдную площадь, он потерял мужчину с лебедем.

В понедельник Саша рассказал о случившемся пионервожатой В. Палий. Та, конечно, расстроилась и поделилась вестью о случившемся в учительской.

На минуту стало тихо. Потом заговорили разом:

- Убить лебедя? Не может быть!
- Но были же случаи, в газетах писали.
- Вот и нам надо — в газету...

Прозвенел звонок, преподаватели разошлись на уроки. Палий осталась в учительской одна. Она взяла чистую тетрадь и стала обдумывать письмо в редакцию. Пионервожатая рассказала, как в школу позвонили из газеты. Перед опубликованием заметки «Зимовали лебеди» журналисты попросили ребят взять шефство над птицами. Затем позволили из районного совета Всероссийского общества охраны природы. Опять просьба: «Присмотрите за лебедями, они у вас под окном...»

Немедленно собрали линейку. Оказалось, что группа ребят следит за новоселами с первых дней их появления на водоеме. Володя Коновалов, Наиль Насруллин, бывшие ученики Юра Капицын, Толя Лящев каждый день приходят на берег. Поллюбуются на красавцев, оставят на берегу угощение. Директор школы Т. Вишникина дала ученикам срочные задания: попросить родителей помочь сберечь редких птиц, узнать в ветеринарном институте, как ухаживать за лебедями, организовать их кормление.

Преподаватель труда Г. Шаталов, ученики Толя Чинаев, Саша Волковский, Вова Межевиков выезжали на острова, куда выходили лебеди, расстилали под кустами солому и насыпали на нее пшеницу. Группа ребят вместе с пионервожатой подкармливала птиц с берега.

Не остались в стороне и жители поселка. Железнодорожник В. Баранович повесил на дверь магазина рукописное обращение об охране птиц; рабочий Ф. Дикопольцев, хорошо знающий повадки диких птиц, давал советы, чем и как кормить лебедей. За судьбой пернатых зимовщиков следили председатель профсоюзного комитета Троицкой ГРЭС Д. Гирин, семидесятипятилетняя Е. Фетисова, ректор ветеринарного института М. Сенькин, начальник районного отдела милиции В. Шевченко. Словом, лебеди стали общей заботой.

Когда газета «Вперед» опубликовала заметку пионервожатой, весь поселок заволновался. В. Палий останавливали на улице, звонили ей в школу. Все спрашивали об одном: «Нашли похитителя лебеда?»

И вот телефонный звонок в редакцию:

— Запишите адрес, мой сосед привез лебеда...

Редакционный шофер тут же помчался на розыски. Через час все облегченно вздохнули: тревога оказалась ложной. Саша Коженков видел в автобусе не лебеда, а — домашнего гуся. Многочисленные любители природы окончательно успокоились, когда прочитали в газете сообщение о том, что лебеди живут на старом месте и чувствуют себя прекрасно.

На лосиной тропе

У всех животных есть свои видимые и незримые пути. По муравьиной дорожке, скажем, можно добраться до конусообразного жилища этих лесных санитаров. Птичьи трассы, по которым осенью косяки улетывают в теплые страны, безошибочно находят только пернатые.

Есть свои тропы и у лосей. По ним животные ходят на водопой, к солонцам, на глухие еланки с густым разнотравьем. Часто дорожки сохатых тянутся вблизи деревень и поселков, бывают и возле городов.

Как-то житель деревни Калиновка Н. Н. Сошников пошел на делянку. Взял с собой соседских ребяташек — мол, полакомятся ягодами. Шли споро. Березовая роща расстилалась перед путниками прохладные ковровые дорожки, веселила пением птиц, щекотала лица серебристыми паутинками. Только на старой вырубке остановились на несколько минут — полюбовались мирной семейной сценой: в конце просеки, совсем как буренки, паслись большой сохач, лосиха и теленок.

Возвращались домой к вечеру. Так бы, наверное, и кончился этот день без особых происшествий, если бы не младший из компании. Он без устали рыскал по лесу, то отставая от товарищей, то нагоняя и опережая их. Он-то и заметил неладное. На полянке, за вырубкой стояла одна лосиха с теленком. А из чащи слышался какой-то стон и треск.

Сошников вместе с ребятами направился в глубину леса. То, что они увидели, действительно было редким происшествием: могучий лось застрял между двумя березами и безуспешно пытался вырваться на волю.

Видимо, сохатый захотел почесать свои бока, облепленные оводами, и попал впросак.

Пила оказалась как нельзя кстати. Через несколько минут ребята спилили одну березу. Лось постоял немного, встряхиваясь, помотал головой, пофыркал словно сказал «спасибо» и тихим шагом направился к своей семье.

Ребята и рысья

На околице деревни Меседа, Катав-Ивановского района, ученик восьмого класса Коля Подгорбунский нашел беспомощного слабенького зайчонка. В неудачном месте родился косой. Вокруг деревни днем и ночью бегают собаки — ни одна зайчиха не осмелилась покормить длинноухого детеныша. Вот и оставался малыш голодным. И, наверное, погиб бы, если бы не подобрали его ребята.

Зайчонок живет во дворе. Он привычно тянет молоко из соски, смешно похрустывает увесистой морковкой, обнюхивает книжные картинки с веселыми зайцами. Я взял у юного натуралиста короткое

интервью. На один из вопросов Коля ответил с видимой гордостью и несколько озабоченно:

— Сам выкормил... а теперь от соски никак не отучу.

А вот семиклассник Боря Чекусов и его товарищ Саша Сорокин из поселка Увильды нашли на болоте логово рыси. В корневище сгнившей березы копошились четыре ушастых рыжих котенка. Ребята схватили их и убежали домой.

Сашины найденыши оказались беспокойными зверятами, похожими на двухмесячных щенков овчарки. Один из Бориных питомцев к тому времени не выдержал заточения в темной сырой клетке и подох. Второй все время жалобно пищал.

— Зачем разорили логово? — спросил ребят приехавший с нами охотовед.

Мальчики только вздыхали в ответ. За всех уверенно высказался Сашин отец:

— Сдадим куда-нибудь, хищники ведь...

— Сами вы хищники, — с досадой сказал охотовед и рассказал ребятам, как содержать малышей, пока он не пришлет ветеринарного врача, и договорится с охотинспекцией об отправке рысят в зооцентр.

Надо бы на этом поставить точку. Но вспоминаются другие случаи, когда подростки оказывались не друзьями, а врагами живой природы. Ребята из деревни Байрамгулово приехали в лес за сеном и увидели на копне спящую молодую рысь. Им надо привязать лошадь, чтобы не ускакала, если испугается, да свистнуть. И убежал бы зверь. Так нет, старший подкрался и заколол зверя вилами. Паренек проявил элементарную жестокость.

В Аргаяшском районе вместе со взрослыми школьники тушили лесной пожар. Нашли в густых зарослях перепуганных лосят. Надо было, как предлагал лесник, отвезти их в соседний бор, где постоянно обитают лоси. Но ребята упростили взрослых — оставить на время тонконогих красавцев в селе. Финал этой истории грустный. Подросшие лосята стали кровными врагами сельских садоводов и огородников. Один молодой сохатый, напорвшись на садовом заборе, — погиб, другой бесследно исчез, говорят, не без помощи недругов...

* * *

Родную природу не зря называют школой доброты. Она учит ребят чуткости и справедливости, любви ко всему живому, что окружает их, учит патриотизму — в самом глубоком значении этого слова.

В. КОЛЧИН

НА ИЗУМЛЕНИЕ АНГЛИЧАН

Шла весна 1813 года. Войска стран Священного союза преследовали отступающие наполеоновские армии уже на территории Германии. Газеты публиковали восторженные сообщения о русских солдатах. Особенно много писалось о казаках. Так одна из берлинских газет свидетельствовала: «Достаточно одного казачьего полка, чтобы парализовать действия многочисленного неприятельского корпуса».

О русских казаках, о их бестрашии и силе распространились самые невероятные слухи.

Вот почему, когда потребовалось доставить депешу русскому посланнику в Лондоне графу Ливену, выбор атамана Платова пал на донского казака Александра Землянухина, проявившего в боях недюжинную отвагу и мужество.

И вот казак Александр Землянухин в Лондоне. Повсюду его сопровождают толпы любопытных англичан. Особое внимание вызывает пика, торчащая из окна кареты.

«Рост казака около шести футов; он сильного и коренастого телосложения и, хотя у него суровая, воинственная наружность, но лицо довольно выразительное и доброе... Борода у казака длинная, кудрявая и седая; волосы на голове менее седые, зачесаны назад, на шее около шести дюймов длины, а на лбу острижены коротко и ровно. Одежда его состоит из синего кафтана и шаровар, сшитых из толстого сукна, и широких сапогов с круглыми носами. Руки казака необыкновенной ширины и с короткими пальцами, но он с большим искусством владеет оружием, состоящим из пистолета, ружья, сабли и длинной пики, и, по-видимому, вовсе не чувствует их тяжести». — так описывала внешность донского казака Александра Землянухина лондонская газета «Морнинг Кроникл».

С первых же дней обычно чопорные английские аристократы засыпали простого, полуграмотного казака приглашениями. Каждому хотелось похвастаться перед гостями «русской диковиной».

Александр
Землянухин

Казак побывал на приеме у лорд-мэра Лондона. Члены масонского ордена пригласили Землянухина на церемонию посвящения в новые члены. Его рисовали два лон-

донских художника — Гифи и Пайон. Гифи включил Землянухина и в свою большую историческую картину.

Поэт Дитчер сочинил в честь Землянухина военную песню, опубликованную позднее в русском переводе в журнале «Сын Отечества». Она начиналась так:

Ура! Горят, пылают села.

Седлай коня, казак!

Ура! Мечи отомщенья стрелы,

Где скрылся лютый враг.

Перед началом представления в одном из лондонских театров артисты пропели эту песню специально для донского казака.

Житель британской столицы Рудольф Акерман предоставил в распоряжение Землянухина свой дом. Однажды он принес несколько сабель прекрасной работы и предложил их русскому гостю. Казак выбрал одну из них — с кривым турецким клинком...

29 апреля граф Ливен представил казака принцу-регенту. Тот подарил Землянухину саблю на черной бархатной португезе, обитой серебром. Гость с Дона поблагодарил принца и заговорил о том, что он очень тоскует по родине, что пришлось и пасху встречать на чужбине...

Уезжая из Лондона, Землянухин сердечно распрощался с Акерманом, сказав ему: «Погостил и поел я у тебя хлеба-соли, ты в последний день был так же ласков со мной, как и в первый. Пора и честь знать!»

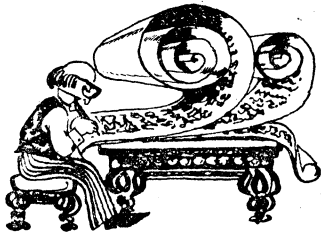
Ныне в одном из залов Новочеркасского музея истории донского казачества выставлен портрет Землянухина в том самом синем кафтане и с пикой в руках. А сам кафтан и по сей день лицезреют посетители Британского музея в Лондоне.

Ю. НЕМИРОВ

- **НОВАЯ ШАХМАТНАЯ ИГРА!**
- **ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ ИМЕН**

Студент математического факультета Рочестерского университета (штат Нью-Йорк) придумал новую шахматную игру, в которой участвуют трое игроков. Играют они на шестиугольной доске в 96 клеток белыми, черными и красными фигурами. Побеждает тот, кто поставит мат двум своим соперникам.

Ян Голубовский, ученый-лингвист из Варшавы, коллекционирует... имена. На протяжении одиннадцати лет он собрал около 20 000 человеческих имен на шестидесяти языках. Ученый использовал для этого художественную литературу, календари, справочники, личные контакты с филологами разных стран.

Главный редактор С. МЕШАВКИН

Редколлегия: А. АСС, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), МУСА ГАЛИ, А. ДОМНИН, Б. КОЛЕСНИКОВ, В. КРАПИВИН, Ю. КУРОЧКИН, Г. МАШКИН, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, К. СКВОРЦОВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), В. ШУСТОВ

ОБЛОЖКА Е. СТЕРЛИГОВОЙ

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Художественный редактор М. Горшкова.

Технический редактор Э. Максимова.

Корректор В. Бурангулова.

Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 8. Телефон 51-22-40
Средне-Уральское Книжное Издательство.

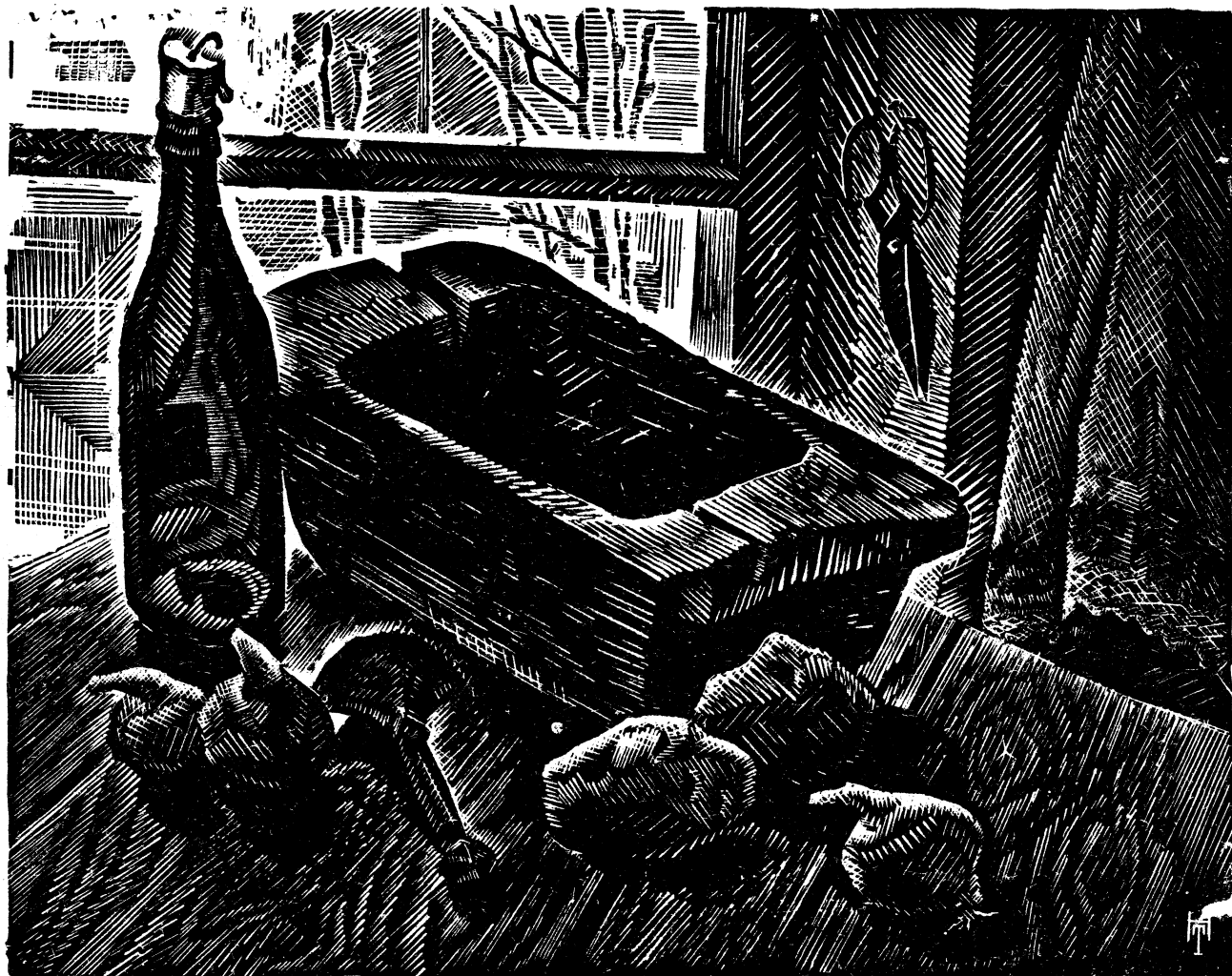
Сдано в набор 9/1 1973 г. НС 20038. Подписано к печати 2/II 1973 г. Бумага 84×108¹/₁₆=2,62 бум. л.—
8,8 печ. л. Уч.-изд. л. 10,9. Тираж 220 000. Цена 30 коп. Заказ 7.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

Ю. ТЕВШ. (Челябинск)

МИСС ВОЛЕЙБОЛ

Н. ТРЕТЬЯКОВ. (Челябинск)

НАТЮРМОРТ